

Eurasian Journal

of Intellectual Property Law

ЕУРАЗИЯЛЫҚ ЖУРНАЛ ЗИЯТКЕРЛІК МЕНШІК ҚҰҚЫҒЫ

The blanket licensing model is almost 200 years old. It is outdated and we need to change our way of doing things, because we can't fight the technology

Mr. Pfanani Lishivha

EURASIAN JOURNAL OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW / ЕУАЗИЯЛЫҚ ЖУРНАЛ
ЗИЯТКЕРЛІК МЕНШІК ҚҰҚЫҒЫ, № 2, декабрь, 2025

Peer-reviewed scholarly & practical journal

EURASIAN JOURNAL OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW / ЕУАЗИЯЛЫҚ ЖУРНАЛ ЗИЯТКЕРЛІК МЕНШІК ҚҰҚЫҒЫ is an independent, professional publication and a dynamic academic platform where diverse legal traditions, languages, and cultural contexts converge. The journal provides in-depth coverage of the latest legal developments across the Eurasian continent and on the international stage.

We champion comparative legal research and actively support the processes of integration and harmonization in intellectual property law. Special emphasis is placed on interdisciplinary legal studies that engage with intellectual property issues.

The journal is not sponsored by or affiliated with any university. It is a privately initiated, pan-Eurasian scholarly and practical platform, established without financial or institutional support from any governmental body.

Рецензияланатын ғылыми-практикалық журнал

EURASIAN JOURNAL OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW / ЕУАЗИЯЛЫҚ ЖУРНАЛ ЗИЯТКЕРЛІК МЕНШІК ҚҰҚЫҒЫ – құқықтық мектептер, тілдер мен мәдени контекстер тоғысатын, Еуразия құрлығындағы және халықаралық деңгейдегі соңғы құқықтық оқиғаларды талдайтын тәуелсіз кәсіби журнал және өзекті ғылыми алаң.

Журнал салыстырмалы-құқықтық зерттеулерді қолдайды және зияткерлік меншік құқығы саласындағы интеграция мен унификация процестерін дамытуға үлес қосады. Зияткерлік меншік саласындағы пәнаралық құқықтық зерттеулерге ерекше көңіл бөлінеді.

Журнал демеушілерге тәуелді емес және ешбір университетпен байланыспаған. Мемлекеттік органдардың қандай да бір қолдауынсыз жеке бастамамен құрылған тәуелсіз жалпыеуразиялық ғылыми-практикалық алаң болып табылады.

Рецензируемый научно-практический журнал

EURASIAN JOURNAL OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW / ЕУАЗИЯЛЫҚ ЖУРНАЛ ЗИЯТКЕРЛІК МЕНШІК ҚҰҚЫҒЫ – независимый профессиональный журнал и актуальная научная площадка, где пересекаются правовые школы, языки и культурные контексты, освещающая последние правовые события в странах Евразийского континента и на международном уровне.

Журнал поощряет сравнительно-правовые исследования и поддерживает процессы интеграции и унификации в сфере права интеллектуальной собственности. Особое внимание уделяется междисциплинарным правовым исследованиям, затрагивающим аспекты интеллектуальной собственности.

Журнал не спонсируется и не связан ни с одним университетом. Является независимой общеевразийской научно-практической площадкой, созданной в частном порядке без какой-либо поддержки со стороны государственных органов.

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD
РЕДАКЦИЈАЛЫҚ АЛҚА МҮШЕЛЕРІ
ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Atabekova N.K.

Associate Professor, PhD, Candidate of Philological Sciences, Kyrgyz Republic

Bratus D.A.

Associate Professor, PhD, Russian Federation

Sitdikova R.I.

Professor, Doctor of Law, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Yldashov A.

Associate professor, PhD, Republic of Uzbekistan

Bolotov Y. A.

Doctor of Law (D.Litt.), Candidate of Technical Sciences, Patent Attorney, Republic of Kazakhstan

Атабекова Н.К.

Доцент, құқық ғылымдарының кандидаты, филология ғылымдарының кандидаты, Қырғыз Республикасы

Братусь Д.А.

Доцент, құқық ғылымдарының кандидаты, Ресей Федерациясы

Ситдикова Р.И.

Профессор, заң ғылымдарының докторы, Татарстан Республикасы, Ресей Федерациясы

Юлдашов А.

Доцент, құқық ғылымдарының кандидаты, Өзбекстан Республикасы

Болотов Ю. А.

Құқық докторы, техника ғылымдарының кандидаты, патенттік сенім білдірілген өкіл, Қазақстан Республикасы

Атабекова Н.К.

Доцент, к.ю.н., канд. филол. наук, Кыргызская Республика

Братусь Д.А.

Доцент, к.ю.н., Российская Федерация

Ситдикова Р.И.

Профессор, д.ю.н., Республика Татарстан, Российская Федерация

Юлдашов А.

Доцент, к.ю.н., Республика Узбекистан

Болотов Ю. А.

Доктор права, кандидат технических наук, патентный поверенный, Республика Казахстан

IN THIS ISSUE:

8 | EDITOR'S NOTE

11 | FEATURED INTERVIEW

Interview with **Mr. Pfanani Lishivha**, Chief Executive Officer of the South African Music Performance Rights Association (SAMPRO, Johannesburg, South Africa) and Member of the Board of the Societies' Council for the Collective Management of Performers' Rights (SCAPR, Brussels, Belgium)

21 | DISCUSSION

By **P. Bucheit, T. Dillon, C. Van Vaerenbergh, Uroš Rožič**: Is it necessary to revise approaches to understanding creative activity, given the rapid development of technologies and generative AI systems?

25 | ORIGINAL RESEARCH ARTICLES

Polezhaev O.A. NFT - assets in the system of legal rights: problems of legal qualifications

Abdrejeva N.B. Value of Brands Based on Examples from Court Practice in the Republic of Kazakhstan

43 | REVIEW ARTICLES

Suvorova A.A. Theatrical Productions in Private Theatres: Legal Risks, Challenges, and Strategic Solutions

Belotserkovets S.P. Overview of Intellectual Property Exchanges

66 | GAPS IN LEGISLATION

Legal Sketches from the Life of Theatres: A Conversation with **M.S. Pimenov**

74 | EXPERT COMMENTS

Comment by **Mr. Koichi Makigami**, Vice-chairman of Center for Performer's Rights Administration (CPRA) International Committee (Japan, Tokyo)

80 | UPDATES

Review of Amendments to the Intellectual Property Legislation of the Republic of Kazakhstan

81 | LEADING CASES

Sergienko S.A. Conflict of legal regimes between design work and industrial design: the experience of the United States, France, the United Kingdom, Australia, and Japan

91 | REVIEWS AND ESSAYS ON BOOKS, SCIENTIFIC ARTICLES AND MONOGRAPHS

Scientific essays on the works of Professor **B.M. Gongalo**

98 | COLUMN OF THE PRIVATE INSTITUTION «NON-PROFIT ORGANIZATION FOR THE PROTECTION OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS «AMANAT»

The creative path of **Yerlan Kokeyev**

103 | CONFERENCE REVIEWS. REPORTS ON SCIENTIFIC EVENTS AND ACTIVITIES OF ORGANIZATIONS

Review of the VII International Conference on Copyright and Related Rights: 'Issues of Collective Management of Copyright and Related Rights in the Context of the Convergence of Legal Systems: Challenges of the Time, the Real and the Due

НӨМІРДЕ:

8 | РЕДАКТОР СӨЗІ

11 | НӨМІР ТҰЛҒАСЫ. СҰХБАТ

Оңтүстік Африканың орындаушылық құқықтары қауымдастығының бас атқарушы директоры (Оңтүстік Африка, Йоханнесбург), Орындау құқықтарын ұжымдық басқару қоғамдарының халықаралық қауымдастығының (SCAPR) Басқарма мүшесі (Бельгия, Брюссель) **Pfanani Lishivha** мырзамен сұхбат

21 | ТАЛҚЫЛАУ

Технологиялар мен генеративті ЖИ жүйелерінің қарқынды дамуын ескере отырып, шығармашылық қызметті түсінуге деген тәсілдерді өзгерту қажет пе?

25 | ТҮПНҰСҚА ЗЕРТТЕУ МАҚАЛАЛАРЫ

Полежаев О.А. Азаматтық құқық объектілері жүйесіндегі NFT - активтері: қатынастардың құқықтық квалификациясының мәселелері

Абдреева Н.Б. Қазақстан Республикасының сот тәжірибесінің мысалдарына негізделген бренд құндылығы.

43 | МАҚАЛАЛАРДЫ ШОЛУ

Суворова А.А. Жеке театрлардағы театрландырылған қойылымдар: құқықтық тәуекелдер, мәселелер және оларды шешу жолдары

Белоцерковец С.П. Зияткерлік құқық биржаларына шолу

66 | ЗАҢНАМАДАҒЫ ОЛҚЫЛЫҚТАР

Театрлар өмірінен құқықтық көріністер. **М.С. Пименовпен** әңгіме

74 | САРАПШЫЛАРДЫҢ ПІКІРЛЕРІ

Орындаушылар құқықтарын басқару орталығының Халықаралық комитеті төрағасының орынбасары **Коичи Макигами** мырзаның түсіндірмесі (Жапония, Токио)

80 | ЗАҢНАМАЛЫҚ ЖАҢАЛЫҚТАР

Қазақстанда зияткерлік меншік туралы заңнамаға өзгерістер енгізілді

81 | ҚҰҚЫҚ ҚОЛДАНУ ТАЛДАУЫ

Сергиенко С.А. Жобалау және өнеркәсіптік үлгідегі құқықтық режимдердің қайшылықтары: АҚШ, Австралия, Ұлыбритания, Франция және Жапония тәжірибесі

91 | КІТАПТАРҒА, ҒЫЛЫМИ МАҚАЛАЛАРҒА ЖӘНЕ МОНОГРАФИЯЛАРҒА ШОЛУЛАР МЕН ЭССЕЛЕР

Профессор **Б.М. Гонгалоның** еңбектері бойынша ғылыми эсселер

98 | «АМАНАТ» АВТОРЛЫҚ ЖӘНЕ САБАҚТАС ҚҰҚЫҚТАРДЫ ҚОРҒАУ ЖӨНІНДЕГІ КОММЕРЦИЯЛЫҚ ЕМЕС ҰЙЫМ» ЖЕКЕ МЕКЕМЕСІНІҢ БАҒАНАСЫ

Ерлан Көкеевтің шығармашылық жолы

103 | КОНФЕРЕНЦИЯ ШОЛУЛАРЫ. ҒЫЛЫМИ ІС-ШАРАЛАР МЕН ҰЙЫМДАСТЫРУ ШАРАЛАРЫ ТУРАЛЫ ЕСЕПТЕР

Авторлық құқық және сабақтас құқықтар жөніндегі VII Халықаралық конференцияның шолуы:

«Құқықтық жүйелердің конвергенциясы жағдайында авторлық және сабақтас құқықтарды ұжымдық басқару мәселелері: уақыт талаптары, бар және болуға тиіс»

В НОМЕРЕ:

8 | СЛОВО РЕДАКТОРА

11 | ПЕРСОНА НОМЕРА. ИНТЕРВЬЮ

Интервью с г-ном **Pfanani Lishivha** – главным исполнительным директором Южно-Африканской Ассоциации по правам исполнителей (ЮАР, Йоханнесбург), Членом правления Международной ассоциации совета обществ по коллективному управлению правами исполнителей (SCAPR) (Бельгия, Брюссель)

21 | ДИСКУССИЯ

Необходимо ли менять подходы к пониманию творческой деятельности, учитывая стремительное развитие технологий и генеративных ИИ – систем?

25 | ОРИГИНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Полежаев О.А. NFT – активы в системе объектов гражданских прав: проблемы юридической квалификации отношений

Абдреева Н.Б. Ценность брендов на примерах судебной практики Республики Казахстан

43 | ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Суворова А.А. Театральные постановки в частных театрах: правовые риски, проблемы и пути решения

Белоцерковец С.П. Обзор бирж интеллектуальных прав

66 | ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Юридические зарисовки из жизни театров. Беседа с **М.С. Пименовым**

74 | КОММЕНТАРИИ ЭКСПЕРТОВ

Комментарий **Mr. Koichi Makigami** – заместителя председателя Международного комитета Центра по управлению правами исполнителей (Япония, Токио)

80 | НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В Казахстане внесены изменения в законодательство об интеллектуальной собственности

81 | АНАЛИТИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Сергиенко С.А. Коллизия правовых режимов произведения дизайна и промышленного образца: опыт США, Австралии, Великобритании, Франции и Японии

91 | РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ НА КНИГИ, НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И МОНОГРАФИИ

Научные эссе на труды профессора **Б.М. Гонгало**

98 | КОЛОНКА ЧАСТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПО ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ «АМАНАТ»

Творческий путь **Ерлана Кокиева**

103 | ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ. ОТЧЕТЫ О НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ

Обзор VII Международной конференции по авторскому праву и смежным правам «Проблемы коллективного управления авторскими и смежными правами в условиях конвергенции правовых систем: вызовы времени, сущее и должное»

EDITOR'S NOTE

Bratus D.

Editor-in-Chief, Ph.D. in Law

Братусь Д.В.

Бас редактор, қ.ф.к.

Братусь Д.В.

Шеф-редактор, к.ю.н.

Dear Friends,

We are delighted to present the second issue of the Eurasian Journal of Intellectual Property Law. The Journal's concept is rooted in the academic depth of its published research, a vibrant international dialogue on the future of intellectual property law, and authoritative insights from experts across various creative sectors.

This issue inaugurates a series of publications dedicated to exploring the global challenges of the digital age: artificial intelligence, NFT assets, cross-border exploitation of exclusive rights to theatrical productions, new ethical considerations in copyright law, and the transformation of copyright and related rights management. These topics are no coincidence. They define the trajectory of modern intellectual property law, shifting from traditional institutions towards hybrid digital forms where human creative activity increasingly intersects with algorithms, networks, and distributed ledgers.

This issue features original research, analytical commentaries, and interviews with experts from South Africa, Japan, the EAEU countries, and the European Union. An interview with Mr. Pfanani Lishivha (South Africa) turns a new page in the discussion on the imperative to reform the system of collective management of copyright and related rights in the era of generative AI. Meanwhile, Mr. Koichi Makigami's (Japan) commentary offers authentic insights into unique Japanese approaches to creators and their works. The perspectives of esteemed international community members (from Belgium,

the UK, Germany, Slovenia, and beyond) on the necessity of re-evaluating our understanding of creativity and creative activity in light of total digitalization provide ample ground for further discussion within the pages of our Journal.

Special attention is given to comparative legal aspects and the cultural specificities of regulation in different countries. In doing so, the Journal reaffirms its mission as an independent Eurasian platform where diverse legal schools, languages, and cultural contexts converge.

We extend our sincere gratitude to the authors, reviewers, and partners for their collaborative efforts in shaping this interdisciplinary scientific and practical platform.

We trust that the Journal will continue to foster academic dialogue and practical interaction among legal professionals, researchers, and the creative intelligentsia.

Best regards,
Editor-in-Chief, Ph.D. in Law
Bratus D.

РЕДАКТОР СӨЗІ

Құрметті достар!

Алдарыңызда Eurasian Journal of Intellectual Property Law журналының екінші саны. Журналдың тұжырымдамасы жарияланатын ғылыми зерттеулердің академиялық тереңдігіне, зияткерлік меншік құқығының болашағы жөніндегі халықаралық жанданды диалогқа және шығармашылық салаға қатысты түрлі мәселелер бойынша сарапшылар қауымдастығы өкілдерінің беделді пікірлеріне негізделеді. Бүгінгі шығарылым цифрлық дәуірдің жаһандық сын-қатерлерін түсіндіруге бағытталған жарияланымдар сериясын ашады: жасанды интеллект, NFT активтері, театр қойылымына берілетін айрықша құқықтың трансшекаралық пайдаланылуы, авторлық құқықтағы жаңа этика және авторлық әрі сабақтас құқықтарды басқару саласының трансформациясы. Бұл тақырыптардың таңдалуы бекер емес. Дәл осы мәселелер интеллектуалдық меншік құқығының қазіргі даму бағытын айқындайды — дәстүрлі институттардан цифрлық гибридіті нысандарға қарай, мұнда шығармашылықпен айналысатын адам барған сайын алгоритмдермен, желілермен және таратылған тізілімдермен өзара әрекеттеседі.

Бұл шығарылымға Оңтүстік Африка, Жапония, ЕАЭО елдері және Еуропалық Одақ сарапшыларының түпнұсқа зерттеулері, талдамалық пікірлері мен сұхбаттары енді. Оңтүстік Африкадан келген мырза Pfanani Lishivha-мен сұхбат генеративті жасанды интеллект дәуірінде авторлық және сабақтас құқықтарды ұжымдық басқару жүйесін реформалау қажеттілігі туралы пікірталастың жаңа бетін ашады, ал жапон сарапшысы Koichi Makigami-дің түсіндірмесі Жапониядағы авторларға және олардың шығармашылығына тән ерекше көзқарастар туралы нақты ақпарат алуға мүмкіндік береді. Бельгия, Ұлыбритания, Германия, Словения және басқа елдердегі беделді халықаралық қауымдастық өкілдерінің тотальды цифрландыру жағдайында шығармашылықты және шығармашылық қызметті түсіну тәсілдерін өзгерту қажеттілігі жөніндегі пікірлері Журнал беттерінде әрі қарай талқылауға кең өріс ашады.

Жекелеген елдердегі құқықтық реттеудің салыстырмалы-құқықтық аспектілеріне және мәдени ерекшеліктеріне айрықша назар аударылды. Осылайша, Журнал құқықтық мектептер, тілдер және мәдени контекстілер тоғысатын тәуелсіз еуразиялық алаң ретіндегі өзінің миссиясын растайды.

Авторларға, рецензенттерге және серіктестерге пәнаралық ғылыми-тәжірибелік алаңды қалыптастырудағы бірлескен жұмысы үшін алғысымызды білдіреміз.

Журнал алдағы уақытта да заңгерлер, зерттеушілер және шығармашылық зиялы қауым арасындағы академиялық диалог пен практикалық өзара іс-қимылды дамытуға үлес қосады деп сенеміз.

Құрметпен,
Бас редактор, қ.ф.к.
Братусь Д.В.

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

Перед вами второй номер Eurasian Journal of Intellectual Property Law. Концепция Журнала базируется на академической глубине публикуемых научных исследований, живом международном диалоге о будущем права интеллектуальной собственности и авторитетных мнениях представителей экспертного сообщества по различным вопросам творческой подотрасли.

Сегодняшний выпуск открывает серию публикаций, целью которых является осмысление глобальных вызовов цифровой эпохи: искусственный интеллект, NFT активы, трансграничное использование исключительного права на театральную постановку, новая этика в авторском праве и трансформация сферы управления авторскими и смежными правами. Эти темы не случайны. Именно они определяют вектор развития современного права интеллектуальной собственности от традиционных институтов к гибридным цифровым формам, где человек, занимаясь творческой деятельностью, всё чаще взаимодействует с алгоритмами, сетями и распределёнными реестрами.

В выпуск вошли оригинальные исследования, аналитические комментарии и интервью с экспертами из Южной Африки, Японии, стран ЕАЭС и Европейского Союза. Интервью с г-ном Pfanani Lishivha (ЮАР) открывает новую страницу в обсуждении необходимости реформирования системы коллективного управления авторскими и смежными правами в эпоху генеративного ИИ, а комментарий г-на Koichi Makigami (Япония) позволяет получить достоверное представление об уникальных японских подходах к авторам и их творчеству. Мнения членов авторитетного международного сообщества (Бельгия, Великобритания, Германия, Словения и др.) по вопросу необходимости изменения подходов к пониманию творчества и творческой деятельности с учетом тотальной цифровизации открывает простор для дальнейшей дискуссии на страницах нашего Журнала.

Особое внимание уделено сравнительно-правовым аспектам и культурной специфике регулирования в разных странах. Тем самым Журнал подтверждает свою миссию независимой евразийской площадки, где пересекаются правовые школы, языки и культурные контексты.

Выражаем признательность авторам, рецензентам и партнёрам за совместную работу над формированием междисциплинарной научно-практической площадки.

Верим, что Журнал и впредь будет способствовать академическому диалогу и практическому взаимодействию между юристами, исследователями и творческой интеллигенцией.

С уважением,
Шеф-редактор, к.ю.н.
Братусь Д.В.

FEATURED INTERVIEW

НӨМІР ТҰЛҒАСЫ. СҰХБАТ

ПЕРСОНА НОМЕРА. ИНТЕРВЬЮ

Interviewer:

Diana Bratus Ph.D., Leading Editor of the Eurasian Journal of Intellectual Property Law, co-founder and head of the Online School of Intellectual Property Law.

In an exclusive interview, Mr. Pfanani Lishivha, Chief Executive Officer of the South African Music Performance Rights Association (SAMPRO, Johannesburg, South Africa) and Member of the Board of the Societies' Council for the Collective Management of Performers' Rights (SCAPR, Brussels, Belgium), shared his views on the ongoing transformation of the global system of collective management of copyright and related rights, highlighting the contribution and efforts of African countries. Mr. Lishivha discussed advanced international practices in the field of collective management, SCAPR's strategic priorities in the digital era, and the challenges associated with the emergence of generative artificial intelligence. Particular attention was given to the crucial role played by African countries in shaping a fair and transparent environment for the protection of performers' interests worldwide. This interview represents a valuable contribution to the ongoing dialogue on how technology, law, and creativity can coexist in the future framework of copyright and neighboring rights.

D.V.: What priorities currently define SCAPR's activities at the global level?

P.L.: It's the cooperation of different neighboring rights CMOs around the world. And by cooperation, I mean that we need to ensure that in territories where there are laws protecting performers' rights the CMO in that particular territory ideally should belong to SCAPR. And SCAPR will then facilitate the cooperation and the exchange of royalty fees between the various CMOs.

D.V.: How has SCAPR's role evolved in recent years amid rapid digitalization and the rise of platform-based content?

P.L.: Okay, in terms of how SCAPR has evolved, if you look at when SCAPR was formed in the mid-1980s, I think it was 1986, it was mostly a Western European federation. Now it has evolved to cover the entire world. I'm from Africa and I'm a member of SCAPR. For the first time you have an African representative on the SCAPR board. We also have representatives from North America and South America as members of SCAPR and as members of the board.

In terms of the digital technology that we have, SCAPR societies, or CMOs, are almost all of them using digital technology. For example, you've got the IPD, which is the International Performer Database, of which almost every member of SCAPR is a member.

And the IPD issues what we call the International Performer Number, or IPN, which is a unique number for each performer around the world. Secondly, we've got VRDB, which is the tool that is used for the exchange of data between different CMOs. So, instead of exchanging Excel files, you just go onto the VRDB and claim your songs from other international CMOs with whom you have bilateral agreements, and then you see money in your account.

Right now, we are also dealing with the advent of generative AI. We are asking: how do we make sure that it is used for the benefit of performers, instead of working against them?

We currently don't have the solutions yet but we are working on that.

D.V.: How significant is the contribution of African countries, particularly South Africa, to shaping SCAPR's agenda?

P.L.: It is very significant in ensuring that SCAPR is a global organization. It is not just for Europe, and particularly not only for Western Europe. And secondly, having South Africa as a member and also represented on the board of SCAPR, in my view, it will encourage other African CMOs to join SCAPR.

SAMPRA was the first African CMO to be an active member of SCAPR and also on the board. But since my election onto the board in May 2024, we already have two African CMOs that have joined SCAPR and we are working on ensuring that more and more African CMOs become members of SCAPR so that they know the right things to do.

You've got a lot of music that is being performed in African territories, but there's no protection because either the legislation does not exist or because the legislation is there, but the people in those territories don't have any idea on where to start. But by them becoming members of SCAPR, then we will help them in setting up the systems and ensuring that the people whose music is performed in those territories get their royalties.

D.V.: What are the main challenges currently faced by collective management organizations in the digital era?

P.L.: Generative AI, as I indicated earlier, I think is the biggest problem right now, the biggest challenge, because you've got companies or generative AI companies that are copying music without authorization and without payment of a fee, and using those data sets to train their machines to produce new content. And then they then go to music users, and say, please cancel your license fee, your licensing contract with the CMO, and take our music, it's royalty-free music.

But it is not royalty-free music, because there's no Gen AI machine that can produce music on its own, it needs to learn from existing data sets. So that's number one, that there's unauthorized copying of music without compensation.

But secondly, when that music gets performed in public, it is public performance, but the people whose original music was used to train this Gen AI to produce music, they are getting nothing. And that is something that is the biggest problem right now that we are dealing with. And every quarter when we meet, like we were in Athens last week in Greece, this is something that we were talking about.

One of the things we were talking about was how do we deal with this problem of Gen-AI produced music.

D.V.: How does SCAPR contribute to ensuring fair remuneration for performers when their recordings are used on streaming platforms?

P.L.: I think it depends from territory to territory. But in general, one of the problems we have is that in most territories, streaming platforms have direct agreements with record companies, where instead of having... Actually, the record companies have not given the mandates to performers and which means the record companies can go and license directly with Spotify, Deezer, Apple, etc.

And whether performers do get their royalties from record companies is another story for another day. I know that even at WIPO it's a big problem that there's a belief that performers are not getting what they should be getting from streaming platforms because streaming platforms have got direct arrangements with record companies.

So ideally what should be happening is that CMOs should be the ones licensing streaming platforms so that we ensure the splitting of the royalties from streaming platforms on a 50–50 basis. 50% going to the record company and 50% going to the performers whose tracks were used.

D.V.: What mechanisms are applied to facilitate international data exchange on performers' rights among societies from different countries?

P.L.: Yeah, the VRDB tool that I spoke about earlier, that's the major tool that we are using at SCAPR to facilitate the exchange of data between CMOs. So unfortunately, the VRDB is for SCAPR members. So, if there's a CMO out there that is not a member of SCAPR, it could become very difficult for it to use the VRDB, because the VRDB is for members of SCAPR.

That is why we are encouraging those CMOs that are not yet members of SCAPR to join SCAPR. Fortunately, here in Kazakhstan, Amanat is a member of SCAPR, so it is easy for them to use the VRDB. But any other CMO, especially in Africa, that is not a member of SCAPR and would like to start exchanging data and royalties with other CMOs, we encourage them to join SCAPR so that they are able to do it on VRDB.

D.V.: How does SCAPR cooperate with WIPO and other international organizations regarding digital registration and identification of performers' rights?

P.L.: We are currently having discussion on whether non-SCAPR members can have access to some of our databases. But other than that, SCAPR participates in international conferences. There is very good cooperation right now between SCAPR and IFPI. The IFPI is for record companies. We also have good cooperation between

SCAPR and CISAC, and CISAC is the International Federation for Authors Rights.

On the digital side, the discussions are still happening, because we need to protect our data. We need to make sure that if you are coming in as even as a member of SCAPR, if you want to participate in one of our databases for exchange of rights, you need to satisfy certain data protection requirements.

So, if it is a non-SCAPR member, sometimes maybe it could be a record company or a streaming platform, we have to first make sure that our database is secure that you cannot just open it to anybody else and then the next thing there are problems and you get fined for leaking people's personal data.

D.V.: Are there any SCAPR projects aimed at standardizing metadata processing for performers' rights?

P.L.: The VRDB is the one that is the best, our number one database, as well as the IPD. I think through these two databases we are achieving what we need to achieve in terms of ensuring proper exchange of neighbouring rights and royalties.

We just need to ensure that all members of SCAPR are participating in the VRDB because it is there but some members are not yet active members of VRDB.

D.V.: What are the main features and challenges in protecting copyright and related rights across the African continent?

P.L.: The model that we are using right now that has been used around the world which is blanket licensing with generative AI producing content based on the copying of existing data sets. I believe that this model is being challenged. We may have to move to transactional licensing or do both blanket licensing and transactional licensing.

So far, most of us if not all have been relying on blanket licensing and I believe it is time we started looking at transactional licensing as well in the era of generative AI. But if we have to look at Africa specifically, we have other challenges other than generative AI. One is the absence of the legislation to protect performers in certain African territories.

I can mention territories like Angola, where the legislation does not exist at all. And then it becomes a challenge to say if you are going to try to punish people for using music in public without paying the performers, what is the legal basis for punishing them? Is that copyright infringement in the absence of the law? In other cases, you find that there is protection but the expertise does not exist, people don't have the knowledge and the experience on how to do this protection and this is where we come in as SAMPRA and as SCAPR to say where the law exists to protect performance rights and there is a CMO that has been established, let's provide them with the necessary knowledge and expertise.

D.V.: How does SCAPR support the establishment of new collective management organizations in African countries?

P.L.: Yeah, so what we normally do is, when a new CMO is established in one of the African territories and we

know about it, that there's a CMO that has been established, we reach out to them to see where we can assist them. We may not have been as successful as we should have been so far, and I can give examples.

In Southern Africa, you have territories like Swaziland and Malawi that have got these CMOs, but we are not seeing the results, despite the fact that we have tried to assist them. As SAMPRA, we have spent a lot of money on East Africa, Kenya, Uganda and Tanzania to help them. But so far, I think it's only in Kenya where you could say that we are making progress.

In the other territories, there hasn't been much progress and it's not because of lack of trying. It's because of the conditions in those territories that are beyond our control.

D.V.: How do you assess the balance between freedom of creativity, users' interests, and the protection of performers' rights?

P.L.: So, as I indicated earlier on, CMOs or collective societies around the world, including those that are members of SCAPR, we rely on blanket licensing. So, blanket licensing says use as much music as you want in return for a fee. So, we don't restrict the usage. If you are a hotel like this one and you want to play music 24–7, you can do that as long as you pay a fee to the collecting society because the collecting society is acting on behalf of the right holders.

So, the balance there that is created is that you are given the freedom as the music user to use whatever music you want, any time of the day, as long as you pay the agreed fee.

D.V.: Are modern legal systems prepared for the transformations associated with AI content and metaverses?

P.L.: Yeah, most of the pieces of legislation around the world are lagging behind. I think it's only Western Europe, or let me say the EU, where you have a lot of movement towards ensuring performance rights. But even there, it's still a journey. And I could safely say that most of the world was caught napping or unaware.

In Africa, nothing has happened so far, including my own country, South Africa. We haven't had any movement on the legislative side or regulatory side to protect performers.

So, that is why it becomes a big challenge for us to protect the performers in the absence of the legislation, but I believe that as SAMPRA and members of SCAPR, there's something that can be done from our own initiative to ensure that performers are protected in the era of generative AI.

D.V.: Which directions in the development of collective rights management do you consider strategically important for the coming decade?

P.L.: I believe that CMOs need to come up with new strategies and business models to ensure the continued protection of performers in the era of generative AI. The blanket licensing model that I was talking about earlier is almost 200 years old, so it is outdated, and we need to change our way of doing things, because we can't fight the technology.

The technology is here. The best we can do is to embrace it and say, how do we utilize this technology? How do

we live side by side with the technology without compromising performers' interests. And the best thing, in my view, other than the legislative amendment, from the level of societies, we need to think of new strategies and new ways of conducting business.

Because the way of conducting business, the one that is almost 200 years old, is going out. If we don't change, we will find ourselves facing extinction.

FEATURED INTERVIEW

НӨМІР ТҰЛҒАСЫ СҰХБАТ

ПЕРСОНА НОМЕРА. ИНТЕРВЬЮ

Интервьюер:

Диана Братусь, кандидат юридических наук, шеф-редактор Евразийского журнала права интеллектуальной собственности, сооснователь и руководитель Онлайн-школы права интеллектуальной собственности.

В эксклюзивном интервью Генеральный директор Южноафриканской ассоциации по управлению правами на исполнение музыкальных произведений (SAMPRA, Йоханнесбург, ЮАР) и член Правления Совета обществ по коллективному управлению правами исполнителей (SCAPR, Брюссель, Бельгия) г-н Pfanani Lishivha поделился своим взглядом на современную трансформацию глобальной системы коллективного управления авторскими и смежными правами, подчеркнув вклад и усилия государств Африки. Г-н Lishivha рассказал о передовых международных практиках в сфере коллективного управления, стратегических приоритетах SCAPR в цифровую эпоху и вызовах, связанных с появлением генеративного искусственного интеллекта. Особое внимание было уделено ключевой роли африканских стран в формировании справедливой и прозрачной среды для защиты интересов исполнителей по всему миру. Данное интервью представляет собой ценный вклад в продолжающуюся дискуссию о том, как технологии, право и творчество могут в будущем сосуществовать в рамках системы авторского права и смежных прав.

D.V.: Какие приоритеты в настоящее время определяют деятельность SCAPR на глобальном уровне?

P.L.: Главный приоритет – сотрудничество организаций по коллективному управлению смежными правами по всему миру. И под сотрудничеством я имею в виду, что нам нужно добиться того, чтобы на территориях, где есть законы, защищающие права исполнителей, ОКУ на этой конкретной территории в идеале были членами SCAPR. А затем SCAPR будет способствовать сотрудничеству и обмену роялти между различными ОКУПами.

без выплат вознаграждений, используя эти данные для обучения моделей, создающих новый контент. Затем они предлагают музыкальным пользователям заменить лицензированный репертуар музыкой, которую называют «Royalty-free». Важно отметить, что ни одна система ИИ не может создавать музыкальные произведения без обучающих датасетов. Итак, номер один – несанкционированное копирование музыки без выплаты вознаграждений авторам и исполнителям.

Во-вторых, исполнители, чьи произведения используются для обучения ИИ, ничего не получают, даже когда созданная ИИ музыка публично исполняется. Эта проблема стоит сегодня наиболее остро. Мы обсуждаем её на каждом квартальном заседании. Например, на встрече SCAPR в Афинах на прошлой неделе. Одна из тем, о которых мы говорили, заключалась в том, как нам справиться с проблемой музыки, созданной с помощью генеративных ИИ-технологий.

D.V.: Как SCAPR способствует обеспечению справедливого вознаграждения исполнителей за использование их записей на стриминговых платформах?

P.L.: По странам ситуация отличается, но в целом проблема заключается в том, что стриминговые сервисы заключают прямые соглашения со звукозаписывающими компаниями (рекорд-лейблами). Звукозаписывающие компании в свою очередь являются правообладателями и могут работать напрямую со Spotify, Deezer, Apple и т.д. Исполнители не получают того, что они должны получать от потоковых платформ. Это признано проблемой и на уровне ВОИС.

Идеальная модель – лицензирование стриминга организациями по коллективному управлению, обеспечивающее справедливое распределение вознаграждения 50/50 между лейблом и исполнителями, чьи треки были использованы.

D.V.: Какие механизмы применяются для международного обмена данными о правах исполнителей между обществами разных стран?

P.L.: Главным инструментом, о котором я уже говорил ранее, является VRDB, он обеспечивает обмен данными и роялти между организациями-членами SCAPR. Доступ к VRDB есть только у членов SCAPR, поэтому мы поощряем присоединение к SCAPR тех ОКУПов, которые хотят полноценно участвовать в международном обмене, особенно ОКУПов в Африке.

К счастью, в Казахстане «Аманат» является членом SCAPR, поэтому им легко использовать VRDB.

D.V.: Как SCAPR взаимодействует с ВОИС (WIPO) и другими международными организациями по вопросам цифрового учёта и идентификации прав исполнителей?

P.L.: SCAPR активно участвует в международных конференциях и сотрудничает с IFPI (предназначен для звукозаписывающих компаний), CISAC и другими организациями. В настоящее время мы обсуждаем, могут ли страны, не являющиеся членами SCAPR, иметь доступ к некоторым из наших баз данных. Итак, если говорить об организациях, не являющихся членами SCAPR, это может быть звукозаписывающая компания или платформа потокового вещания, мы должны сначала убедиться, что наша база данных будет в безопасности.

D.V.: Как изменилась роль SCAPR в условиях стремительной цифровизации и роста платформенного контента?

P.L.: Если посмотреть на SCAPR с момента её основания в середине 1980-х годов (кажется, это был 1986 год), то тогда это было в основном западноевропейское объединение. Сегодня это глобальная организация. Я представляю Африку и вхожу в состав правления SCAPR. Впервые в истории в SCAPR появился представитель Африки в руководящем органе. Сейчас членами SCAPR являются представители Северной и Южной Америки, а также Африки.

Практически все общества, являющиеся членами SCAPR, используют современные цифровые технологии. Например, существует Международная база данных исполнителей (IPD), участниками которой являются почти все члены SCAPR. IPD присваивает Международный номер исполнителя (IPN) – уникальный идентификатор каждого исполнителя в мире.

Есть и VRDB – инструмент для обмена данными между организациями. Таким образом вместо того, чтобы обмениваться файлами Excel, вы просто заходите в VRDB и запрашиваете свои песни у ОКУПов из других стран, с которыми у вас есть двусторонние соглашения, а затем вы видите деньги на своем счете.

Сейчас мы также сталкиваемся с вызовом генеративного искусственного интеллекта (далее – ИИ). Мы задаёмся вопросом: как сделать так, чтобы ИИ использовался в интересах исполнителей, а не против них? Готовых решений пока нет, но мы активно над этим работаем.

D.V.: Насколько значим вклад африканских стран, в частности Южно-Африканской Республики, в формирование повестки SCAPR?

P.L.: Вклад действительно значителен, поскольку это обеспечивает глобальный характер SCAPR, а не её сосредоточенность только на Европе, особенно в западноевропейском регионе. Присутствие ЮАР в SCAPR, включая членство в правлении, по моему мнению, стимулирует и другие африканские ОКУПы присоединиться к этой международной организации.

SAMPRA стала первой африканской организацией по коллективному управлению авторскими и смежными правами, которая стала активным членом SCAPR. С момента моего избрания в правление в мае 2024 года к SCAPR уже присоединились два новых африканских ОКУПа, и мы работаем над дальнейшим расширением, чтобы помочь новым организациям сформировать правильные практики.

Сегодня на африканских территориях исполняется огромное количество музыки, но зачастую отсутствует правовая защита: либо нет законодательства, либо отсутствует понимание того, как применять законы. Если данные ОКУПы станут членами SCAPR, мы поможем им настроить системы и содействовать тому, чтобы люди, чья музыка исполняется на этих территориях, получали свои гонорары.

D.V.: Какие основные вызовы сегодня стоят перед организациями по коллективному управлению авторскими и смежными правами в цифровую эпоху?

P.L.: Генеративный ИИ, как я указывал ранее. Полагаю, что сейчас это самая большая проблема. Компании-разработчики ИИ копируют музыкальные произведения без разрешения правообладателей и

Дискуссия по этому вопросу еще продолжается. В любом случае доступ к базам данных SCAPR возможен только при соблюдении жёстких требований по защите данных, и вопрос допуска внешних субъектов (лейблов, платформ) требует серьезной оценки рисков.

D.V.: Существуют ли проекты SCAPR, направленные на унификацию стандартов обработки метаданных о правах исполнителей?

P.L.: Лучшими инструментами являются VRDB и IPD. Данные базы способствуют унификации метаданных и помогают международному обмену данными в сфере смежных прав и роялти. Однако необходимо обеспечить активное участие всех членов SCAPR, поскольку некоторые из них еще не являются активными участниками VRDB.

D.V.: Какие особенности и сложности характерны для защиты авторских и смежных прав на африканском континенте?

P.L.: Модель, которую мы используем сейчас, внедрена во всем мире и представляет собой полное (бланкетное) лицензирование генеративного ИИ, создающего контент на основе копирования существующих наборов данных. Я считаю, что этой модели бросают вызов.

До сих пор большинство из нас, если не все, полагались на полное лицензирование, и я считаю, что в эпоху генеративного искусственного интеллекта пришло время задуматься и о транзакционном лицензировании. Возможно, нам придется перейти к транзакционному лицензированию или одновременно использовать полное (бланкетное) и транзакционное лицензирование.

Но если говорить конкретно об Африке, у нас есть и другие проблемы, помимо генеративного ИИ. Одной из них является отсутствие законодательства по защите прав исполнителей на некоторых африканских территориях, например, в Анголе. В таких странах, где отсутствует правовая основа, непросто взыскивать авторские вознаграждения. И является ли такое использование нарушением авторских прав при отсутствии закона?

В странах, где есть законы, отсутствуют знания и опыт. В этом случае SAMPRA и SCAPR выполняют функцию партнёра. Мы разъясняем, обучаем и предоставляем новым ОКУПам необходимые знания и свой опыт.

D.V.: Как SCAPR поддерживает формирование новых национальных организаций по коллективному управлению в странах Африки?

P.L.: Мы связываемся с новыми организациями и оказываем методологическую и техническую поддержку. Возможно, до сих пор мы не добились такого успеха, как следовало бы. Могу привести примеры. В Южной Африке есть такие территории, как Свазиленд и Малави, там созданы ОКУПы, но мы не видим результатов от их деятельности. В Восточной Африке SAMPRA инвестировала значительные ресурсы в Кению, Уганду и Танзанию, но реальные результаты видны пока только в Кении.

На других территориях прогресса пока не видно, и дело не в отсутствии усилий. Это связано с условиями на тех территориях, которые находятся вне нашего контроля.

D.V.: Как обеспечивается баланс между свободой творчества, интересами пользователей и защитой прав исполнителей?

P.L.: Основной механизм – полное лицензирование. Пользователи могут свободно использовать любое количество музыки при условии уплаты установленного вознаграждения авторам, ОКУПам. Поэтому мы не ограничиваем использование. Если вы представляете отель и хотите воспроизводить музыку 24/7, вы можете делать это при условии, что вы платите сбор обществу, поскольку общество по сбору платежей действует от имени правообладателей.

Таким образом, баланс между свободой использования и защитой прав исполнителей заключается в том, что вам как пользователю музыки предоставляется свобода использовать любую музыку, которую вы хотите, в любое время дня, при условии внесения согласованного вознаграждения.

D.V.: Насколько современные правовые системы готовы к трансформациям, связанным с ИИ-контентом и метавселенными?

P.L.: Большинство законодательных актов во всем мире отстают от технологических изменений. Полагаю, что только в Западной Европе или, позвольте мне так сказать, в ЕС наблюдается активное движение в направлении обеспечения прав на исполнение. Можно с уверенностью сказать, что большая часть мира была застигнута врасплох.

В Африке пока ничего не произошло, включая мою собственную страну, Южную Африку. У нас не было принято никаких законодательных инициатив или иных действий по защите прав исполнителей с учетом появления генеративных ИИ-технологий. Однако SCAPR и SAMPRA стремятся разрабатывать инициативы, компенсирующие пробелы в законодательстве.

D.V.: Какие направления развития коллективного управления правами Вы считаете стратегически важными для ближайшего десятилетия?

P.L.: ОКУПам необходимо разработать новые стратегии и бизнес-модели, чтобы обеспечить постоянную защиту исполнителей в эпоху генеративного искусственного интеллекта. Если ОКУПы не адаптируются, они рискуют исчезнуть.

Модель общего (бланкетного) лицензирования, о которой я говорил ранее, существует уже почти 200 лет, поэтому она устарела, и нам необходимо изменить наш подход к работе, потому что мы не можем бороться с технологией.

Технология здесь и сейчас. Лучшее, что мы можем сделать – принять это и спросить: как нам использовать эти технологии? Как нам жить бок о бок с технологиями, не ущемляя при этом интересы исполнителей? И самое лучшее, на мой взгляд, помимо законодательных поправок, на уровне общества нам нужно подумать о новых стратегиях и новых способах ведения бизнеса.

Потому что способ взыскания авторских вознаграждений, тот, которому почти 200 лет, теряет актуальность. Если мы не изменимся, ОКУПам грозит вымирание.

DISCUSSION ТАЛҚЫЛАУ ДИСКУССИЯ

We turned to representatives of the international expert community with the question:

«Is it necessary to revise approaches to understanding creative activity, given the rapid development of technologies and generative AI systems?»

Технологиялар мен генеративті ЖИ жүйелерінің қарқынды дамуын ескере отырып, шығармашылық қызметті түсінуге деген тәсілдерді өзгерту қажет пе?

Необходимо ли менять подходы к пониманию творческой деятельности, учитывая стремительное развитие технологий и генеративных ИИ-систем?

**Christophe
Van Vaerenbergh**

Managing Director
PlayRight, Belgium

**Кристоф Ван
Веренберг**

Управляющий
директор PlayRight, Бельгия

«The rapid development of new technologies, such as AI, has had a fundamental impact on all creative sectors. Although these tools offer great opportunities, they also present several legal and ethical challenges for artists and their representatives. Huge collections of copyrighted material have been used in the process and have been the subject of possible copyright infringements, as was evidenced in recent court cases in the USA (Anthropic case) and Germany (GEMA vs. OpenAI). Collective management organizations, such as PlayRight, will continue to follow-up on market trends and defend the interests of their members. We advocate for the introduction of a collective remuneration right to compensate performing artists for the use of recordings to which they made a vital contribution»

«Стремительное развитие новых технологий, таких как искусственный интеллект, оказало фундаментальное влияние на все творческие индустрии. Хотя эти инструменты открывают большие возможности, они также порождают ряд юридических и этических вызовов для артистов и их представителей. Огромные массивы охраняемых авторским правом материалов были использованы в процессе генерации и стали предметом возможных нарушений авторских прав, что было продемонстрировано недавними судебными разбирательствами в США (дело Anthropic) и Германии (GEMA против OpenAI)

Thomas Dillon

Arbitrator and Mediator, UK

Томас Диллон

Арбитр и медиатор,
Великобритания

Организации по коллективному управлению, такие как PlayRight, продолжают отслеживать тенденции рынка и защищать интересы своих членов. Мы выступаем за введение права на коллективное вознаграждение, которое компенсировало бы артистам-исполнителям использование записей, в создание которых они внесли жизненно важный вклад»

«The nature of creative work is unchanging. The question of what we protect by copyright, however, has to be refined in light of the inevitable use of AI tools by creators. A prominent view, including at the US Copyright Office, is that copyright requires some degree of human creation and that therefore works wholly produced by AI are not protected. It remains to be decided what amount of human contribution is required. But in the 1988 copyright statute of the United Kingdom, provision was made for the protection of "computer-generated works", according copyright, on the model of films, to the entrepreneur who makes the necessary arrangements. As the parliamentary record shows, the section was explicitly proposed to address AI. Why not protect AI works if people will pay for them? In the UK, we already protect non-original films and sound recordings in any case. Let human authors compete with AI works and let the producers of AI works make money from them, if they can. But - and it is a crucial point - the AI engines must pay the human authors for the use of their work. If, as seems likely, AI systems will require continual refreshment from human authors, the two sides will come to a deal. Effective enforcement against unauthorized use of protected works for LLM training is hence an absolute necessity»

«Природа творческой деятельности остаётся неизменной. Однако вопрос о том, что именно мы защищаем авторским правом, должен быть уточнён с учётом неизбежного использования авторами инструментов искусственного интеллекта. Распространена точка зрения, в том числе в Бюро по авторскому праву США, что для охраны авторским правом требуется определённая степень человеческого творчества, и, следовательно, произведения, полностью созданные ИИ, не подлежат защите. Остаётся решить, какой объём человеческого вклада является необходимым. Но в Законе Великобритании об авторском праве 1988 года было предусмотрено предоставление охраны «произведениям, созданным компьютером», при которой авторское право по аналогии с фильмами предоставляется предпринимателю, осуществившему необходимые организационные действия. Как

видно из парламентских материалов, данная норма была прямо предложена для регулирования вопросов ИИ.

Почему не защищать произведения ИИ, если люди готовы за них платить? В Великобритании мы и так предоставляем охрану неоригинальным фильмам и звукозаписям. Пусть авторы (люди) конкурируют с произведениями ИИ, а производители таких произведений получают от них прибыль, если смогут. Но есть принципиальный момент: системы ИИ должны платить авторам (людям) за использование их произведений. Если, как представляется вероятным, системам ИИ потребуется постоянное «обновление» за счёт человеческого творчества, стороны договорятся. Эффективное пресечение несанкционированного использования охраняемых произведений для обучения больших языковых моделей, таким образом, является абсолютной необходимостью»

Peter Buchheit

International Affairs &
Business Development
Legal and Business Affairs,
GVL, Germany

Питер Буххайт

Немецкая организация по
управлению смежными пра-
вами, Германия

«I think it is out of question that besides the fact that creatives, artists & performers should be profiting from AI systems who are using their creative works as a foundation that there will also be a new approach to working creatively with these new systems. Not only the usage and evaluation of content is to debate, so will be new artistic roles coming to the creative & music industries/field, just as the synth player, programmer, producer or even DJ had been appearing in the years following the emerge of «popular music» in the 21st century – due to technical innovations»

«Я думаю, не подлежит сомнению, что помимо того факта, что творческие люди, художники и исполнители должны получать прибыль от систем искусственного интеллекта, использующих их творческие работы в качестве основы (для обучения и формирования баз данных), также появится новый подход к творческой работе с этими новыми системами. Не только использование и оценка контента являются предметом дискуссий, но и новые творческие роли, приходящие в творческую и музыкальную индустрию (сферу), точно так же, как технические устройства, программисты, продюсеры или даже диджеи появились в годы после возникновения «популярной музыки» в 21 веке – благодаря техническим инновациям»

UROŠ ROŽIČ

AIPA, Slovenia

Урош Рожич

AIPA, Словения

«Yes, I believe our approaches to understanding creative activity do need revising in light of generative AI, but in a distinctly European, human centric way. The role of technology, in my view, is to create conditions that support and ease artistic work – by offering new tools, perspectives and collaborations – not to replace art or take its place. Our focus should be on creative activity itself: how humans use AI systems to explore, improvise and share meaning; while keeping authorship, responsibility and cultural diversity firmly rooted in people. Beauty ultimately belongs to art and human imagination; AI can only inspire and amplify that beauty, not own it»

«Да, я считаю, что наши подходы к пониманию творческой деятельности действительно нуждаются в пересмотре в свете генеративного ИИ, но в европейско-человекоцентричном ключе. Роль технологий, на мой взгляд, состоит в том, чтобы создавать условия, поддерживающие и облегчающие художественную работу, предлагая новые инструменты, перспективы и формы сотрудничества, а не заменять искусство или занимать его место.

Наше внимание должно быть сосредоточено на самой творческой деятельности: как люди используют системы искусственного интеллекта для исследования, импровизации и передачи смысла, сохраняя авторство, ответственность и культурное разнообразие, прочно укоренившееся в людях. Красота в конечном счете принадлежит искусству и человеческому воображению; ИИ может только вдохновлять и усиливать эту красоту, но не обладать ею»

ORIGINAL RESEARCH ARTICLES ТҮПНҰСҚА ЗЕРТТЕУ МАҚАЛАЛАРЫ ОРИГИНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

NFT ASSETS IN THE SYSTEM OF LEGAL RIGHTS: PROBLEMS OF LEGAL QUALIFICATIONS

Statement on Scientific Novelty and International Contribution

This article provides a conceptual analysis of the legal nature of non-fungible tokens (NFTs). It is demonstrated that their legal essence cannot be reduced to existing categories of private law constructs, such as securities or traditional derivative rights. It is substantiated that the legal treatment of an NFT is determined not by its technological form, but by the specific configuration of this internal connection. This approach differs from common doctrinal models that view NFTs either as investment instruments or as evidentiary records, and places NFTs within a broader theory of "hybrid digital assets" capable of producing both legal and functional (technical) effects.

The article contributes to the international scientific discussion by demonstrating that formally identical NFTs can perform various legal functions – law-making, law-establishing, or purely demonstrative (depending on the architecture of internal relationships). It is noted that distributed ledger records have varying legal significance in different legal frameworks, which complicates the cross-border recognition of NFT transactions. By defining the conditions under which NFTs can facilitate the transfer of exclusive rights, the granting of licenses, or the protection of an author's moral rights, the research forms a doctrinal basis for harmonizing digital asset regulation across different jurisdictions and underlies further comparative and regulatory studies.

Polezhaev

Oleg Alexandrovich

Ph.D. in Law, Assistant Professor Department of Financial deals and New Technologies in Law of the Federal State Budgetary Scientific Institution «The Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alekseev»; Lecturer of IP Department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation, e-mail: PolezhaevOA@mail.ru

Abstract: this article is devoted to the study of the problems of legal regulation of relations related to the objects of intellectual rights expressed in the digital environment with the help of NFT tokens. It is proved that when determining the legal regime of NFT, the key circumstance to be taken into account is the nature of the connections that arise between the digital asset and the underlying object. The variety of types and nature of the relationships that arise between the underlying asset and the digital asset leads to a situation in which externally similar NFT tokens will perform completely different legal functions, which will inevitably affect the legal status of their holders.

Keywords: digital assets, NFT, objects of intellectual rights, transfer of exclusive rights, license agreement, access relations.

Digital assets that have entered civil circulation, by the very fact of their appearance and existence, have forced legal researchers to consider the need for new studies, as the properties inherent in these new legal entities do not fit into the traditional legal view of the world. Characteristics such as cross-border nature, multifunctionality, intangibility, and volatility, inherent even in the simplest types of digital assets, indicate that digital entities represent

a true legal phenomenon characterized by contradiction and heterogeneity.

NFTs are no exception; their external simplicity disguises complex and poorly known legal constructs that guarantee the achievement of results previously considered impossible.

Acting as superstructural or derivative legal constructs, digital assets in the vast majority of cases ensure integration into modern civil circulation of traditional civil right items (underlying items), which can be things, obligations, corporate rights, and rights to the results of intellectual activity (RIA). To be fair, it should be noted that not all digital assets are derivative in nature. Some of them act as full-fledged and independent civil right items, the value whereof is based on their own useful properties, rather than on other civil right items. The most prominent example of such assets is cryptocurrencies, the utility whereof is based on their potential use as a reasonably effective means of payment.

In cases where digital assets act as superstructural legal phenomena, such as NFTs, the question of qualifying the legal connection between the digital asset and the underlying item, as well as the legal characterization of the internal relationship between the holders of the digital asset and the underlying item, inevitably becomes relevant.

Before describing the individual methods of forming a legal connection between an NFT and its underlying item, it is worth noting that none of the approaches and methods under investigation have yet received proper legal interpretation and full legal consolidation due to their novelty. Legal frameworks are only just beginning to understand these new legal phenomena in order to form a full picture thereof, while the choice of specific legal constructs seems premature.

Superstructural or derivative assets are well known to any modern legal framework and are no longer the subject of heated legal debates. The legal nature of securities, as well as the question of defining the legal connection between a security and the benefit it represents, are well-studied, which significantly increases the effectiveness of law enforcement and eliminates potential disputes between the parties to the relevant relationships.

Recognizing in superstructural digital assets the well-known functionalities inherent in superstructural assets, many legal researchers (4, 12-13) and legal frameworks in general (3) began to argue that these newly emerged digital entities should not have their own legal regulation and treatment, as they are traditional securities, albeit expressed in a new digital form. This decision was materially influenced by the fact that the institution of securities is well-studied in legal doctrine and well-developed in law enforcement practice, which could significantly simplify the integration of derivative digital assets into the legal system.

As a result, a position quickly formed in the American legal framework under which NFTs can be recognized as investment contracts, which allows securities legislation to be applied to them (5). It seems that a similar approach may soon form in European legal frameworks as well, since all the necessary prerequisites therefor have already emerged. For instance, European legislation already allows the application of securities laws to relationships involving digital assets (7,94).

Despite the formal legal impeccability of the above approach, it appears to be inappropriate and ineffective. The fact is that the vast majority of NFTs are currently issued for the purpose of fixing and transferring individual intellectual deliverables, many of which have no legal essence whatsoever. The creation of NFTs with the underlying items thereof including things, obligations, or corporate rights, although it does occur, is more of an exception than a rule.

By fixing a unique digital item that may not be protectable from an intellectual property law perspective, or whose buyer may be deprived of any property rights to the underlying item, NFT issuers, as well as their acquirers, certainly do not intend to become participants in investment relationships.

The causa of the transaction for acquiring the vast majority of NFTs is not specifically focused on generating profit from the future sale of the digital asset in this way. Although such a possibility always exists and is even considered by the parties, it does not form the basis of the legal interest of NFT acquirers, but is rather an accidental benefit.

The NFTs common in modern circulation were created not so much to secure property rights to underlying items, but rather to publicly record the fact of acquiring and possessing a unique digital phenomenon.

A significant number of NFTs issued, especially in 2020–2021, had no legal significance and did not record any legal connection between the underlying item and the digital asset.

By acquiring the corresponding NFTs, participants in civil law relations saw the fact of their possession as conferring image-related privileges or symbols of respect and honor in a specific social environment (13, 65–73). Possessing a unique NFT was a necessary condition for being part of certain social relationships, rather than a mandatory prerequisite for conducting economic activity.

The attribution of property value to NFTs was a consequence of their popularization and spread in the social environment, while the physical uniqueness of the underlying item was of greater importance to the participants in the relationship than the nature of the legal connection between the digital and underlying items. In fact, participants in the NFT market ignored any legal relationships except for the appropriation of digital assets themselves, as the only way to possess the unique underlying item was to possess the digital asset in which the underlying item was expressed.

Acting as the sole means of physical existence for the underlying item, the NFT became the main object of the parties' legal interest, while possession of the underlying item lost any legal significance.

Thus, an approach has formed in Singapore's judicial practice under which the creation of ordinary NFTs was qualified as one of the ways of objectifying a work, where the NFT holder is not considered a participant in the relationships associated with the underlying item at all (8). This position can also be confirmed by the fact that the physical nature of most early NFTs deprived their holders of any ability to use the underlying item expressed therein, other than as provided by their issuer.

Thus, in the circulation of early NFTs, the legal attachment of underlying items was of no importance to the holders of digital assets and other participants in the relationships.

As participants came to understand the functional capabilities of NFTs, they began to use them to fix and to transfer rights to the underlying items expressed therein. Primarily, these were exclusive rights to copyrighted works expressed in NFTs.

NFTs increasingly began to fix similar or even nearly identical underlying items (mainly works of art), resulting in a sharp decline in the physical uniqueness of the underlying items.

The reaction from NFT acquirers to the decreasing uniqueness of underlying items was a demand for not only physical but also legal protection of their investments, as the market value and social significance of their digital asset could significantly decrease if a token with a similar underlying item were issued.

As a result, NFT acquirers developed a demand for establishing a legal monopoly not only over the digital asset, but also over the underlying item in order to give them the quality of exclusivity. With the change in the nature and conditions of NFT use, the legal interest of their holders extended to the underlying items, making it nearly impossible to issue early digital assets without any legal capabilities regarding the use of the underlying item.

Since the underlying items of NFTs in the absolute majority of cases were works of art, issuers of digital assets began to actively use the provisions of intellectual property law in general and copyright law in particular. Consequently, the first legal connection between the holder of a digital asset and the work expressed therein was based on agreements for the transfer of exclusive rights or license agreements (2).

The fact of possessing an NFT acquired additional legal significance, which was not limited to establishing control over the digital entity itself, but also secured legal dominion over the underlying item.

This innovation interested participants in civil law relations, as it significantly simplified the legal position of persons using others' RIAs and made it easier to identify counterfeit and illegal goods (6). In the eyes of third parties, the holder of such NFTs is seen as a bona fide participant in economic activity, possessing rights to both the digital asset and the work expressed therein, and NFTs came to be thought of as indisputable methods for transferring intellectual property rights to works.

The fact of alienating such NFTs also acquired special legal significance, as by transferring it, the alienator granted the acquirer the right not only to the digital asset itself, but also the right to the underlying item attached to it. The fact of transferring an NFT constitutes alienation of the exclusive right to the work or establishment of a license for its use.

A significant advantage of such a system is that the vast majority of distributed ledger systems are publicly available in nature, and all actions performed by system participants become apparent to the public as a whole. Under such conditions, the fact of transferring an exclusive right or a license to the underlying item attached to an NFT becomes known not only to the parties of the specific relationship arising out of the transfer of the digital asset, but also to all other participants of civil law relations.

Thus, digital assets facilitating the transfer of rights to underlying items are subject to the same principle as securities, according to which the transfer of the right to the security means the transfer of the right arising out of the security. It seems that it was this similarity that prompted many researchers to argue that digital assets are a type of security, although the similarity between such entities is practically the only similarity.

A crucial distinguishing feature of NFTs is that, unlike securities, which establish an exclusively legal connection between the subject and the right item, NFTs can also establish a physical connection, whereby the digital asset contains direct functional capabilities for using the underlying item, rather than simply acting as a means of recording an existing civil right. Thus, NFT technologies provide the right holder not only with fixation of a specific RIA, but also with direct technical tools for its use, the most important whereof is providing third-party access to use the underlying item.

Therefore, the functional capabilities of NFTs are much broader and do not fit within the traditional legal framework of the securities institute.

Due to the fact that the vast majority of NFT consumers were ordinary individuals without specialized legal knowledge, the simplicity of the rules and methods for transferring rights to copyrighted works expressed in digital

assets became highly significant.

The ability to use a simple written form for transactions to transfer rights to works expressed in digital form did not constrain market participants and allowed them to use the capabilities of NFTs as efficiently as possible, without incurring additional costs.

When integrating an underlying item into a digital asset, NFT creators did not have to undertake any additional certification actions or turn to third parties for assistance. For the legal integration of a copyrighted item into an NFT to be valid, it was sufficient for the issuer to prepare a few rules specifying the procedure and limits for using the digital asset and the underlying item expressed therein. The NFT acquisition agreement often contained the full scope of conditions for using the digital asset necessary for the user, which significantly simplified its position by increasing the state of formal certainty.

The convenience and simplicity of using NFTs were also ensured by the use of smart contract technologies, which, on the one hand, contained all the conditions for concluding and executing the transaction, the fulfillment whereof occurred automatically and did not require active assistance from users or alienators. The use of smart contract technology eliminated the risk of the parties committing erroneous or unlawful actions. And the minimal legal requirements for transactions involving the transfer of property rights to copyrighted works allowed market participants to conduct economic activity in the digital environment as efficiently as possible, without additional economic, organizational, or time costs.

The uncertainty in the legal regulation of relationships involving NFTs is exacerbated by their functional variability and, consequently, the diversity of internal connections that arise between the digital asset and the underlying item.

Externally identical NFTs that embed identical underlying items can perform completely different legal functions. One NFT may transfer the exclusive rights to the work expressed therein, another NFT may confirm the granting of a license for the same work, while a third NFT may confirm the authorship of the work's creator or ensure the integrity of the underlying item in the digital environment.

The difficulties in defining the legal treatment of NFTs are not limited to the quantitative diversity of the legally significant actions they perform. No less of a problem is their qualitative aspect, which is that identical legal actions can have completely different legal significance.

Any system of distributed ledgers, first and foremost, acts as a registry in which records of actions performed with digital assets are strictly and sequentially recorded, while the legal significance of these actions can be extremely heterogeneous. The main question is what legal significance the corresponding records will have for the participants of a specific legal relationship and for third parties.

Records of actions performed with NFTs can either have significance or be considered legally irrelevant; it all depends on how each individual legal framework treats distributed ledger systems and the possibility of recognizing the information (records) they contain as evidence.

The judicial practice of the PRC (9), as well as that of the UK (12), is entirely based on the principle that information about facts (records) contained in distributed ledger systems can be recognized as admissible and sufficient evidence. Similar judicial practice is also forming in the domestic legal framework, under which records of actions performed with digital assets contained in distributed ledger systems are recognized as evidence (11).

The ability to legally refer to records contained in distributed ledger systems as evidence exacerbates issues of a substantive law nature. The fact is that records of legally significant facts are divided into law-making and law-establishing, depending on the function they perform.

The making of a right or the establishment of its emergence are completely different legal actions, which do not coincide in structure, content, or legal consequences (10). Therefore, from a legal standpoint, it is not enough to legalize the act of transferring an NFT; it is necessary to determine the specific legal consequences of this action and whether it is sufficient for the complete transfer of legal authority over the digital asset.

In conclusion, it can be reasonably asserted that the problem of qualifying the connection between a digital asset and its underlying item is one of the most complex, the resolution whereof depends on a large number of variable circumstances. At the same time, clarifying the nature and legal essence of the legal connection between digital assets and underlying items is a crucial starting point in understanding digital assets as a whole.

References:

1. Borkert K. Crowdfunding goes Blockchain – Teil 2 Gesellschaftsrechtliche und regulatorische Aspekte bei der Unternehmensfinanzierung mittels Initial Coin Offerings // ITRB. 2018.
2. Brennan M. K.; Shah S. Demystifying NFTs and Intellectual Property: Trademark and Copyright Concerns. [Electronic resource] <https://www.finnegan.com/en/insights/articles/demystifying-nfts-and-intellectual-property-trademark-and-copyright-concerns.html>
3. European Securities and Markets Authority (ESMA), ESMA Alerts Investors to the High Risks of Initial Coin Offerings (ICOs), and ESMA Alerts Firms Involved in Initial Coin Offerings (ICOs) to the Need to Meet Relevant Regulatory Requirements, 13 November 2017. [Electronic resource] https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/library/esma50-157-828_ico_statement_firms.
4. Hacker P., Thomale C. Crypto-Securities Regulation: ICOs, Token Sales and Cryptocurrencies under EU Financial Law. P. 12 - 13 [Electronic resource] // <https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstractid=3075820>.
5. NFTs Are Securities and It's Great [Electronic resource] <https://www.coindesk.com/consensus-magazine/2022/12/28/nfts-are-securities-and-its-great/>
6. Peltz, M. IP and Non-Fungibility: The Intersection of Intellectual Property and NFTs. Falcon Rappaport & Berkman PLLC. / [Electronic resource]. - URL: <https://frblaw.com/2021/03/15/intellectual-property-and-nfts/>
7. Volkel O. Initial Coin Offerings aus kapitalmarktrechtlicher Sicht // ZTR. 2017. S. 105 - 106.
8. Yee L., P. E-Wei Ong, J. Low Understanding Consumer Protections for NFTs in Singapore [Electronic resource] <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=6df6e1b0-159d-4dbe-87cc-370144fbe28d>
9. Hangzhou Internet Court issued the first national ruling on a case of blockchain-based evidence storage! [Electronic resource] <https://mp.weixin.qq.com/s/W4HhYfwM8JUtBIWpQi2kqQ>
10. Novoselova L.A., Polezhaev O.A. On the legal treatment of civil rights objects expressed in digital assets // Zakon, - 2020, - No. 11. [Electronic resource] LRS "ConsultantPlus"
11. Decision of the Arbitration Court of the Omsk Region dd. May 27, 2019, under case No. A46-4990/2019. [Electronic resource] LRS "ConsultantPlus"
12. Fortunenko A. Conservative English court sends summons in NFT format for the first time // [Electronic resource] <https://mc.today/blogs/konservativnyj-anglijskij-sud-vpervye-poslal-povestku-v-formate-nft-chto-eto-znachit-dlya-yuridicheskogo-mira/>
13. Kharitonova Yu.S. Tokenization of art and intellectual property law // Yurist. - 2021. - No. 9. - pp. 65-73.

NFT - АКТИВЫ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ОТНОШЕНИЙ

Полежаев Олег Александрович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры финансовых сделок и новых технологий в праве Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации» (ИЦЧП), преподаватель кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: PolezhaevOA@mail.ru

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию проблематики правового регулирования отношений, связанных с объектами интеллектуальных прав, выраженными в цифровой среде при помощи NFT-токенов. Доказывается, что при определении правового режима NFT ключевым обстоятельством, подлежащим учету, является характер связей, возникающих между цифровым активом и базовым объектом. Многообразие видов и характера связей, возникающих между базовым активом и цифровым активом, приводит к положению, при котором внешне схожие NFT-токены будут выполнять совершенно разные юридические функции, что с неизбежностью окажет влияние на правовое положение их обладателей.

Ключевые слова: цифровые активы, NFT, объекты интеллектуальных прав, передача исключительного права, лицензионное соглашение, отношения доступа.

Вошедшие в гражданский оборот цифровые активы самим фактом своего появления и существования заставили исследователей права задуматься о необходимости проведения новых изысканий, так как присущие новым юридическим сущностям свойства не укладываются в классическую юридическую картину мира. Такие характеристики как трансграничность, мультифункциональность, бестелесность и изменчивость, присущие даже самым простым разновидностям цифровых активов, свидетельствуют о том, что цифровые сущности представляются настоящим юридическим феноменом, характеризующимся противоречивостью и неоднородностью.

Не стали исключением и NFT-токены, за внешней простотой которых скрываются сложные и малоизученные юридические конструкции, гарантирующие достижение результатов, считавшихся ранее невозможными.

Выступая в качестве надстроечных или производных юридических конструкций, цифровые активы в подавляющем большинстве случаев обеспечивают интеграцию в современный гражданский оборот классических объектов гражданских прав (базовых объектов), которыми могут выступать вещи, обязательства, корпоративные права и права на результаты интеллектуальной деятельности (РИД). Справедливости ради стоит отметить, что не все цифровые активы носят производный характер. Некоторые из них выступают в качестве полноценных и самостоятельных объектов гражданских прав, ценность которых основывается на наличии собственных полезных свойств, а не иных объектов гражданских прав. Наиболее ярким примером подобных активов являются криптовалюты, полезность которых основана на возможности использования их в качестве достаточно эффективного средства платежа.

В тех случаях, когда цифровые активы выступают в качестве надстроечных правовых явлений, таких как NFT-токены, с неизбежностью актуализируется вопрос о квалификации юридической связи, возникающей между цифровым активом и базовым объектом, а также правовой характеристикой внутренне-

го отношения, возникающего между обладателями цифрового актива и базового объекта.

Предвосхищая описание отдельных способов формирования юридической связи, возникающей между NFT-токеном и базовым объектом, стоит отметить, что ни один из исследуемых подходов и способов еще не получил должного юридического осмысления и полноценного легального закрепления по причине своей новизны. Правопорядки еще только предпринимают первые попытки познания новых правовых явлений в целях формирования целостного представления о них, в то время как выбор конкретных юридических конструкций представляется в качестве преждевременного.

Надстроечные или производные активы хорошо известны любому современному правопорядку и уже не выступают в качестве предмета острых юридических дискуссий. Правовая природа ценных бумаг, как и вопрос определения юридической связи, возникающей между ней и выраженным в ней благом, достаточно хорошо изучены, что значительно повышает эффективность правоприменительной деятельности и устраняет возможные споры между участниками искомых отношений.

Усмотрев в надстроечных цифровых активах хорошо известные функциональные возможности, присущие надстроечным активам, многие исследователи права (4, 12-13) и правопорядки в целом (3) начали утверждать, что недавно появившиеся цифровые сущности не должны обладать собственной системой правового регулирования и режимом, так как являются классическими ценными бумагами, хотя и выражены в новой цифровой форме. Существенное влияние на подобное решение оказало и то, что институт ценных бумаг является хорошо изученным в доктрине права и разработанным в правоприменительной практике, что может позволить существенно упростить интеграцию производных цифровых активов в правовую систему.

В результате в американском правопорядке достаточно быстро сформировалась позиция, согласно которой NFT-токены могут быть признаны в качестве инвестиционных контрактов, что позволяет распространить на них законодательство о ценных бумагах (5). Как представляется, схожий подход в ближайшее время может сформироваться и в европейских правопорядках, так как в них уже возникли все необходимые для этого предпосылки. Так, европейское законодательство уже позволяет распространять на отношения, связанные с цифровыми активами, законодательство о ценных бумагах (7, 94).

Несмотря на формальную юридическую безупречность вышеприведенного подхода, он представляется в качестве нецелесообразного и малоэффективного. Дело в том, что сейчас подавляющее большинство NFT-токенов выпускаются в целях фиксации и передачи отдельных результатов интеллектуальной деятельности, многие из которых вообще не содержат в себе какое-либо юридическое содержание. Создание NFT-токенов, базовым объектом которых выступают вещи, обязательства или корпоративные права, хотя и имеет место быть, но выступает скорее в качестве исключения, нежели правила.

Фиксируя уникальный цифровой объект, который может быть неохраноспособным с позиции права интеллектуальной собственности или его покупатель может быть лишен каких-либо имущественных прав на базовый объект, эмитенты NFT-токенов, как и их приобретатели, совершенно точно не намерены становиться участниками инвестиционных отношений.

Кауза сделки по приобретению подавляющего большинства NFT-токенов не содержит конкретной направленности на извлечение прибыли от продажи цифрового актива в будущем таким образом. Хотя такая возможность всегда существует и даже учитывается сторонами, она не обеспечивает формиро-

вание основы правового интереса приобретателей NFT-токенов, а выступает скорее в качестве случайного дополнения.

Распространенные в современном обороте NFT-токены созданы не столько для закрепления имущественных прав на базовые объекты, сколько для возможности публично зафиксировать факт приобретения и обладания уникальным цифровым явлением.

Значительное количество выпущенных NFT-токенов, особенно в 2020–2021 годах, не обладало юридическим значением и не фиксировало какой-либо юридической связи между базовым объектом и цифровым активом.

Приобретая соответствующие NFT-токены, участники гражданского оборота усматривали в факте их обладания имиджевые привилегии или символы уважения и почета в специальной социальной среде (13, 65–73). Обладание уникальным NFT было необходимым условием для состояния в определенных социальных отношениях, а не обязательной предпосылкой для ведения хозяйственной деятельности.

Придание имущественной ценности NFT-токенам стало следствием их популяризации и распространения в социальной среде, в то время как физическая уникальность базового объекта обладала большим значением для участников отношений, чем характер юридической связи, возникающей между цифровым и базовым объектами. По сути, участники оборота NFT-токенов игнорировали любые юридические отношения, за исключением вопросов присвоения самих цифровых активов, так как единственным способом обладания уникальным базовым объектом был факт обладания цифровым активом, в котором базовый объект был выражен.

Выступая в качестве единственного способа физического существования базового объекта, NFT-токен становился основным объектом юридического интереса сторон, в то время как обладание базовым объектом утрачивало какое-либо юридическое значение.

Так, в судебной практике Сингапура сформировался подход, согласно которому создание обычных NFT квалифицировалось в качестве одного из способов объективизации произведения, при котором обладатель NFT вообще не считается участником отношений, связанных с базовым объектом (8). Подобная позиция может быть подтверждена и тем, что физическая природа большинства первоначальных NFT лишала их обладателей любой возможности как-либо использовать выраженный в нем базовый объект, кроме как это было предусмотрено их эмитентом.

Таким образом, в обороте на первоначальные NFT-токены юридическое закрепление базовых объектов вообще не имело значения для обладателей цифровых активов и иных участников отношений.

По мере познания функциональных возможностей NFT-токенов участники отношений начали использовать их для фиксации и передачи прав на выраженные в них базовые объекты. В первую очередь, это были исключительные права на объекты авторских прав, выраженных в NFT-токенах.

NFT-токены все чаще стали фиксировать схожие или даже почти тождественные базовые объекты (в основном произведения искусства), в результате чего физическая уникальность базовых объектов стала резко сокращаться.

Реакцией на снижение степени уникальности базовых объектов со стороны приобретателей NFT-токенов стала потребность в обеспечении не только физической, но и юридической защищенности вло-

женных ими средств, так как рыночная стоимость и социальная значимость принадлежащего им цифрового актива могла значительно снизиться в случае выпуска токена со схожим базовым объектом.

В результате чего у приобретателей NFT-токенов возник запрос на установление правовой монополии уже не только над цифровым активом, но и над базовым объектом в целях придания им свойства исключительности. При изменении характера и условий использования NFT-токенов юридический интерес их обладателей стал распространяться и на базовые объекты, что сделало практически невозможным выпуск первоначальных цифровых активов без каких-либо юридических возможностей в части использования базового объекта.

В связи с тем, что базовым объектом NFT-токенов в абсолютном большинстве случаев выступали произведения искусства, эмитенты цифровых активов начали активно использовать положения законодательства об интеллектуальной собственности в целом и авторском праве в частности. Как следствие, первая юридическая связь, возникающая между обладателем цифрового актива и выраженного в нем произведения, основывалась на договорах о передаче исключительных прав или лицензионных соглашениях (2).

Факт обладания NFT-токеном приобрел дополнительное юридическое значение, которое не ограничивалось установлением власти над самой цифровой сущностью, но и закрепляло юридическое господство над базовым объектом.

Подобное нововведение заинтересовало участников гражданского оборота, так как существенно упрощало правовое положение лиц, использующих чужие РИД, и обеспечивало простоту выявления контрафактных и незаконных товаров (6). В глазах третьих лиц обладатель подобных NFT-токенов рассматривается как вполне добросовестный участник хозяйственной деятельности, обладающий правом и на цифровой актив, и на выраженное в нем произведение, а NFT-токены стали мыслиться в качестве бесспорных способов передачи интеллектуальных прав на произведения.

Особое юридическое значение приобрел и факт отчуждения подобных NFT-токенов, так как, передавая его, отчуждатель наделял приобретателя правом не только на сам цифровой актив, но и на закрепленное в нем право на базовый объект. Факт передачи NFT-токена означает отчуждение исключительного права на произведение либо установление лицензии на его использование.

Значительным преимуществом подобной системы является то, что подавляющее большинство систем распределенных реестров носят публичный характер, и все действия, совершаемые участниками системы, становятся очевидными для общества в целом. В подобных условиях факт передачи исключительного права или лицензии на базовый объект, закрепленный в NFT-токене, становится известным не только для сторон конкретного отношения по передаче цифрового актива, но и всех других участников гражданского оборота.

Таким образом, цифровые активы, обеспечивающие передачу прав на базовые объекты, основываются на том же принципе, что и ценные бумаги, согласно которому передача права на бумагу означает передачу права из бумаги. Как представляется, именно это сходство и побудило многих исследователей утверждать, что цифровые активы являются разновидностью ценных бумаг, хотя на нем сходство между представленными сущностями по сути и заканчивается.

Важнейшей отличительной чертой NFT-токенов представляется то, что в отличие от тех же ценных бумаг, осуществляющих установление исключительно юридической связи между субъектом и объектом прав, NFT-токены способны устанавливать и физическую связь, благодаря которой цифровой актив содержит в себе непосредственные функциональные возможности по использованию базового объекта, а не просто выступает в качестве средства фиксации существующего гражданского права. Таким образом, технологии NFT обеспечивают правообладателя не только фиксацией конкретного РИД, но и непосредственными техническими инструментами по его использованию, важнейшим из которых является предоставление доступа для третьих лиц к использованию базового объекта.

Таким образом, функциональные возможности NFT-токенов значительно шире и не укладываются в традиционные правовые рамки института ценных бумаг.

В связи с тем, что подавляющим большинством потребителей NFT были обычные физические лица, не обладавшие специальными юридическими познаниями, простота правил и способов передачи объектов авторских прав, выраженных в цифровых активах, приобрела существенное значение.

Возможность использования простой письменной формы сделок для передачи прав на произведения, выраженные в цифровой форме, не стесняли участников оборота и позволили максимально эффективно использовать возможности NFT-токенов без несения дополнительных издержек.

Создатели NFT-токенов при интеграции базового объекта в цифровой актив не должны были предпринимать каких-либо дополнительных удостоверительных действий или обращаться к третьим лицам для содействия. Для действительности юридической интеграции объекта авторских прав в NFT-токен эмитенту достаточно было подготовить несколько правил с указанием порядка и пределов использования цифрового актива и выраженного в нем базового объекта. Договор приобретения NFT-токенов зачастую содержал в себе весь объем необходимых для пользователя условий использования цифрового актива, что значительно упрощало его положение, повышая состояние формальной определенности.

Удобство и простота использования NFT-токенов обеспечивались и за счет использования технологий смарт-контрактов, которые, с одной стороны, содержали в себе все условия для заключения и исполнения сделки, выполнение которых происходило автоматически и не требовало активного содействия со стороны пользователей или отчуждателей. Использование технологий смарт-контрактов исключало риск совершения сторонами ошибочных или противоправных действий. А минимальные юридические требования, предъявляемые к сделкам, связанным с передачей имущественных прав на объекты авторских прав, позволили участникам оборота вести хозяйственную деятельность в цифровой среде максимально эффективно, без дополнительных экономических, организационных или временных издержек.

Неопределенность правового регулирования отношений, связанных с NFT-токенами, усугубляется их функциональной вариативностью и как следствие многообразием внутренних связей, возникающих между цифровым активом и базовым объектом.

Внешне абсолютно схожие NFT-токены, закрепляющие в себе тождественные базовые объекты, могут выполнять совершенно разные юридические функции. Один NFT-токен может осуществлять передачу исключительных прав на выраженное в нем произведение, другой NFT-токен будет подтверждать факт выдачи лицензии в отношении того же произведения, в то время как третий NFT-токен может под-

тверждать авторство создателя произведения или обеспечивать соблюдение права на неприкосновенность базового объекта в цифровой среде.

Сложности определения правового режима NFT-токенов не ограничиваются количественным многообразием совершаемых ими юридически значимых действий. Не меньшей проблемой представляется и их качественная сторона, заключающаяся в том, что тождественные юридические действия могут обладать совершенно разным юридическим значением.

Любая система распределенных реестров, в первую очередь, выступает в качестве реестра, в котором неукоснительно и последовательно фиксируются записи о действиях, совершаемых с цифровыми активами, в то время как правовое значение соответствующих действий может быть крайне неоднородным. Основной вопрос заключается в том, какое юридическое значение будут иметь соответствующие записи для участников конкретного правоотношения и третьих лиц.

Записи о действиях, совершаемых с NFT-токенами, могут как обладать значением, так и считаться юридически иррелевантными, все зависит от того, как каждый отдельный порядок относится к системам распределенных реестров и возможности признания содержащихся в них сведений (записей) в качестве доказательств.

Судебная практика КНР (9), как и Великобритании (12), всецело основана на том, что сведения о фактах (записи), содержащиеся в системах распределенных реестров, могут признаваться в качестве допустимого и достаточного доказательства. Схожая судебная практика формируется и в отечественном правовом порядке, согласно которой содержащиеся в системах распределенных реестров записи о действиях, совершенных с цифровыми активами, признаются в качестве доказательств (11).

Возможность легально ссылаться на записи, содержащиеся в системах распределенных реестров, выступающие в качестве доказательств, обостряет проблематику материально-правового плана. Дело в том, что записи о фактах, имеющих юридическое значение, в зависимости от выполняемой ими функции подразделяются на правообразующие и правоудостоверяющие.

Образование права или удостоверение его возникновения представляют собой совершенно отличные юридические действия, не совпадающие между собой как по структуре и содержанию, так и по правовым последствиям (10). Поэтому с позиции права недостаточно легализовать действие по передаче NFT-токена, необходимо определить, какие конкретные юридические последствия влечет соответствующее действие, и достаточно ли его для полной передачи юридической власти над цифровым активом.

Подводя итог, можно обоснованно утверждать, что проблема квалификации связи между цифровым активом и базовым объектом представляется в качестве одной из сложнейших, разрешение которой находится в зависимости от большого количества вариативных обстоятельств. При этом, уяснение характера и правовой природы юридической связи между цифровыми активами и базовыми объектами является важнейшей отправной точкой в познании цифровых активов в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Borkert K. Crowdfunding goes Blockchain – Teil 2 Gesellschaftsrechtliche und regulatorische Aspekte bei der Unternehmensfinanzierung mittels Initial Coin Offerings // ITRB. 2018.
2. Brennan M. K.; Shah S. Demystifying NFTs and Intellectual Property: Trademark and Copyright Concerns. [Электронный ресурс] <https://www.finnegan.com/en/insights/articles/demystifying-nfts-and-intellectual-property-trademark-and-copyright-concerns.html>
3. European Securities and Markets Authority (ESMA), ESMA Alerts Investors to the High Risks of Initial Coin Offerings (ICOs), and ESMA Alerts Firms Involved in Initial Coin Offerings (ICOs) to the Need to Meet Relevant Regulatory Requirements, 13 November 2017. [Электронный ресурс] https://www.esma.europa.eu/sites/default/files/library/esma50-157-828_ico_statement_firms.
4. Hacker P., Thomale C. Crypto-Securities Regulation: ICOs, Token Sales and Cryptocurrencies under EU Financial Law. P. 12 - 13 [Электронный ресурс] // <https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstractid=3075820>.
5. NFTs Are Securities and It's Great [Электронный ресурс] <https://www.coindesk.com/consensus-magazine/2022/12/28/nfts-are-securities-and-its-great/>
6. Peltz, M. IP and Non-Fungibility: The Intersection of Intellectual Property and NFTs. Falcon Rappaport & Berkman PLLC. / [Электронный ресурс]. - URL: <https://frblaw.com/2021/03/15/intellectual-property-and-nfts/>
7. Volkel O. Initial Coin Offerings aus kapitalmarktrechtlicher Sicht // ZTR. 2017. S. 105 - 106.
8. Yee L., P. E-Wei Ong, J. Low Understanding Consumer Protections for NFTs in Singapore [Электронный ресурс] <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=6df6e1b0-159d-4dbe-87cc-370144fbe28d>
9. Интернет-суд Ханчжоу вынес первое национальное решение по делу о хранении доказательств на основе блокчейна! [Электронный ресурс] <https://mp.weixin.qq.com/s/W4HhYfwM8JUtBIWpQi2kqQ>
10. Новоселова Л.А., Полежаев О.А. О правовом режиме объектов гражданских прав, выраженных в цифровых активах // Закон, - 2020, - № 11. [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс»
11. Решение Арбитражного суда Омской области от 27 мая 2019 г. по делу № А46-4990/2019. [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс»
12. Фортуненко А. Консервативный английский суд впервые послал повестку в формате NFT // [Электронный ресурс] <https://mc.today/blogs/konservativnyj-anglijskij-sud-vpervye-poslal-povestku-v-formate-nft-cto-eto-znachit-dlya-yuridicheskogo-mira/>
13. Харитонова Ю.С. Токенизация искусства и право интеллектуальной собственности // Юрист. - 2021. - № 9. - С. 65-73.

VALUE OF BRANDS BASED ON EXAMPLES FROM COURT PRACTICE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Statement of Scientific Novelty and International Contribution

The scientific novelty of this study lies in its practice-oriented reassessment of trademark protection standards in the Republic of Kazakhstan, based on a set of complex disputes involving globally recognized brands. Moving beyond traditional doctrinal commentary, the paper develops an empirically grounded framework for analysing misleading similarity, dilution of distinctive character, and abuse of rights in trademark disputes. By juxtaposing judicial reasoning with legislative design, the article identifies structural inconsistencies – most notably, the historically restrictive interpretation of Article 6 of the Trademark Law and the overreliance on the homogeneity test, even in cases where reputational harm and consumer deception are evident.

This research advances an original argument that the protection of trademarks, particularly well-known marks, must extend beyond the classical goods-and-services comparison and embrace broader reputational and market-integrity considerations. Through detailed case studies, the paper highlights how modern unfair competition techniques exploit consumer associations and brand goodwill, thereby demonstrating the need for more robust judicial scrutiny.

The international contribution of the study is reflected in its applicability to jurisdictions facing similar challenges with parasitic branding and dilution. The proposed analytical model strengthens comparative understanding of trademark protection mechanisms and offers a more coherent approach to safeguarding brand value in emerging markets.

Abdrejeva Nurgul Batyrbekovna

Ph.D. in Law,
Senior Associate, Baker
McKenzie Kazakhstan B.V.

Abstract. This article examines the economic and legal significance of trademarks in the Republic of Kazakhstan through a series of recent judicial and administrative cases involving globally recognized brands such as Tiffany & Co. and Ericsson. Using detailed case studies, the paper demonstrates how unfair competition practices – ranging from dilution of distinctive character to misleading associations and unlawful appropriation of reputation – undermine both trademark owners and consumer trust. The analysis highlights inconsistencies in national judicial reasoning, particularly concerning the scope of protection against misleading use for services and the interpretation of non-use cancellation rules. Special attention is given to cases where competitors attempt to capitalize on the goodwill of well-known marks by adopting confusingly similar signs or color schemes. The article ultimately argues for a more coherent and rigorous application of Kazakhstan's trademark legislation to ensure the effective protection of brand value and the prevention of market distortions.

Keywords: trademark; brand protection; dilution of distinctiveness; unfair competition; misleading similarity; abuse of rights; Kazakhstan case law; well-known trademark; reputational harm; registration cancellation; trademark use; good faith; consumer confusion; enforcement practice; intellectual property.

The value of brands is currently not questioned by anyone. Trademarks represent a significant part of the assets of commercial organizations and affect the value of companies as such.

The enormous influence that popular brands have on consumers pushes bad faith competitors to engage in

various attempts at direct and indirect copying, which harms both the owners of such brands and consumers. In this article, we propose to consider several examples from judicial and law enforcement practice that demonstrate the variety of methods used.

Most consumers are familiar with Tiffany & Co., which manufactures, among other things, luxury jewelry, perfumes, and other goods for personal and home use. The first Tiffany & Co. store was opened in 1837, and the brand's nearly 200-year history has contributed greatly to the company's reputation and popularity among consumers. To protect its brands, the company registers trademarks around the world, including the Republic of Kazakhstan, where a number of trademarks have been registered, including for the Tiffany name.

In 2008 and 2013, the trademarks "Tiffany aesthetic center" and "Tiffany Plaza aesthetic center" were registered in the Republic of Kazakhstan, under which "International Clinic of Dermacosmetology and Diagnostics" LLP opened a plastic surgery clinic. The author has witnessed situations in which consumers were interested in whether this clinic was a division of Tiffany & Co. In other words, there is a situation in which the distinctive character of the trademark is being diluted, as well as a kind of use of the popularity of another brand. Furthermore, as these questions show, consumers are indeed misled as to who provides these services.

Tiffany & Co. challenged the registration of these trademarks before the Appeals Board of the Intellectual Property Rights Committee of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan. After the Appeals Board rejected the complaint, Tiffany & Co. challenged these decisions in court. The case was heard by the Specialized Interdistrict Economic Court of Astana. Subsequently, the decision of the court of first instance was appealed, the case was reviewed in the appellate and cassation instances, and reached the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. In the course of the consideration and review of the case, the courts of different instances issued different decisions:

- In the court of first instance and during cassation review, the plaintiff's claims were partially satisfied;
- In the court of appeal and the Supreme Court, the claims were rejected.

In rendering its decision, the court of first instance noted that "'International Clinic of Dermacosmetology and Diagnostics" LLP uses the well-known brand "Tiffany" of Tiffany & Co as the central element of its trademarks, thereby attempting to take advantage of the applicant's established reputation as a manufacturer of high-quality jewelry and accessories, which may mislead consumers as to who provides the offered services and create a false impression of reliability and quality." The court decided to invalidate the decisions of the Appeals Board of the Intellectual Property Rights Committee of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan to refuse to cancel the registrations of the trademarks "Tiffany aesthetic center" under the trademark certificate No. 26284 and "Tiffany Plaza aesthetic center" under the trademark certificate No. 42145 (1).

By a ruling of the Appeals Panel for Civil and Administrative Cases of the court of Astana City Court, the decision of the court of first instance cancelled overturned, and the claims were rejected (2).

The Cassation Judicial Panel of the Astana City Court amended the ruling of the Appeals Panel for Civil and Administrative Cases and overturned it in part refusing to satisfy the plaintiff's claims to invalidate the decisions of the Appeals Board of the Intellectual Property Rights Committee of the Ministry of Justice (3). The decision of the court of first instance in this part was upheld.

The case was then reviewed by the Supervisory Panel for Civil and Administrative cases of the Supreme Court

of the Republic of Kazakhstan. The Supervisory Panel decided to overturn the ruling of the Cassation Panel of the Astana City Court in the part concerning the amendment of the ruling of the Astana City Court's Appeals Panel for Civil and Administrative Cases (4). The ruling of the Astana City Court's Appeals Panel for Civil and Administrative Cases was upheld.

Thus, the Supervisory Panel for Civil and Administrative Cases of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan took the position that the plaintiff's claims should be rejected. The main argument for this decision was, among other things, the following:

- Goods and medical services for which the defendant's trademarks are registered are not homogeneous in relation to goods for which the plaintiff's trademarks are registered;
- Article 6.1) of the Law "On Trademarks, Service Marks and Appellations of Origin of Goods" (regulates rights in relation to goods, but not in relation to services that may cause the consumer to associate a particular product with certain qualities or its manufacturer (The name of the law is given in the version that was in force at the time the decision was issued).

We believe that it is difficult to agree with this approach. In particular, Article 6.3.1) of the Law of the Republic of Kazakhstan dated 26 July 1999 "On Trademarks, Service Marks, Geographical Indications and Appellations of Origin of Goods" (the "Trademark Law") explicitly stipulates that trademarks or elements thereof that are false or likely to mislead as to goods or their manufacturer, services or service provider, as well as names of geographical objects that are likely to mislead as to the place of manufacture of the goods (emphasis added – A.N.), shall not be registered as trademarks.

Indeed, at the time of the Supreme Court's ruling, the words "services or persons providing services" were not included in the aforementioned provision (the relevant addition was made by the Law of the Republic of Kazakhstan dated 20 June 2018, "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Improving Legislation in the Field of Intellectual Property"). This circumstance gave the Supervisory Panel grounds to conclude that this provision should apply only to goods, but not to services. However, we consider this interpretation to be unjustifiably restrictive. The Trademark Law as a whole is based on the equal regulation of trademarks registered for goods, on the one hand, and for services, on the other. Therefore, there is no reason to draw such a conclusion for situations involving trademarks registered for services. Subsequently, this approach was also confirmed by amendments made to this legal provision. Unfortunately, however, the plaintiff in this case had exhausted all possibilities for further review.

We also consider the conclusion that the main factor in deciding such issues should be the homogeneity of goods to be unfounded. Article 6.3.1) of the Trademark Law is intended precisely for those cases where homogeneity is not obvious and consumer confusion is a reality. Otherwise, the purpose of this provision is lost.

We believe that the case in question is an example of how individual players try to take advantage of the popularity of famous brands to increase the attractiveness of their own goods and services. Unfortunately, it must be noted that the rights of trademark owners are not always adequately protected against such attempts. As a result, damage is caused both to trademark owners, whose trademarks' distinctive character is diluted to some extent, and to consumers, who may be misled by such unfair practices.

Another recent example concerns the world-famous Ericsson brand.

R-Klimat LLC filed a lawsuit with the Specialized Interdistrict Economic Court of Astana against Telefonaktiebolaget LM Ericsson and the National Institute of Intellectual Property of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan to cancel registrations of the trademark **ERICSSON** , registration number 37557, the trademark **ERICSSON** , registration number 3256, and the trademark, registration number 35409, in relation to goods in class 11 of the International Classification of Goods and Services (the "ICGS"): heating, cooling, and ventilation devices.

The basis for the claims was the owner's failure to use these trademarks for three years prior to the filing of the claims in relation to goods in Class 11 of the ICGS, in accordance with Article 19.4 of the Trademark Law.

During the court proceedings, the defendant managed to present sufficient evidence to the court for it to rule to dismiss the claims (5) . The court found that the documents presented confirmed that the disputed trademarks were used, inter alia, for goods in class 11 of the ICGS, and therefore there were no grounds for cancelling these registrations.

A search of the Madrid Monitor international registration database showed that the plaintiff has a number of valid international registrations, including for goods in Class 11, which are extended to the Republic of Kazakhstan, namely:

- **MES**
- Yin & Yang
- **Bailu**
- BALLU
- **SHUFT**

At the same time, the plaintiff also filed an application for registration of the Ericsson trademark, which the plaintiff referred to as confirmation of its interest in canceling the plaintiff's trademark registrations.

In addition to the main question of whether the disputed trademarks are used, the analysis of this case raises the following question. As mentioned above, the plaintiff has a number of registered trademarks.

In its decision of 3 May 2024, the Specialized Interdistrict Economic Court of Astana stated that "it should be noted that the name of the company and brand Ericsson has a long established history. Whereas the plaintiff's actions to register an identical trademark are of a nature that identifies it with a certain quality and reputation attributable to the defendant." As a result, the court noted that "In the opinion of the court, there has been an abuse of rights and, therefore, the court should refuse to protect it."

When analyzing this case, among other things, the question arises as to why, having its own registrations for trademarks with good distinctiveness, the plaintiff initiated proceedings to cancel Ericsson's trademarks instead of developing and promoting its own trademarks. The obvious answer is that Ericsson's trademarks are already widely known, which will undoubtedly contribute significantly to the promotion of goods sold under identical or similar trademarks. However, it is also quite obvious that registering the Ericsson trademark in the plaintiff's name would mislead consumers and lead to the dilution of the distinctive character of the original trademarks. Therefore, we believe that the court's conclusions on this issue are entirely justified.

Another telling example relates to the restaurant business, where a trademark owner had to apply to the antimonopoly authorities to stop unfair competition. A company engaged in the restaurant business was unable to obtain a license to use the trademark from its owner. The main part of the trademark (registered, among others, in Kazakhstan) which had the main distinguishing function was an abbreviation consisting of two capital letters. The trademark itself is widely known both in Kazakhstan and around the world.

After an unsuccessful attempt to obtain a license, the company registered a trademark consisting of two words, with the words beginning with the very letters that were part of the trademark for which the company was unable to obtain a license. The new mark was registered in black and white.

At the same time, when using the trademark, the company changed the color scheme of its trademark: the capital letters of the words were rendered in red, which allowed them to stand out brightly against the background of the other black and white elements. Thus, the two bright red letters automatically created an association with the original mark. The author is personally familiar with people who visited this establishment, convinced that it operated under the world-famous brand. In other words, consumers were misled by this use of the trademark.

Protection of the trademark owner's rights in this case turned out to be quite lengthy and entailed significant financial and time costs. As a result of the orders issued by the antitrust authorities, the company made several attempts to change the designation it used. At the same time, each new attempt demonstrated a desire to retain at least some association with the original trademark. Ultimately, the establishment ceased operations, but the story of these modifications is extremely instructive and clearly demonstrates the power of brands. This, in turn, gives rise to numerous attempts by unscrupulous competitors to take advantage of the distinctive nature of famous trademarks to promote their goods and services.

An analysis of these examples demonstrates the great value of trademarks and the need to constantly respond to new methods of unfair use invented by bad faith competitors. In this regard, it is important not only to have high-quality legal regulation, but also to carefully apply the relevant rules in practice. Each case requires careful analysis and an individual approach to ensure the proper protection of the rights of trademark owners and interests of consumers.

References:

1. Decision of the Specialized Interdistrict Economic Court of Astana dated 28 May 2014.
2. Decision of the Appeals Panel for Civil and Administrative Cases of the Astana City Court dated 10 September 2014.
3. Decision of the Cassation Judicial Panel of the Astana City Court dated 4 February 2015
4. Decision of the Supervisory Panel for Civil and Administrative Cases of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated 27 May 2015.
5. Decision of the Specialized Interdistrict Economic Court of Astana dated 3 May 2024, decision of the Specialized Interdistrict Economic Court of Astana dated 13 May 2024.

REVIEW ARTICLES
 МАҚАЛАЛАРДЫ ШОЛУ
 ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

THEATRICAL PRODUCTIONS IN PRIVATE THEATRES: LEGAL RISKS, CHALLENGES, AND STRATEGIC SOLUTIONS

СУВОРОВА А.А. ЖЕКЕ ТЕАТРАЛДАРДАҒЫ ТЕАТРАНДЫРЫЛҒАН ҚОЙЫЛЫМДАР: ҚҰҚЫҚТЫҚ ТӘУЕКЕЛДЕР, МӘСЕЛЕЛЕР ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ШЕШУ ЖОЛДАРЫ

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОСТАНОВКИ В ЧАСТНЫХ ТЕАТРАХ: ПРАВОВЫЕ РИСКИ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Statement of Scientific Novelty and International Contribution

This article offers one of the first comprehensive, practice-oriented analyses of intellectual-property challenges faced by private theatres in Kazakhstan, situating them within a broader comparative framework of U.S. and Chinese legal approaches. Its scientific novelty lies in conceptualizing private theatre as a distinct ecosystem of IP-sensitive creative practices, where translation, adaptation, staging, and performative authorship generate a multilayered chain of derivative rights. Unlike existing scholarship, which typically focuses on state theatres or general copyright doctrine, this study identifies the unique vulnerabilities of independent creative institutions – contractual gaps, licensing asymmetries, and difficulties in negotiating with foreign rights-holders – and proposes a structured legal roadmap tailored specifically to private theatrical production.

Internationally, the article contributes by integrating cross-jurisdictional case studies – Harper Lee, unauthorized Chinese productions of Western musicals, and American theatrical IP norms – and demonstrating their relevance for emerging creative markets. It advances the comparative discussion on moral rights, derivative works, and fair contractual practice, showing how international precedents illuminate local challenges. The proposed model of an IP-rights exchange platform, inspired by China’s Hainan IPEH, introduces an innovative mechanism for facilitating lawful access to theatrical rights in developing jurisdictions.

Overall, the article enriches global debates on copyright in live performance, offering a transferable analytical framework for policymakers, scholars, and creative industries worldwide.

Suvorova

Anna Aleksandrovna

Director of the creative space «Transforma», Theatrical producer, participant in the Forbes «30 under 30» rating (2022)

Abstract. This review examines the legal challenges faced by private theatres in Kazakhstan in the course of staging performances that involve the use of literary works, the production of plays, and the translation of foreign dramatic texts. Particular attention is given to licensing practices, issues of co-authorship, and relevant judicial precedents. International approaches (including those of the United States and China) are analyzed. The paper proposes avenues for improving the legal standing and operational framework of private theatres.

Keywords: private theatre; intellectual property; stage director; copyright; adaptation; license; translation.

The Transforma Creative Space has been operating since 2017. Our modern, young team has gone through many trials. It is safe to say that we have experienced firsthand the importance of effective legal regulation of relations concerning the creation and use of creative output in the theatrical sphere and the significance of intellectual property rights in the life of a theater.

Over the past few years, Kazakhstan has seen the active development of private theaters, creative spaces, and art residencies... They are becoming platforms for cultural experiments, modern productions, and collaborations with foreign playwrights and musicians. Along with the growth of creative activity, copyright challenges are being exposed. The most pressing issues are obtaining permission for the staging, translation, and adaptation of a work.

State theaters have fully-fledged legal departments and well-established mechanisms for obtaining licenses. The experience of Transforma has proven that private initiatives face a number of difficulties: the lack of clear contractual models, a misunderstanding of copyright requirements, the complexity of interacting with foreign rights holders, a lack of funding to acquire licenses, etc. And this is just the tip of the iceberg.

A common situation: there is an enthusiasm to stage a play based on a book by a foreign author. At first glance, it is a purely artistic task. However, a host of legal issues arise. According to Article 16 of the Copyright and Related Rights Act of the Republic of Kazakhstan, the revision, adaptation, dramatization, or translation of a literary work is possible only with the consent of the author or their successors. If a stage director of a private theater wishes to stage a play, for example, based on a work by an American playwright, they must:

1. Obtain permission for translation (if the play will be performed in Russian or Kazakh).
2. Obtain permission for dramatization (i.e., the creation of a new form of the work – a stage production).
3. Conclude a license agreement with the rights holder, defining the terms of remuneration, territory, and term of use.

It often happens that the original rights holder has transferred the rights to the play to other parties. In that case, it is necessary to contact the secondary rights holders. Should the theater pay only the secondary rights holder (by concluding a license agreement), or is it also necessary to send royalties to the author? It is evident that payment should be made to the one who is the "holder" of the exclusive right, but one must not forget to respect the author's personal non-property rights. It is necessary to credit their name as the creator of the adapted work and to take care to preserve the integrity of the work.

A frequent situation is that the rights holder cannot be found at all, or negotiations with foreign agents turn out to be too costly. While preparing a production based on a novel by a German author, our creative space was faced with a demand for a very large fixed sum – this amount was not mentioned during preliminary negotiations (a different amount was named), and the official notification of the royalty amount, which we received after the project launch (script, costumes, rehearsals, etc.), turned out to be an unbearable burden. Get involved in a lawsuit? Prove abuse of the author's rights? Claim pre-contractual liability against the German author?

The theater community finds the lack of any reasonable rates for staging plays to be unfair. We believe the emergence of an intellectual property exchange, where one could purchase a license for a theatrical production for an affordable online fee, would be a rational solution. Similar experience exists in the world. A prime example is the Intellectual Property International Exchange of Hainan (IPEH) in China established in 2020 (1).

As a result of the inability to conclude an agreement with foreign rights holders, the stage director is forced to

abandon the original concept or look for alternatives. For example, creating a new play 'based on' the original. However, such productions are a delicate creative work. If recognizable elements of the original (plot, characters, dialogues) are preserved in the text or stage design, a clear risk of copyright infringement arises. The threshold compensation for infringement of exclusive copyright in Kazakhstan is 100 monthly calculation indices (MCI), and the ceiling compensation is 15,000 MCI (58,980,000 tenge or 108,913 US dollars). Severe financial and legal risks for a young private theater in case of a mistake.

When implementing projects related to staging a play based on an existing novel, it's critical to realize that the integrity of the work and the creative concept are inviolable! Even if there is an agreement with the rights holder. For instance, Harper Lee's heirs filed a lawsuit over the creation of a stage adaptation of "To Kill a Mockingbird" that contained unapproved changes which, in the heirs' opinion, altered the characters of key figures, particularly Atticus Finch, and broke the "spirit of the novel." "For this classic, it is very important that any interpretation of the characters, not least Atticus, does not contradict the author's vision" (2). The dispute was resolved by a settlement agreement, which allowed the play's premiere as scheduled. As we can see, details matter!

Many private theaters create their own translations of plays, adapting them for Kazakhstani audiences. However, a translation is itself a derivative work, the translator becomes the author of the translation, and consequently, they acquire their own exclusive right to the translation. Consequently, the theater needs to obtain both the permission of the play's author for its staging and the permission of the translator to use their translation, while ensuring that the translation was made with the author's permission... The chain of risks seems endless. "And the razor's edge is their path..."

In foreign jurisdictions, there have been cases where a translation made without the authors' permission was deemed not to infringe the rights of the original work's author, but this is an exception. For example, in 1853, Harriet Beecher Stowe sued F.W. Thomas, a Philadelphia publisher who had brought out a translation of Uncle Tom's Cabin for German-speaking readers. In a controversial decision, Justice Robert Grier ruled that the German translation did not infringe the copyright of the original work's author. "With the publication of her book," Grier wrote, "the creations of the author's genius and imagination became as much public property as the works of Homer or Cervantes. "Uncle Tom" and "Topsy" are as much 'publici juris'—that is, public possessions —..." (3, 36-63).

Practice shows that there is often no written agreement between the stage director and the translator defining the terms of use for the translation. As a result, conflicts arise: the translator can prohibit the production, thus

the theater's right to publish or alienate the rights to the production may be blocked. This leads to new, endless disputes (about payment of remuneration, about authorship, about crediting a name in a specific font, in a specific place, and so on and so forth).

The solution is a highly detailed contract. But then again, you can't draft one contract to cover all situations...

In the practice of American theaters, great emphasis is placed on preventive methods of protecting intellectual property rights. For example, Kelly Gregg notes that the close-knit theater community in New York has developed rules to prevent intellectual property rights violations: plagiarism of theatrical productions, illegal borrowing of characters and plots, etc. These rules are capable of maintaining "order without law" (4, 1-2). I believe it is reasonable to create a similar code of theatrical rules for Kazakhstani theaters. In the age of digitalization, it is important to focus on the creativity of all participants in the creative sphere. Their circle is very wide!

Many questions arise regarding the formalization of rights to a play. For example, the stage director considers the play their own authorial product, the scriptwriter (if not the director) holds the same opinion about the significance of their own contribution (and in many ways, they are also right!), the actors do not sign agreements on the transfer of rights for recording and broadcasting, the theater does not document who owns the rights to the video archive of the production, etc.

As a result, when attempting, for example, to digitize a play and post it online, a private theater risks facing numerous claims from both authors and performers.

For the sustainable development of private theaters, it is necessary to:

1. Develop and improve standard contracts (licensing, author's commission, performance, etc.) adapted to the specifics of theatrical practice.
2. Implement educational courses on copyright for stage directors, producers, actors, etc.
3. Form an association of private theaters that could afford to maintain a team of professional lawyers to advise community members and represent their interests.

Intellectual property is the foundation for the sustainable development of modern theater. Independent troupes operating in Kazakhstan need not only financial support but also strong legal support.

The experience of Transforma and the analysis of foreign experience show that a production without a legal basis can lead to serious consequences – from reputational setback to lawsuits. At the same time, fostering a culture of legal interaction opens the way to international collaborations, grants, and participation in the global theatrical process.

References

1. Official website of the IP International Exchange of Hainan (IPEH) // <https://www.ipeh.com.cn/en/index.php/page/about.html#:~:text=The%20Intellectual%20Property%20International%20Exchange%20of%20Hainan,exploration%20for%20the%20Osecuritization%20of%20intellectual%20property>
2. Flood A. Mockingbird play set for Broadway after Harper Lee estate settles dispute. The Guardian, 2018 // <https://www.theguardian.com/books/2018/may/11/mockingbird-play-set-for-broadway-after-harper-lee-estate-settles-dispute#:~:text=Rudin%20hit%20back%20in%20April,character%20of%20Finch%20will%20take>.
3. Rose M. Authors in Court: Scenes from the Theater of Copyright. - Harvard University Press, 2016. – P.212.
4. Kelly Gregg. Intellectual Property Norms in American Theater // <https://lawreview.uchicago.edu/print-archive/intellectual-property-norms-american-theater>

**Суворова
Анна Александровна**

Директор креативного пространства «Трансформа», театральный продюсер, участница рейтинга Forbes «30 under 30» (2022 г.)

Аннотация. В обзоре рассматриваются правовые проблемы, возникающие в деятельности частных театров Казахстана при использовании литературных произведений, постановке спектаклей и переводе зарубежных пьес. Особое внимание уделено практике лицензирования, вопросам соавторства, а также судебным прецедентам. Проанализированы международные подходы (США, Китай). Предлагаются пути совершенствования правового статуса частных театров.

Ключевые слова: частный театр; интеллектуальная собственность; режиссёр-постановщик; авторское право; адаптация; лицензия; перевод.

Креативное пространство «Трансформа» осуществляет свою деятельность с 2017 года. Наша современная молодая команда прошла много испытаний. Можно сказать, важность эффективного правового регулирования отношений по созданию и использованию творческих результатов в театральной сфере и значение интеллектуальных прав в жизни театра мы прочувствовали на себе.

В течение нескольких истекших лет в Казахстане наблюдается активное развитие частных театров, креативных пространств, арт-резиденций... Они становятся площадками для культурных экспериментов, современных постановок, сотрудничества с зарубежными драматургами и музыкантами. Вместе с ростом творческой активности обнажаются авторско-правовые проблемы. Наиболее острый вопрос – получение разрешения на постановку, перевод и адаптацию произведения.

Государственные театры имеют полноценные юридические отделы и отлаженные механизмы получения лицензий. Частные инициативы, как показывает практика «Трансформы», сталкиваются с рядом трудностей: отсутствием ясных договорных моделей, непониманием требований авторского права, сложностью взаимодействия с иностранными правообладателями, отсутствием финансирования на приобретение лицензий и т.д. И это только вершина айсберга.

Распространенная ситуация: есть стремление поставить спектакль по мотивам книги зарубежного автора. На первый взгляд, чисто художественная задача. Однако возникает масса юридических вопросов. Согласно статье 16 Закона Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» переработка, адаптация, инсценировка, перевод литературного произведения возможны только с согласия автора или его правопреемников. Если режиссёр-постановщик частного театра желает поставить спектакль, например, по пьесе американского драматурга, он должен:

1. Получить разрешение на перевод (если спектакль будет идти на русском или казахском языках).
2. Получить разрешение на инсценировку (т.е. создание новой формы произведения – сценической постановки).
3. Заключить лицензионное соглашение с правообладателем, определив условия вознаграждения, территорию и срок использования.

Часто бывает, что первоначальный правообладатель передал права на эту пьесу другим лицам. Тогда необходимо обращаться к вторичным правообладателям. Должен ли театр заплатить только вторичному правообладателю (заключить лицензионный договор) или необходимо отправить авторское вознаграждение и автору? Очевидно, что платить нужно тому, кто является «держателем» исключительного права, но нельзя забывать и о соблюдении личных неимущественных прав автора. Необходимо

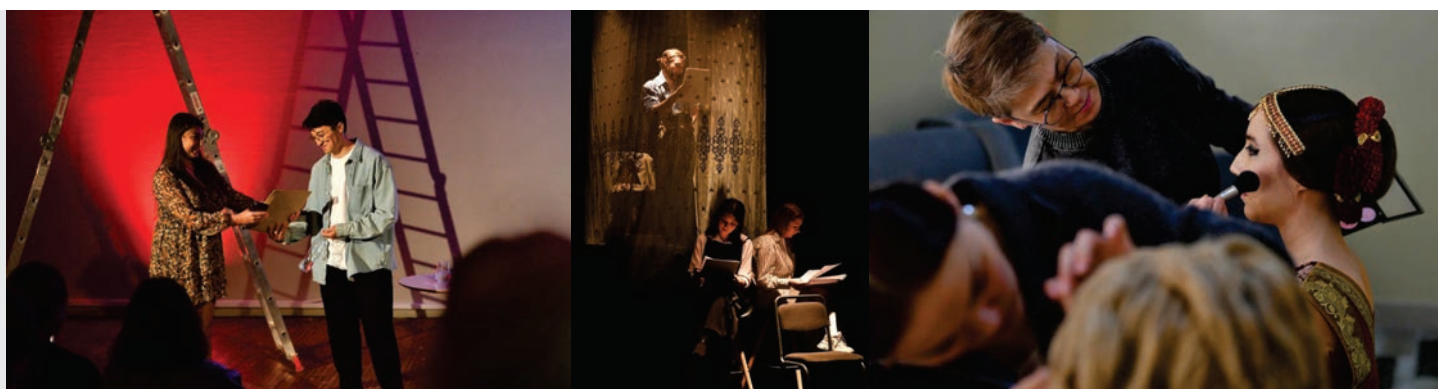
указывать его имя как создателя перерабатываемого произведения, заботиться о сохранении целостности произведения.

Частая ситуация – правообладателя вообще невозможно найти, или переговоры с зарубежными агентами оказываются слишком дорогими. При подготовке постановки по роману немецкого автора наше креативное пространство столкнулось с требованием выплаты очень крупной фиксированной суммы – в ходе предварительных переговоров эта сумма не озвучивалась (называлась другая сумма), а официальное уведомление о размере авторского вознаграждения, полученное нами после запуска проекта (сценарий, костюмы, репетиции и т.д.), оказалось непосильным бременем. Включаться в судебный процесс? Доказывать злоупотребление правом автора? Заявлять немецкому автору о преддоговорной ответственности?

Театральному сообществу представляется несправедливым отсутствие каких-то разумных ставок при постановке спектаклей. Рациональным считаем появление биржи интеллектуальных прав, где за посильную онлайн-плату можно было бы выкупить лицензию для реализации театральной постановки. Подобный опыт в мире существует. Яркий пример – Международная биржа прав интеллектуальной собственности на острове Хайнань (IPEN) в Китае, созданная в 2020 году (1).

В результате невозможности заключить соглашение с зарубежными правообладателями режиссёр-постановщик вынужден отказаться от первоначального замысла или искать варианты. Например, создавать новую пьесу, «по мотивам». Однако такие постановки – филигранная творческая работа. Если в тексте или сценографии сохраняются узнаваемые элементы оригинала (сюжет, персонажи, диалоги), возникает однозначный риск нарушения авторских прав. Минимальная «планка» компенсации за нарушение исключительного авторского права в Казахстане составляет 100 месячных расчетных показателей (МРП) (393.200 тенге или около 770 долларов США), максимальная – 15.000 МРП (58.980.000 тенге или около 115 тыс. долларов США). Все это – финансовые и юридические риски для молодого частного театра в случае ошибки.

При реализации проектов, связанных с постановкой пьесы по существующему роману, важно понимать, что целостность произведения, творческий замысел неприкосновенны! Даже если есть договор с правообладателем. Так, наследники Харпер Ли обратились в суд с иском за создание сценической адаптации «Убить пересмешника», содержавшей несогласованные изменения, которые, по мнению наследников, изменили характеры ключевых персонажей, в частности, Аттикуса Финча, и противоречили «духу романа». «Для этой классики очень важно, чтобы любая интерпретация персонажей, и не в последнюю

очередь Аттикуса, не противоречила образу автора» (2). Спор был урегулирован заключением мирового соглашения, что позволило премьере пьесы состояться в запланированные сроки. Как видим, детали имеют значение!

Многие частные театры создают собственные переводы пьес, адаптируя их для казахстанских зрителей. Однако перевод сам по себе является производным произведением, переводчик становится автором перевода, соответственно, у него возникает свое исключительное право на перевод. Следовательно, театру необходимо получить как разрешение автора пьесы на ее постановку, так и разрешение переводчика на использование перевода, убедившись при этом, что перевод выполнен с разрешения автора... Цепочка рисков представляется бесконечной. «И лезвие бритвы для них – тропинка...»

В зарубежных юрисдикциях были случаи, когда перевод, выполненный без разрешения авторов, признавался не нарушающим права автора оригинального произведения, но это исключение. Так, в 1853 году Гарриет Бичер-Стоу подала в суд на Ф.У. Томаса, филадельфийского издателя, опубликовавшего перевод «Хижина дяди Тома» для немецкоязычной литературы. В спорном решении судья Роберт Грир постановил, что немецкий перевод не нарушает авторских прав автора оригинального произведения. «С публикацией её книги – писал Грир – творения гения и воображения автора стали таким же общественным достоянием, как и произведения Гомера или Сервантеса. «Дядя Том» и «Топси» являются такой же «publici juris», то есть общественным достоянием...» (3, 36–63).

Практика показывает, что между режиссёром-постановщиком и переводчиком часто отсутствует письменный договор, определяющий условия использования перевода. В результате возникают конфликты: переводчик может запретить постановку, таким образом право театра на публикацию или отчуждение прав на постановку может оказаться заблокированным. Отсюда возникают новые бесконечные споры (о выплате вознаграждения, об авторстве, об указании имени определенным шрифтом, в определенном месте и т.д. и т.п.).

Решением является максимально детализированный договор. Но опять же один договор на все случаи жизни не напишешь...

В практике американских театров большой акцент сделан на превентивные способы защиты интеллектуальных прав. Так, Келли Грегг отмечает, что сплоченное театральное сообщество Нью-Йорка выработало правила, позволяющие предотвратить нарушения интеллектуальных прав: плагиат театральные постановки, незаконное заимствование персонажей и сюжетов и т.д. Эти правила способны поддерживать «порядок без закона» (4, 1–2). Считаю разумным создать свод подобных театральные правил для казахстанских театров. В век цифровизации важно делать акцент на созидательности всех участников творческой сферы. Их круг очень широк!

Много вопросов возникает по оформлению прав на спектакль. Например, режиссёр-постановщик считает спектакль своим авторским продуктом, автор сценария (если это не режиссёр) того же мнения придерживается о значимости собственного вклада (и во многом он тоже прав!), актёры не подписывают соглашения о передаче прав на запись и трансляцию, театр не фиксирует, кому принадлежат права на видеоархив постановки, и т.д.

В результате при попытке, например, оцифровать спектакль и разместить его онлайн частный театр

рискует столкнуться с множеством претензий как от авторов, так и от исполнителей.

Для устойчивого развития частных театров необходимо:

1. Разрабатывать и совершенствовать типовые договоры (лицензионные, авторского заказа, исполнения и т.д.), адаптированные под особенности театральной практики.
2. Внедрять образовательные курсы по авторскому праву для режиссёров-постановщиков, продюсеров, актёров и т.д.
3. Сформировать ассоциацию частных театров, которая могла бы себе позволить содержать команду юристов-профессионалов, консультировать членов сообщества и представлять их интересы.

Интеллектуальная собственность – основа устойчивого развития современного театра. Независимые труппы, действующие в Казахстане, нуждаются не только в финансовой поддержке, но и в серьёзной правовой поддержке.

Опыт «Трансформы» и анализ зарубежного опыта показывают, что постановка без юридической базы может привести к серьёзным последствиям: от утраты репутации до судебных исков. В то же время формирование культуры правового взаимодействия открывает путь к международным коллаборациям, грантам и участию в глобальном театральном процессе.

Список использованных источников:

1. Официальный сайт Международной биржи прав интеллектуальной собственности (IPEH) // <https://www.ipeh.com.cn/en/index.php/page/about.html#:~:text=The%20Intellectual%20Property%20International%20Exchange%20of%20Hainan,exploration%20for%20the%20securitization%20of%20intellectual%20property>
2. Flood A. Mockingbird play set for Broadway after Harper Lee estate settles dispute. The Guardian, 2018 // <https://www.theguardian.com/books/2018/may/11/mockingbird-play-set-for-broadway-after-harper-lee-estate-settles-dispute#:~:text=Rudin%20hit%20back%20in%20April,character%20of%20Finch%20will%20take>.
3. Rose M. Authors in Court: Scenes from the Theater of Copyright. - Harvard University Press, 2016. – P. 212.
4. Kelly Gregg. Intellectual Property Norms in American Theater // <https://lawreview.uchicago.edu/print-archive/intellectual-property-norms-american-theater>

OVERVIEW OF INTELLECTUAL PROPERTY EXCHANGES

ЗИЯТКЕРЛІК ҚҰҚЫҚ БИРЖАЛАРЫНА ШОЛУ

ОБЗОР БИРЖ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Belotserkovets Sofya Pavlovna

Correspondent of the Eurasian Journal of Intellectual Property Law, Postgraduate Student of the Department of Civil Law at the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev.

Abstract. Intellectual property exchanges hold a significant place in modern business. They represent platforms for the exchange and licensing of various types of intellectual property rights, such as patents, copyrights, and trademarks. Such exchanges create a structured market where owners of intangible assets can find potential buyers or licensees, thus contributing to the efficient management of intellectual resources. This overview demonstrates the diversity and significance of intellectual property exchanges in the modern world.

Keywords: intellectual property exchanges; intellectual property; intangible assets; licensing; asset management.

The main purpose of intellectual property exchanges is to simplify licensing and exchange processes, which in turn stimulates the creation of innovative products and economic growth. Participation in intellectual property exchanges allows businesses to gain access to unique technologies and content, which is important in an environment of growing competition and globalization. Furthermore, exchanges help reduce transaction costs and potential legal risks by providing transparent conditions for transactions with so-called intellectual property.

An important function of exchanges is the publication of intellectual property items not subject to mandatory registration, to facilitate the search for potential licensees, as well as the search for current rights holders.

As a result, these platforms not only facilitate the commercial use of intellectual property rights but also contribute to the formation of a more effective structure for asset protection and valuation.

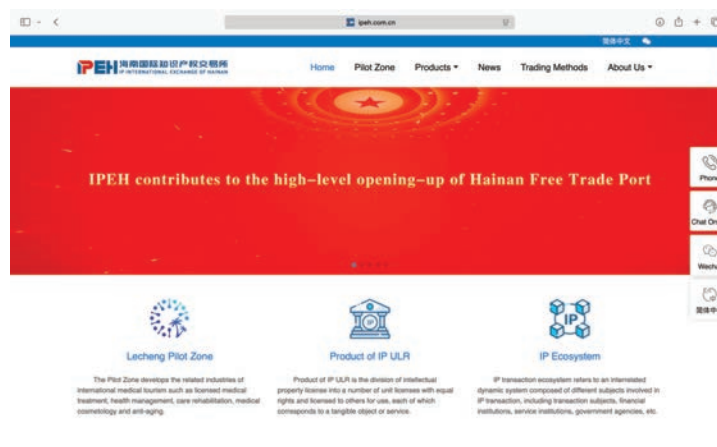
Examining the features of certain intellectual property exchanges provides a deep understanding of current trends and practices in the field of knowledge-based capital management.

1. Intellectual Property International Exchange of Hainan (IPEH)

Link: <https://www.ipeh.com.cn>

About the Exchange:

IPEH is an information exchange platform where participants (intellectual property rights holders, IPEH members, appraisers, credit institutions, and rights protection agencies) jointly form a trading system for intellectual property rights. In this sense, the exchange is a platform for joint study and practical work by all parties concerned. The exchange was officially launched at the end of 2019 and began operations in 2020.

IPEH functions as a national market for trading intellectual property rights and other intangible assets, which integrates technology and financial markets. The organization facilitates the circulation, use, protection, and so-called securitization of intellectual property rights, thereby creating a multi-level service platform for innovative solutions. IPEH aims to become a competitive player on the international stage with a focus on developing the circulation of assets created in the Hainan Free Trade Port, while also targeting all of China, thus covering both domestic and foreign markets (1).

Mission:

Unlike traditional technology markets and tools that facilitate the circulation of intellectual property, the creation of IPEH is aimed at supporting the development of research based on the securitization of intellectual property (1).

Globally, the purpose of securitizing intellectual property rights is the need for the rights holder to provide collateral, with financing carried out through the issuance of securities backed by the securitized assets (2, 56–57).

If successful, the securitization of intellectual property can be invaluable for stimulating innovation, developing production, protecting creative achievements, and fostering a culture of intellectual property. This can become part of the efforts to maintain the global economic order and improve economic relations between countries (1).

Jurisdiction: China.

The exchange's activities are regulated by the laws of the People's Republic of China, and it was established as part of a dedicated policy for the development of the Hainan Free Trade Port, aimed at attracting both domestic and foreign technology and innovation firms. The exchange aims to serve China (the entire PRC territory) and the international market (with a focus on Southeast Asia) (1).

2. Creative Commons

Link: <https://creativecommons.org>

About the Exchange:

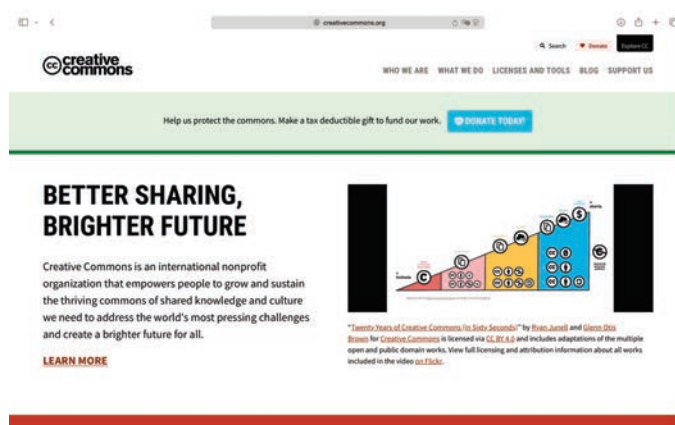
Creative Commons is an international non-profit organization that offers a set of free, standardized public licenses and legal tools. These tools allow authors and rights holders to grant the public rights to use their works (music, images, text), while retaining other rights (the "some rights reserved" concept).

Creative Commons licenses facilitate the process of managing and distributing intellectual property in the digital environment. They consist of three layers: a lawyer-readable legal code, a human-readable Commons

Deed, and a machine-readable code, which simplifies searching for and using content on the Internet. The platform does not conduct direct transactions between parties, but its licenses are widely used on numerous third-party online resources (e.g., Wikimedia Commons, YouTube, Flickr) to regulate access to content and define its terms of use (3).

Mission:

The mission of Creative Commons is to build a more

equitable, accessible, and innovative world by expanding the digital "public domain" and encouraging the open exchange of knowledge and creativity.

The mission includes the following key aspects:

- The organization aims to remove unnecessary barriers created by overly strict copyright to promote universal access to educational resources, scientific research, art, and culture;
- Creative Commons develops legal and technical tools (machine-readable licenses) that allow the Internet to function more effectively as a giant library of ideas, where content can be easily found, used, and recombined without infringing on intellectual property rights;
- The platform helps find a working balance between the interests of rights holders who want to control their works and the needs of society for free access to information necessary for creativity;
- By giving rights holders the ability to easily share their works, Creative Commons accelerates the pace of innovation in science and technology, as new developments can legally build upon existing ones (3).

Jurisdiction: International organization.

The 4.0 International licenses (the current main version) are universal and legally applicable in most countries. The organization operates through a global network of affiliates and experts to ensure their effectiveness in various legal systems around the world (3).

3. Intellectual Property Exchange (IPX)

Link: <https://www.ipxco.com>

About the Exchange:

Intellectual Property Exchange (IPX) is a comprehensive web-based platform designed for the management, analysis, and monetization of intellectual property. The platform serves a wide range of clients: from individual inventors and researchers to large corporations and financial institutions.

Unlike traditional intellectual property exchanges where assets are traded automatically, IPX focuses on providing analytical tools and expert consulting support. Key features of the platform include:

- Portfolio analysis (assessing the market potential of inventions and identifying risks of infringing competitors' patents);
- Strategic services (assistance with licensing, sublicensing, cross-licensing as well as in transactions for the purchase/sale of intellectual property assets);
- Market Intelligence (providing competitive information and evaluating candidates for mergers and acquisitions (M&A)).

IPX helps clients structure their approach to intellectual property through a four-step process: asset prioritization, strategy development, establishing contact with potential partners, and direct monetization (4).

Mission:

The mission of IPX is to empower innovators by helping

them unlock the full potential of their inventions and maximize the value of their intellectual assets.

The platform aims to simplify the complex process of intellectual property management by providing the necessary tools and expert advice to turn ideas into protected intellectual property assets that allow for profit from their use.

IPX aims to make the market more accessible to a wide range of participants, helping individual inventors and small companies to receive a larger share of the revenues that are traditionally concentrated among large corporations (4).

Jurisdiction: USA.

IPX is headquartered in Austin, Texas, and its activities are governed by the laws of the United States of America. Although the platform is aimed at global use, its legal basis and primary jurisdiction of activity are the USA (4).

4. IPR Exchange

Link: <https://www.iprexchange.in>

About the Exchange:

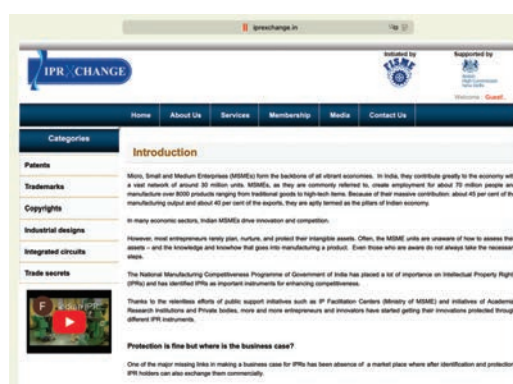
IPR Exchange is an innovative online platform that functions as a specialized marketplace for the commercial exchange of intellectual property rights in India. The exchange was initiated by the Federation of Indian Micro, Small & Medium Enterprises (FISME) with significant support from the Ministry of MSME, Government of India, which underscores its public importance and the trust it has from the Government.

A key feature of IPR Exchange is the provision of comprehensive support services that minimize barriers to market entry, allowing a wide range of rights holders — from individual inventors and startups to universities and large corporations — to offer for sale, license, or grant franchise rights to various types of intellectual property.

Users have access to built-in online intellectual property management tools that help track application and renewal deadlines and send timely alerts. In addition, the platform offers intellectual property audit services, independent expert asset valuation, and qualified assistance in preparing and formalizing all necessary legal agreements for technology transfer and licensing, making the transaction process safer and more efficient (5).

Mission:

The main mission of IPR Exchange is to overcome the critical problems of the Indian intellectual property market: its illiquidity, high transaction costs, and information asymmetry between sellers and buyers. The platform aims to create an efficient and transparent market for the commercialization of intellectual property, with a special focus on supporting the MSME sector, which often lacks the resources for traditional entry into the intellectual property

market.

The ultimate goal is to ensure that rights holders receive adequate economic benefits from their intellectual property assets, which might otherwise remain unused. Through the monetization of intangible assets, the exchange is designed to stimulate a culture of innovation and research in the country, ensuring that young innovators and startups have the opportunity to get a financial return on their ideas, as well as protecting the interests of Indian business from rights

infringement and 'patent trolls' (5).

Jurisdiction: India.

As a national project, the exchange is primarily focused on the domestic market, although technically the platform is open to participation from global companies and individuals (5).

5. IdeasCloud

Website: <http://ideascloud.biz>

About the Exchange:

IdeasCloud is positioned as a multifunctional online platform that combines elements of an intellectual property exchange, a platform for startups, franchises, and ready-made businesses. It functions as a bridge between the authors of innovative projects and entrepreneurs on one side, and potential investors seeking promising projects for investment on the other. The platform allows for the trading of a wide range of intellectual assets, including patents, brands (trademarks), business ideas, and entire business projects.

A key feature of IdeasCloud is its focus on the full investment process cycle, not just one-off transactions. The platform provides comprehensive services: from posting proposals and selecting investment projects based on specified parameters to consulting and legal support for transactions. Users have the opportunity to participate in regular investment sessions and receive a newsletter with new, pre-selected projects. To facilitate interaction, various document templates, business plans, and contracts are available on the platform (6).

Mission:

The mission of IdeasCloud is to effectively bring together 'seeker' – authors of breakthrough ideas and potential investors – to exchange intellectual assets and successfully implement business projects. The platform aims to create a transparent, trustworthy, and effective environment where promising ideas and startups can quickly receive the necessary support.

The main goal is to stimulate entrepreneurial activity and innovation while minimizing the gap between the idea's inception and its commercial implementation. By turning abstract ideas and intangible assets into real business and bringing benefits to all participants in the process, IdeasCloud contributes to the development of an innovative economy over a wide geographical area (6).

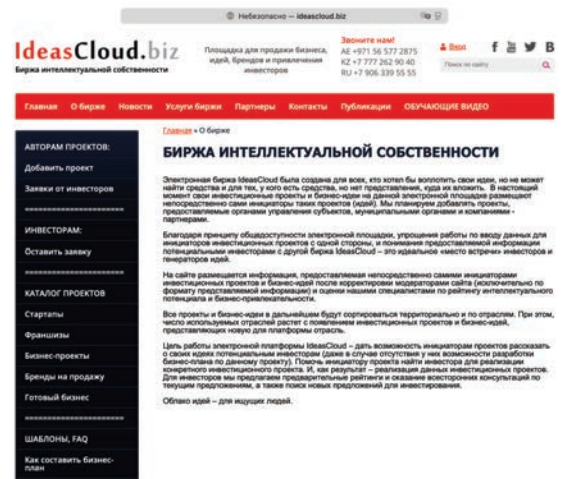
Jurisdiction: Kazakhstan, Uzbekistan, Russia, United Arab Emirates.

The platform aims for international reach, providing services and supporting transactions applicable in various global legal fields, with a strong presence in the markets of the Middle East and Central Asia (6).

6. National Intellectual Property Exchange of the Republic of Belarus (IP Exchange of NIPC)

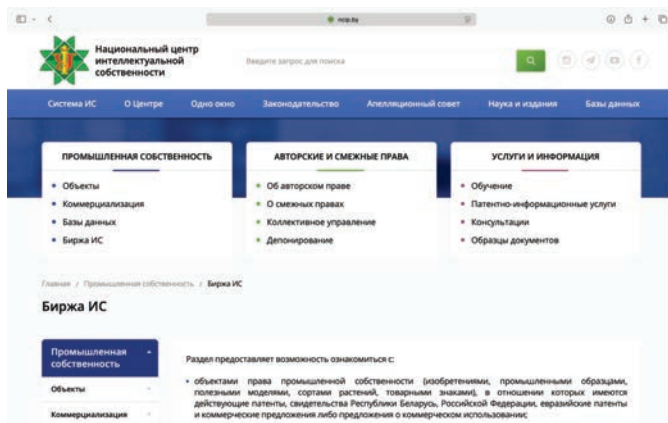
Website: <https://www.ncip.by/promyshlennaya-sobstvennost/birzha-is/>

About the Exchange:

The National Intellectual Property Exchange of the Republic of Belarus is not a classic automated trading platform from the financial perspective. It is rather an information and intermediary platform and a registry of commercial offers functioning as a structural unit of the National Center of Intellectual Property (NCIP), which serves as the country's official patent office.

The main function of the exchange is to provide a centralized and transparent mechanism for reviewing of and searching for industrial projects as well as computer programs and know-how, registered in the Republic of Belarus. The platform hosts commercial proposals concerning the possibility of licensing, full assignment of rights, or other forms of commercialization for patents for inventions, utility models, industrial designs, and trademarks. The platform acts as a state navigator for the country's innovations. The exchange also highlights categories of "promising" inventions that have undergone additional examination and evaluation by the NCIP experts (7).

Mission:

The mission of the exchange is to promote the effective commercialization, technology transfer, and economic circulation of the results of scientific and technical activities and industrial property items in the Republic of Belarus.

The platform aims to create a transparent and accessible mechanism for finding partners and concluding technology transfer deals, minimizing information barriers and transaction costs between rights

holders (scientific institutions, state enterprises, private companies, inventors) and potential users or investors. The ultimate goal is to stimulate the innovative development of the Belarusian economy, increase the share of high-tech products, and transform protected intellectual property into a real, income-generating economic asset (7).

Jurisdiction: Republic of Belarus. Eurasian patents can also be presented on the exchange, but the main jurisdiction and legal field of operation is the Republic of Belarus (7).

7.IPEX (Intellectual Property Exchange)

Website: <https://ipex.ru>

About the Exchange:

The IPEX platform is a professional digital platform for conducting transactions of any complexity involving intellectual property items, operating as part of the IPChain infrastructure (RCIP.RF network). The platform was

introduced as the world's first intellectual property exchange in 2018 and has become a key element of the Russian intellectual property management ecosystem.

The key feature and distinction of IPEX from other platforms is the complete automation of the transaction process using blockchain technologies. The platform allows the rights holder and the buyer to interact directly in the digital space without traditional intermediaries, with all

stages—from posting the item to concluding the contract—occurring in electronic form.

IPEX provides reliable deposition of intellectual property items and documentation of authorship and creation time. The use of distributed ledger technology guarantees the immutability and transparency of data on all operations.

An important feature is the exchange's integration with Russia's first digital crowdfunding platform, CO-FI. This collaboration allows investors and banks to transfer funds for the implementation of creative or high-tech projects, using a share in the future product or the creative product itself as collateral. By interacting with the IPChain Association, the CO-FI platform ensures maximum transparency and verification of information about all transactions involving intellectual property items (8).

Mission:

The mission of IPEX is to monetize the creative and inventive efforts of authors and rights holders by building up an effective, secure, and transparent digital market for intellectual assets. The platform aims to provide authors and businesses with tools for the quick and seamless exercise of rights to available products, helping them find buyers and win profitable contracts in the most simplified form. By promoting development of the digital economy and innovation, IPEX aims to form a civilized, transparent, and high-tech intellectual property market (8).

Jurisdiction: Russia.

Although the platform's legal field of activity is tied to Russian laws and integrated with state bodies (Rospatent, Intellectual Property Court), the platform is aimed at international cooperation: memorandums of co-operation have been signed with partners from other countries, which indicates the scaling of technologies and the expansion of activities to the global market (8).

References:

1. Official website of the Intellectual Property International Exchange of Hainan [Electronic source] <https://www.ipeh.com.cn>
2. Shu C., Volkov A. T. Risks in the Securitization of Intellectual Property Rights // Innovations. 2022 No. 3 (281). pp. 56–61. DOI: 10.26310/2071-3010.2022.281.3.008.
3. Official website of Creative Commons [Electronic source] <https://creativecommons.org>
4. Official website of the Intellectual Property Exchange [Electronic source] <https://www.ipxco.com>
5. Official website of the IPR Exchange [Electronic source] <https://www.iprexchange.in>
6. Official website of IdeasCloud [Electronic source] <http://ideascloud.biz>
7. Official website of the National Intellectual Property Exchange of the Republic of Belarus [Electronic source] <https://www.ncip.by/promyshlennaya-sobstvennost/birzha-is/>
8. Official website of IPEX [Electronic source] <https://ipex.ru>

**Белоцерковец
Софья Павловна**

Корреспондент Eurasian
Journal of Intellectual Property
Law, аспирант кафедры
гражданского права
Уральского государствен-
ного юридического универ-
ситета имени В.Ф. Яковлева.

Аннотация. Биржи интеллектуальных прав занимают значимое место в современном бизнесе. Они представляют собой платформы для обмена и лицензирования различных видов интеллектуальных прав, таких как патенты, авторские права и товарные знаки. Такие биржи создают структурированный рынок, где владельцы нематериальных активов могут находить потенциальных покупателей или лицензиатов, что способствует эффективному управлению интеллектуальными ресурсами. Настоящий обзор показывает многообразие и значение бирж интеллектуальных прав в современном мире.

Ключевые слова: биржи интеллектуальных прав; интеллектуальная собственность; нематериальные активы; лицензирование; управление активами.

Основная цель бирж интеллектуальных прав заключается в упрощении процессов лицензирования и обмена, что, в свою очередь, стимулирует создание инновационных продуктов и экономический рост. Участие в биржах интеллектуальных прав позволяет предприятиям получать доступ к уникальным технологиям и контенту, что важно в условиях растущей конкуренции и глобализации. Кроме того, биржи помогают снижать транзакционные издержки и потенциальные юридические риски, обеспечивая прозрачные условия для сделок с так называемой интеллектуальной собственностью.

Важной функцией бирж является публикация объектов интеллектуальной собственности, не подлежащих обязательной регистрации, для облегчения поиска потенциальных лицензиатов, а также поиска действующих правообладателей.

В результате данные платформы не только содействуют коммерческому использованию интеллектуальных прав, но и способствуют формированию более эффективной структуры защиты и оценки активов.

Рассмотрение особенностей некоторых бирж интеллектуальных прав предоставляет глубокое понимание текущих тенденций и практик в области управления интеллектуальным капиталом.

1. Intellectual Property International Exchange of Hainan (IPEH)

Ссылка: <https://www.ipeh.com.cn>

О бирже:

IPEH представляет собой платформу для обмена информацией, где участники (правообладатели интеллектуальной собственности, члены IPEH, оценщики, кредитные организации и агентства по защите прав) совместно формируют систему торговли правами интеллектуальной собственности. В этом смысле биржа представляет собой платформу для совместного изучения и практической работы всех заинтересованных сторон. Биржа была официально запущена в конце 2019 года и начала свою деятельность в 2020 году.

IPEH функционирует как национальный рынок торговли интеллектуальными правами и другими нематериальными активами, который объединяет технологические и финансовые рынки. Организация осуществляет содействие в обороте, использовании, защите и так называемой секьюритизации интеллектуальных прав, тем самым создавая многоуровневую сервисную платформу для инновационных решений. IPEH стремится стать конкурентоспособным игроком на международной арене с акцентом на раз-

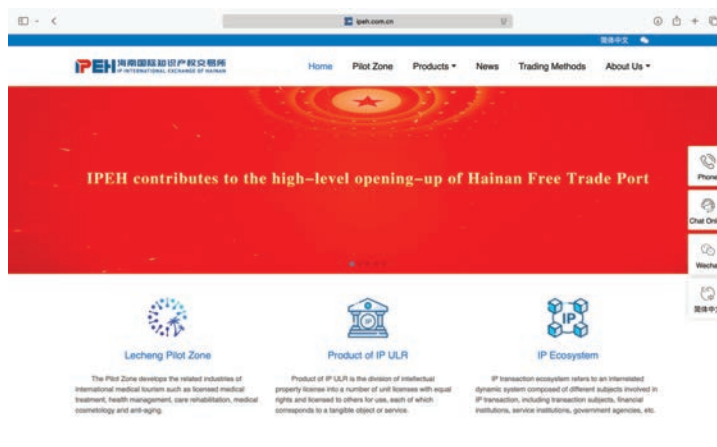
витие оборота активов, созданных в порту международной торговли Хайнань, однако при этом ориентируется на весь Китай, так или иначе охватывает как внутренние, так и внешние рынки (1).

Миссия:

В отличие от традиционных рынков технологий и инструментов, содействующих обороту интеллектуальной собственности, создание IPEH направлено на поддержку развития исследований на основе секьюритизации интеллектуальной собственности (1).

Глобально цель секьюритизации прав на интеллектуальную собственность заключается в необходимости предоставления залога правообладателем, при этом финансирование осуществляется через выпуск ценных бумаг, обеспеченных секьюритизированными активами (2, 56–57).

В случае успеха секьюритизация интеллектуальной собственности может иметь неоценимое значение для стимулирования инноваций, развития производства, защиты творческих достижений и развития культуры интеллектуальной собственности. Указанное может стать частью усилий по поддержанию мирового экономического порядка и улучшению экономических отношений между странами (1).

Юрисдикция: Китай.

Деятельность биржи регулируется законодательством Китайской Народной Республики, при этом она создана в рамках специальной политики по развитию порта свободной торговли Хайнань, направленной на привлечение как внутренних, так и зарубежных технологических и инновационных фирм. Биржа нацелена на обслуживание Китая (вся территория КНР) и международного рынка (с акцентом на Юго-Восточную Азию) (1).

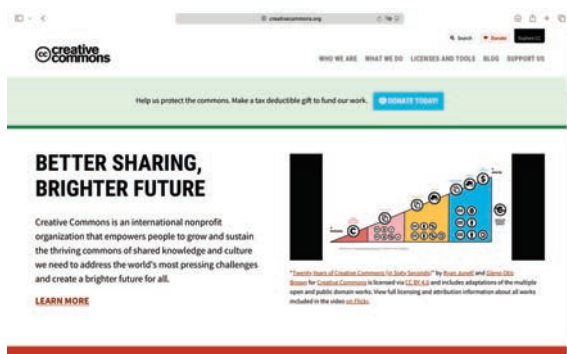
2. Creative Commons

Ссылка: <https://creativecommons.org>

Обирже:

Creative Commons – это международная некоммерческая организация, которая предлагает набор бесплатных, стандартизированных публичных лицензий и юридических инструментов. Такие инструменты позволяют авторам и правообладателям предоставлять публике права на использование своих произведений (музыка, изображения, текстовые произведения), сохраняя при этом за собой остальные права (концепция «некоторые права защищены»).

Лицензии Creative Commons облегчают процесс управления и распространения интеллектуальной собственности в цифровой среде. Они состоят из трех уровней: юридический код, понятный человеку «краткий обзор» и машиночитаемый код, что упрощает поиск и использование контента в Интернете. Платформа не проводит прямых транзакций между сторонами, но ее лицензии широко используются на множестве сторонних онлайн-ресурсов (например, Wikimedia Commons, YouTube, Flickr) для регулирования доступа к контенту и определения условий его использования (3).

Миссия:

Миссия Creative Commons заключается в построении более справедливого, доступного и инновационного мира путем расширения цифрового «общественного достояния» и стимулирования открытого обмена знаниями и творчеством.

Миссия включает следующие ключевые аспекты:

- организация стремится устранить ненужные барьеры,

создаваемые чрезмерно строгим авторским правом, чтобы способствовать всеобщему доступу к образовательным ресурсам, научным исследованиям, искусству и культуре;

- Creative Commons разрабатывает юридические и технические инструменты (машиночитаемые лицензии), которые позволяют Интернету работать более эффективно как гигантская библиотека идей, где контент легко найти, использовать и повторно комбинировать без нарушения интеллектуальных прав;

- площадка позволяет найти работающий баланс между интересами правообладателей, которые хотят контролировать свои работы, и потребностями общества в свободном доступе к информации, необходимой для творчества;

- предоставляя правообладателям возможность легко делиться произведениями, Creative Commons ускоряет темпы развития инноваций в науке и технологиях, так как новые разработки могут легально опираться на уже существующие (3).

Юрисдикция: Международная организация.

Лицензии версии 4.0 International (текущая основная версия) являются универсальными и юридически применимыми в большинстве стран. Организация работает через глобальную сеть аффилированных лиц и экспертов для обеспечения их эффективности в различных правовых системах по всему миру (3).

3. Intellectual Property Exchange (IPX)

Ссылка: <https://www.ipxco.com>

О бирже:

Intellectual Property Exchange (IPX) – это комплексная веб-платформа, предназначенная для управления, анализа и монетизации интеллектуальной собственности. Платформа обслуживает широкий круг клиентов: от индивидуальных изобретателей и научных сотрудников до крупных корпораций и финансовых институтов.

В отличие от традиционных бирж интеллектуальной собственности, где активы торгуются автоматически, IPX фокусируется на предоставлении аналити-

ческих инструментов и экспертной консалтинговой поддержке. Ключевые особенности платформы включают:

- анализ портфеля (оценка рыночного потенциала изобретений и выявление рисков нарушения патентов конкурентов);
- стратегические услуги (помощь в лицензировании, сублицензировании, кросс-лицензировании, а также в сделках по покупке/продаже активов интеллектуальной собственности);
- рыночная «разведка» (предоставление конкурентной информации и оценка кандидатов на слияние и поглощение (M&A)).

IPX помогает клиентам структурировать их подход к интеллектуальной собственности через четырехэтапный процесс: приоритизация активов, разработка стратегии, установление контактов с потенциальными партнерами и непосредственная монетизация (4).

Миссия:

Миссия IPX заключается в расширении возможностей инноваторов, помогая им раскрыть весь потенциал своих изобретений и максимизировать стоимость своих интеллектуальных активов.

Платформа стремится упростить сложный процесс управления интеллектуальной собственностью, предоставляя необходимые инструменты и экспертные консультации для превращения идей в охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, позволяющие получать прибыль от их использования.

IPX нацелена на то, чтобы сделать рынок более доступным для широкого круга участников, помогая индивидуальным изобретателям и небольшим компаниям получать большую долю доходов, которые традиционно концентрируются у крупных корпораций (4).

Юрисдикция: США.

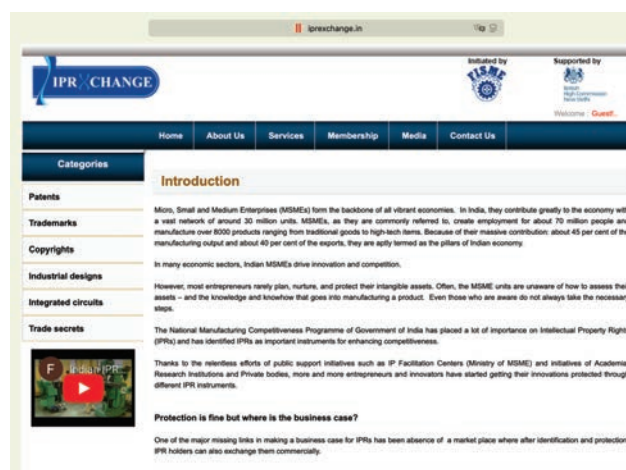
Штаб-квартира компании IPX находится в Остине, штат Техас, и ее деятельность регулируется законодательством Соединенных Штатов Америки. Хотя платформа нацелена на глобальное использование, юридическая основа и основная юрисдикция деятельности – США (4).

4. IPR Exchange

Ссылка: <https://www.iprexchange.in>

Обирже:

IPR Exchange – это инновационная онлайн-платформа, которая функционирует как специализированная торговая площадка для коммерческого обмена правами интеллектуальной собственности в Индии. Создание биржи инициировано Федерацией микро-, малых и средних предприятий Индии (FISME) при значительной поддержке Министерства по делам ММСП правительства Индии, что подчеркивает ее общественную значимость и доверие со стороны государства.

Ключевая особенность IPR Exchange заключается в предоставлении комплексных вспомогательных услуг, которые минимизируют барьеры для входа на рынок, что позволяет широкому кругу правообладателей – от индивидуальных изобретателей и стартапов до университетов и крупных корпораций – выставлять на продажу, лицензировать или предоставлять права франшизы на различные виды интеллектуальной собственности.

Пользователям доступны встроенные онлайн-инструменты управления интеллектуальной собственностью, которые помогают отслеживать сроки подачи заявок и продления прав, своевременно отправлять оповещения. Кроме того, платформа предлагает услуги по аудиту интеллектуальной собственности, экспертной независимой оценке активов и квалифицированную помощь в подготовке и оформлении всех необходимых юридических соглашений для передачи технологий и лицензирования, что делает процесс заключения сделки более безопасным и эффективным (5).

Миссия:

Основная миссия IPR Exchange заключается в преодолении критических проблем индийского рынка интеллектуальной собственности: его неликвидности, высоких транзакционных издержек и асимметрии информации между продавцами и покупателями. Платформа стремится создать эффективный и прозрачный рынок для коммерциализации интеллектуальной собственности, особенно фокусируясь на поддержке сектора ММСП, которые часто не имеют ресурсов для традиционного выхода на рынок интеллектуальной собственности.

Конечная цель заключается в том, чтобы обеспечить правообладателям адекватные экономические выгоды от их результатов интеллектуальной деятельности, которые иначе могли бы остаться неиспользованными. Через монетизацию нематериальных активов биржа призвана стимулировать культуру инноваций и исследований в стране, гарантируя молодым инноваторам и стартапам возможность получить финансовую отдачу от своих идей, а также защитить интересы индийского бизнеса от нарушений прав и «патентных троллей» (5).

Юрисдикция: Индия.

Являясь национальным проектом, биржа ориентирована прежде всего на внутренний рынок, хотя технически площадка открыта для участия мировых компаний и частных лиц (5).

5. IdeasCloud

Сайт: <http://ideascloud.biz>

О бирже:

IdeasCloud позиционируется как многофункциональная онлайн-платформа, объединяющая в себе элементы биржи интеллектуальной собственности, площадки для стартапов, франшиз и готового бизнеса. Она функционирует как мост между авторами инновационных проектов и предпринимателями, с одной стороны, и потенциальными инвесторами, ищущими перспективные объекты

для вложений, с другой. Платформа позволяет торговать широким спектром интеллектуальных активов, включая патенты, бренды (товарные знаки), бизнес-идеи и целые бизнес-проекты.

Ключевой особенностью IdeasCloud является ее ориентация на полный цикл инвестиционного процесса, а не только на разовые сделки. Платформа предоставляет комплексные услуги: от размещения предложений и подбора инвестиционных проектов по заданным параметрам до консультационного и юридического сопровождения сделок. Пользователи имеют возможность участвовать в регулярных инвестиционных сессиях и получать рассылку с новыми, предварительно отобранными проектами. Для облегчения взаимодействия на платформе доступны различные шаблоны документов, бизнес-планы и контракты (6).

Миссия:

Миссия IdeasCloud заключается в том, чтобы эффективно объединять «ищущих людей» – авторов прорывных идей и потенциальных инвесторов – для обмена интеллектуальными активами и успешной реализации бизнес-проектов. Платформа стремится создать прозрачную, доверительную и эффективную среду, где перспективные идеи и стартапы могут быстро получить необходимую поддержку.

Основная цель – стимулирование предпринимательской активности и инноваций при минимизации разрыва между стадией зарождения идеи и ее коммерческим воплощением. Превращая абстрактные идеи и неосязаемые активы в реальный бизнес и принося выгоду всем участникам процесса, IdeasCloud способствует развитию инновационной экономики на широком географическом пространстве (6).

Юрисдикция: Казахстан, Узбекистан, Россия, Объединенные Арабские Эмираты.

Платформа стремится к международному охвату, предоставляя услуги и сопровождая сделки, применимые в различных мировых правовых полях, с активным присутствием на рынках Ближнего Востока и Центральной Азии (6).

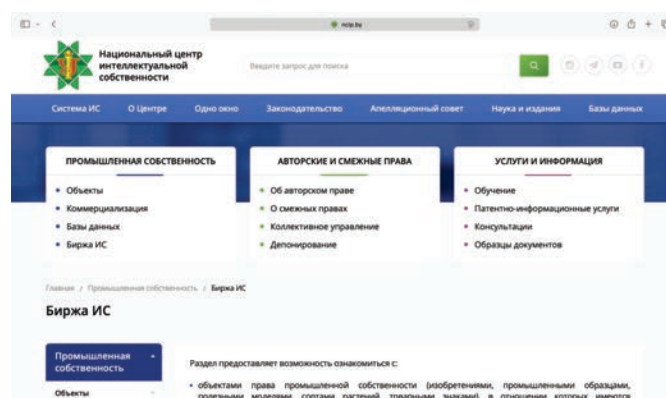
6. Национальная биржа интеллектуальной собственности Республики Беларусь (Биржа ИС НЦИС)

Сайт: <https://www.ncip.by/promyshlennaya-sobstvennost/birzha-is/>

Об бирже:

Национальная биржа интеллектуальной собственности Республики Беларусь не является классической автоматизированной торговой площадкой в финансовом понимании. Это, скорее, информационно-посредническая платформа и реестр коммерческих предложений, функционирующий как структурное подразделение Национального центра интеллектуальной собственности (НЦИС), который выполняет функции официального патентного ведомства страны.

Основная функция биржи – предоставить централизованный и прозрачный механизм для обзора и

поиска промышленных объектов, а также компьютерных программ и ноу-хау, зарегистрированных в Республике Беларусь. На платформе размещаются коммерческие предложения, касающиеся возможности лицензирования, полной уступки прав или других форм коммерциализации патентов на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, а также товарных знаков. Платформа выступает в роли государственного навигатора по инновационным разработкам страны. Также биржа выделяет категории «перспективных» изобретений, которые прошли дополнительную экспертизу и оценку специалистов НЦИС (7).

Миссия:

Миссия биржи заключается в содействии эффективной коммерциализации, трансферу технологий и вовлечению в хозяйственный оборот результатов научной и научно-технической деятельности и объектов промышленной собственности в Республике Беларусь.

Платформа стремится создать прозрачный и доступный механизм для поиска партнеров и заключения сделок по передаче технологий, минимизируя информационные барьеры и транзакционные издержки между правообладателями (научными институтами, государственными предприятиями, частными компаниями, изобретателями) и потенциальными пользователями или инвесторами. Конечная цель – стимулирование инновационного развития белорусской экономики, повышение доли высокотехнологичной продукции и преобразование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в реальный, генерирующий доход экономический актив (7).

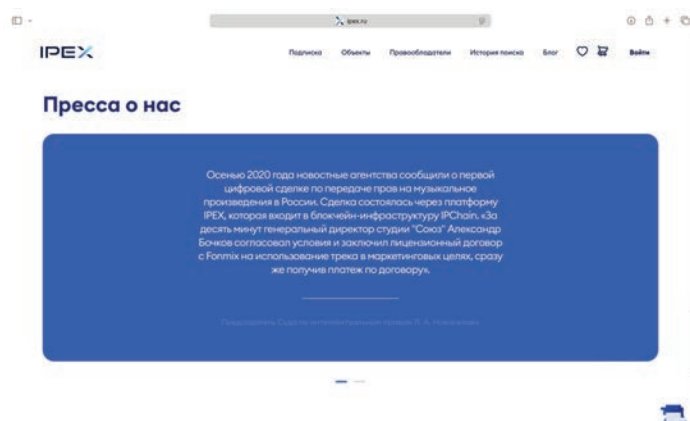
Юрисдикция: Республика Беларусь. На бирже также могут быть представлены евразийские патенты, но основная юрисдикция и правовое поле функционирования – Республика Беларусь (7).

7. IPEX (Intellectual Property Exchange)

Сайт: <https://ipex.ru>

Об бирже:

Платформа IPEX – это профессиональная цифровая платформа для проведения транзакций любой сложности с объектами интеллектуальной собственности, функционирующая в составе инфраструктуры IPChain (сеть РЦИС.РФ). Платформа была представлена как первая в мире биржа интеллектуальной собственности в 2018 году и стала ключевым элементом российской экосистемы управления интеллектуальной собственностью.

Ключевая особенность и отличие IPEX от других площадок заключается в полной автоматизации процесса сделок с использованием блокчейн-технологий. Платформа позволяет правообладателю и покупателю напрямую взаимодействовать в цифровом пространстве без традиционных посредников, при этом все этапы – от размещения объекта до заключения договора – происходят в электронной форме.

IPEX обеспечивает надежное депонирование объектов интеллектуальной собственности с фиксацией авторства и времени создания. Использование технологии распределенного реестра гарантирует неизменность и прозрачность данных обо всех операциях.

Важной особенностью является интеграция биржи с первой в России цифровой краудинвестинговой платформой CO-FI. Такое сотрудничество позволяет инвесторам и банкам передавать средства на реализацию творческих или высокотехнологических проектов, используя долю в будущем продукте или сам творческий продукт в качестве обеспечения. Взаимодействуя с Ассоциацией IPChain, платформа CO-FI обеспечивает максимальную прозрачность и верификацию информации обо всех сделках с объектами интеллектуальной собственности (8).

Миссия:

Миссия IPEX заключается в монетизации творческих и изобретательских усилий авторов и правообладателей путем создания эффективного, безопасного и прозрачного цифрового рынка для интеллектуальных активов. Платформа стремится предоставить авторам и бизнесу инструменты для быстрой и беспроблемной реализации прав на доступные продукты, помогая им находить покупателей и заключать выгодные контракты в максимально упрощенном виде. Способствуя развитию цифровой экономики и инноваций, IPEX нацелена на формирование цивилизованного, прозрачного и высокотехнологичного рынка интеллектуальной собственности (8).

Юрисдикция: Россия.

Хотя юридическое поле деятельности платформы привязано к российским законам и интегрировано с государственными органами (Роспатент, Суд по интеллектуальным правам), площадка нацелена на международное сотрудничество: подписаны меморандумы о взаимодействии с партнерами из других стран, что свидетельствует о масштабировании технологий и распространении деятельности на мировой рынок (8).

Список использованных источников:

1. Официальный сайт Intellectual Property International Exchange of Hainan [Электронный ресурс] <https://www.ipeh.com.cn>
2. Шу Ц., Волков А. Т. Риски при секьюритизации права на интеллектуальную собственность // Инновации. 2022 № 3 (281). С 56–61. DOI: 10.26310/2071-3010.2022.281.3.008.
3. Официальный сайт Creative Commons [Электронный ресурс] <https://creativecommons.org>
4. Официальный сайт Intellectual Property Exchange [Электронный ресурс] <https://www.ipxco.com>
5. Официальный сайт IPRExchange [Электронный ресурс] <https://www.iprexchange.in>
6. Официальный сайт IdeasCloud [Электронный ресурс] <http://ideascloud.biz>
7. Официальный сайт Национальной биржи интеллектуальной собственности Республики Беларусь [Электронный ресурс] <https://www.ncip.by/promyshlennaya-sobstvennost/birzha-is/>
8. Официальный сайт IPEX [Электронный ресурс] <https://ipex.ru>

GAPS IN LEGISLATION
ЗАҢНАМАДАҒЫ ОЛҚЫЛЫҚТАР
ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

**LEGAL SKETCHES FROM THE LIFE OF THEATRES: A CONVERSATION
WITH M. S. PIMENOV**

**ТЕАТРЛАР ӨМІРІНЕН ҚҰҚЫҚТЫҚ КӨРІНІСТЕР.
М.С. ПИМЕНОВПЕН ӘҢГІМЕ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ ИЗ ЖИЗНИ ТЕАТРОВ. БЕСЕДА С
М.С. ПИМЕНОВЫМ**

Журнал тілшісі Софья Андреевна Сергиенко «Театр агенті» ЖШС директорының орынбасары Михаил Сергеевич Пименовпен сұхбат өткізді. Михаил Сергеевич өз тәжірибесімен бөлісіп, театр өнері саласында шығармашылық нәтижелерді жасау мен ерекше құқықтарды пайдалану кезінде туындайтын құқықтық қатынастарды жетілдіру бойынша заңнаманы дамыту мәселелеріне қатысты өз көзқарасын білдірді.

С.А.: Құрметті Михаил Сергеевич, сәлеметсіз бе! Біз Алматы қаласындамыз, бүгін авторлық және сабақтас құқықтар жөніндегі жетінші халықаралық конференция өтіп жатыр, оның тұрақты қатысушысы болып табыласыз. Сізге шын жүректен алғыс білдіреміз!

М.С.: Сәлеметсіз бе! Бұл конференцияға жыл сайын әртүрлі елдерден әріптестер келеді. Мұндай беделді сарапшылар қауымдастығының мүшесі болу – үлкен қуаныш.

С.А.: Михаил Сергеевич, цифрландыру мен онлайн-трансляциялар дәуірінде театр агентінің рөлі қалай өзгерді деп ойлайсыз?

М.С.: Өзгерді, бірақ түбегейлі емес. Бұрын театрлар негізінен жария орындау құқығын сұрайтын, ал қазір жиі кеңейтілген құқықтар – мысалы, спектакльді түсіру, оны сайтта немесе әлеуметтік желілерде жариялау құқығы сұралады. Театрлар әдетте техникалық түсірілім жасайды – бас репетицияны немесе премьераны түсіреді. Бұл қойылымның эталондық нұсқасын бекіту үшін қажет. Алайда, спектакльдің гастрольдік кезеңінде бейнежазбаны тек техникалық мақсатта ғана емес, басқа жағдайларда да пайдалану қажеттілігі туындайды. Көптеген фестивальдер театрдан спектакльдің бейне нұсқасын жіберуді сұрайды. Егер театр алдын ала кеңейтілген құқық алса, біз авторлар мен құқық иелерінен рұқсат алып, барлық шарттарды келісеміз. Егер құқықтарды кеңейту кейін сұралса, біз қайтадан авторлармен келісіп, қосымша лицензия жасаймыз.

С.А.: Кәсіби қызмет барысында қандай жиі кездесетін авторлық құқық бұзушылықтарға тап боласыз?

М.С.: Ең жиі кездесетіні – келісімшартсыз пайдалану. Бұл, әсіресе, жаңа жыл мерекелері кезінде артады. Көптеген жеке антрепренерлер жаңа жылдық қойылымдарда авторлық құқықтарды бұзады. Мысалы, «Бремен музыканттары» спектаклін қою кезінде олар шығарманың негізі ретінде бауырлар Гриммнің ертегілерін атайды, бірақ шын мәнінде мультфильм кейіпкерлері мен әндерін пайдаланады. Ал бұл – Юрий Энтин, Геннадий Гладков және Василий Ливановтың құқықтарын бұзу болып табылады.

С.А.: Қазіргі театрлар құқықтық реттеу ерекшеліктерін жеткілікті деңгейде біледі деп ойлайсыз ба?

М.С.: Мемлекеттік (репертуарлық) театрларда мұндай мәселелер сирек кездеседі. Олар дәстүрлі түрде құқық иелерімен келісімді қатынастар орнатқан. Тіпті Үлкен театр сияқты мекемелерде авторлық құқық саласында жоғары деңгейлі мамандар жұмыс істейді.

С.А.: Классикалық шығармалар негізінде жаңа қойылым жасауда шабыт пен плагиаттың арасы қай жерде деп ойлайсыз?

М.С.: Егер құқық тұрғысынан қарасақ, плагиат шабытпен қатар жүруі мүмкін. Мысалы, жаңа туынды жасаған автор бастапқы шығарманың негізінде жұмыс істесе, бірақ рұқсат алмаса, бұл – құқық бұзушылық. Мәселен, «Бақшасарай бұрқағы» балеті. Кейбір театрлар өз нұсқаларын «жаңа» деп атайды, бірақ оларда Захаров пен Волков енгізген Нурали сияқты кейіпкерлер бар, ал ол А.С. Пушкиннің поэмасында жоқ. Сол сияқты «Мың бір түн» балетінде де финалдық сахнада Шахерезада өз кейіпкерлерінің ортасында билейді – бұл да түпнұсқада болмаған көрініс. Мұндай ұқсастықтар туындының түпнұсқалығына күмән тудырады.

С.А.: Онлайн платформалар мен стриминг қызметтерінің дамуы авторлардың құқықтарын қорғауға кедергі келтіре ме?

М.С.: Жалпы, интернетке түскен кез келген материал осал болады. Егер сіз интернетке бірдеңе жарияласаңыз – өз құқықтарыңызды қорғауға дайын болыңыз.

С.А.: Онлайн спектакльдердің халықаралық көрсетілімдерінде қандай мәселелер туындайды?

М.С.: Мұнда көбіне музыкалық сүйемелдеу мәселесі бар. Мысалы, спектакльде тірі музыка немесе фонограмма қолданылады. Ресейде музыкалық шығармаларды пайдалану құқығын РАО береді, ал фонограммалар үшін сыйақыны ВОИС жинайды. Бірақ олардың өкілеттігі Ресей аумағымен шектеледі. Егер трансляция АҚШ-та қолжетімді болса, шетелдік компания өз музыкасының рұқсатсыз пайдаланылғанын айтып, шағымдануы мүмкін. Сондықтан спектакльді жазып, интернетке жариялау кезінде барлық құқық иелерінен жазбаны пайдалану мен жариялауға рұқсат алу қажет.

С.А.: Әр актер театрмен келісімшарт жасасқанда нені білуі керек?

М.С.: Міндетті түрде келісімшартты мұқият оқу қажет. Өнер адамдары жиі оқымай қол қояды. Ал алданып қалмаудың ең жақсы жолы – неге қол қойып жатқаныңды білу.

С.А.: Жасанды интеллект көмегімен жасалған актерлер мен қойылымдар пайда болуы мүмкін бе?

М.С.: Иә, мұндай мысалдар бар. Бірақ жасанды интеллект тек өз базасындағы деректерден оңтайлы шешім шығара алады. Мысалы, қайтыс болған актердің бейнесін қолдану кезінде оның мұрагерлерінің құқықтарын бұзу қаупі бар. Мысалы, Брюс Лидің мұрагерлері өз құқықтарын қорғап, сотта жеңіп шыққан. Сценографияға келсек, сахна кеңістігін, атмосфераны жасанды интеллект толық жасай алмайды. Ол тек сурет ұсына алады, бірақ кеңістікті адам қиялы арқылы жасау қажет.

С.А.: Алдағы 10 жылда театр саласындағы құқықтық жүйені қалай елестетесіз?

М.С.: Біріншіден, жасанды интеллект көмегімен жасалған нәтижелердің құқықтық мәртебесін нақтылау қажет. Екіншіден, спектакльге құқықтық мәртебе беру керек. Қазір спектакль бірнеше шығарманың жиынтығы ретінде қаралады, сондықтан оны толық лицензиялау немесе сату қиын. Театрлар мен продюсерлер спектакльге бірыңғай құқық ретінде иелік ете алмайды, өйткені әрбір бөлігі (пьеса, музыка, сценография) әртүрлі құқық иелеріне тиесілі. Бұл мәселені шешу үшін заңдық тұрғыдан бірыңғай анықтама қажет.

С.А.: «Шығармашылық» ұғымын заңда анықтау қажет деп ойлайсыз ба?

М.С.: Бұл өте күрделі мәселе. «Шығармашылық» деген не екенін түсіну үшін алдымен адамның миы өнер туындысын қалай жасайтынын зерттеу қажет. Шығармашылық нәтижесі әуелі адамның ойында пайда болады, кейін ол материалдық нысанға айналады. Алайда бұл процесті заң тілінде нақты сипаттау өте қиын. Бұл тақырыпта ғылыми жұмыстар жазуға болады, бірақ оны заңдық анықтама ретінде бекіту оңай емес.

С.А.: Михаил Сергеевич, мазмұнды әрі қызықты сұхбат үшін үлкен рақмет!

М.С.: Сізге де рақмет, менің тәжірибеме қызығушылық танытқаныңыз үшін!

Корреспондент Журнала Сергиенко Софья Андреевна побеседовала с заместителем директора ООО «Театральный агент» Пименовым Михаилом Сергеевичем. Михаил Сергеевич рассказал о своем практическом опыте работы, поделился своим видением усовершенствования законодательства в области правового регулирования отношений по созданию творческих результатов в сфере театрального искусства и использования исключительного права.

С.А.: Уважаемый Михаил Сергеевич, здравствуйте! Мы находимся в городе Алматы, сегодня проходит Седьмая Международная Конференция по авторскому праву и смежным правам, постоянным участником которой Вы являетесь...

М.С.: Здравствуйте! Ежегодно на Конференцию прилетают коллеги со всего мира. Приятно быть частью такого авторитетного экспертного сообщества.

С.А.: Михаил Сергеевич, как изменилась роль «Театрального агента» в эпоху цифровизации и онлайн-трансляции спектаклей?

М.С.: Незначительно. Помимо того, что театры-пользователи запрашивают право на публичное исполнение, нередко встречаются запросы с расширенным объемом прав (право на съемку спектакля, на доведение до всеобщего сведения, для размещения на сайте, в соцсетях). Театры практически всегда осуществляют техническую съемку: либо съемку генеральной репетиции, либо премьерного показа спектакля. Такая съемка необходима театрам для фиксации «эталонного варианта» исполнения постановки, на который потом при необходимости театр может опираться в будущем при прокате спектакля. Однако в процессе проката спектакля у театра может возникнуть необходимость использования записи не только в технических целях. Например, многие театральные фестивали сейчас просят, чтобы театр прислал видеOVERSIYU спектакля с достаточно широкими полномочиями по использованию такой записи. Если театр сразу запрашивает расширенные полномочия, мы транслируем запрос театра авторам и правообладателям и согласовываем с ними все существенные условия такого использования. Если расширение прав запрашивается позднее, когда театр сталкивается с необходимостью что-то снять, куда-то отправить, театр пишет соответствующие запросы, и наша организация отдельно эти права лицензирует при наличии согласия правообладателей, интересы которых представляет ООО «Театральный агент».

С.А.: С какими самыми частыми нарушениями авторских прав Вы сталкиваетесь при осуществлении профессиональной деятельности?

М.С.: С бездоговорным использованием. Количество подобных нарушений в разы увеличивается в период новогодних праздников, когда по всей стране, на всех площадках идут новогодние представления. Дело в том, что для публичного исполнения со сцены литературное произведение должно быть адаптировано. Как правило, создается инсценировка. Представим себе ситуацию: частный антрепренер делает новогодний спектакль «Бременские музыканты» и заявляет, что инсценировка для такого спектакля создана на основе сказок братьев Grimm. При этом в постановке присутствуют такие герои, как Трубадур и Принцесса, которых у братьев Grimm нет. Зато такие герои есть в известном мультфильме. А когда еще и в качестве сборной музыки заявлены песни из того же мультфильма, сам по себе напрашивается вывод о недобросовестном использовании антрепренерами исключительного права на произведения Юрия Энтина, Геннадия Гладкова и Василия Ливанова.

С.А.: Михаил Сергеевич, считаете ли Вы, что современные театры достаточно осведомлены об

особенностях правового регулирования отношений по созданию и постановке спектаклей?

М.С.: У государственных (репертуарных) театров проблемы могут возникать если только в каких-то очень специфических вещах, например, специальные сроки охраны произведения. В целом, театры имеют, я бы сказал, традицию надлежащего урегулирования взаимоотношений с правообладателями, ведь авторское право возникло не вчера.

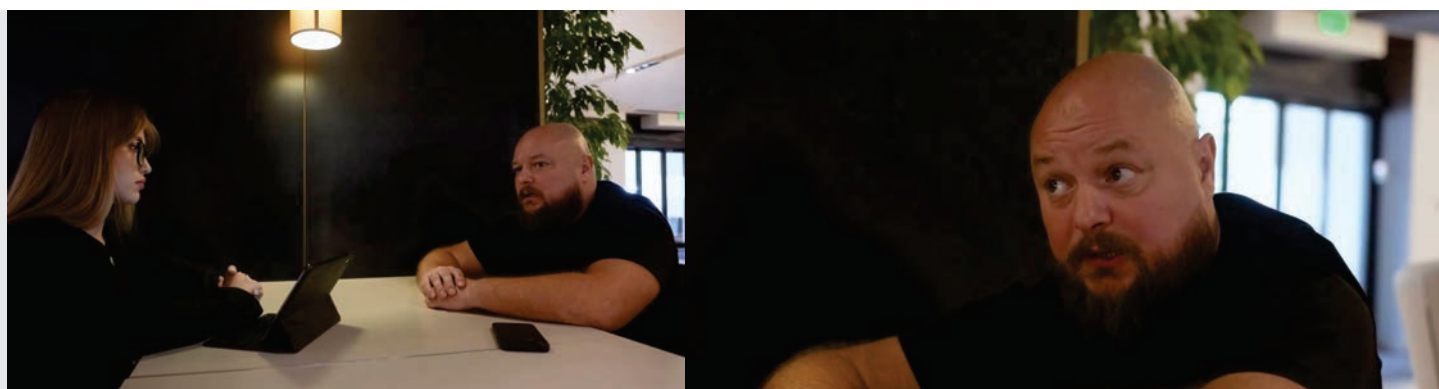
Сотрудники театров обладают всеми необходимыми знаниями и компетенциями. Более того, такие театры, как Большой театр, имеют в штате специалистов в сфере авторского права высочайшего класса.

С.А.: По вашему мнению, где проходит грань между вдохновением и плагиатом при создании новых спектаклей с опорой на классические произведения?

М.С.: Грань очень тонкая. Плагиат и вдохновение порой идут рука об руку. Ведь при создании производного произведения автор тоже занимается творческой деятельностью. Другой вопрос: делает это автор производного произведения с нарушением прав авторов первоначального творческого результата или без такового? В случае неправомерной переработки можно говорить о нарушении законодательства, а значит о неправомерном использовании.

Мы сталкиваемся с этим, когда речь идет о постановках по мотивам классических произведений. Например, знаменитый балет «Бахчисарайский фонтан» (постановка хореографа Ростислава Захарова, либретто Николая Волкова). Литературной основой балета послужила одноименная поэма А.С. Пушкина. Балет очень популярен, однако некоторые театры при постановке заявляют, что хореография и либретто новые, оригинальные, ссылаясь на то, что каждый может вдохновиться Пушкиным и создать свое. Ведь никто не обязан использовать произведения Захарова и Волкова. Любой имеет право на свободу творчества. Только когда мы начинаем разбираться, оказывается, что театры лукавят. В их постановке появляется такой герой, как Нурали. Нурали – это специфический герой в этом балете, в поэме А.С. Пушкина его нет. Нурали впервые появляется в постановке, созданной Р. Захаровым на либретто Н. Волкова.

Второй пример – балет «Тысяча и одна ночь». Там особое значение имеет финал. Когда я общался с соавтором либретто и автором хореографии – Наилей Назировой, она очень подробно рассказывала мне историю создания балета и смыслы, которые закладывались при его создании. Одна из главных идей заключалась в том, что в конце звучит музыка, отсылающая нас к началу, и вокруг этого закручен сюжет.

По большому счету, поскольку музыка одна и та же, как мне представляется, сложно отойти и от сюжета, и от хореографии. В первоначальной версии балета, премьеры которого состоялась на сцене Азербайджанского академического театра оперы и балета в 1979 году, есть сцена, где в конце Шахерезада танцует в окружении героев своих сказок. Этой сцены нет в литературной основе – произведении «Тысяча и одна ночь». Опять возникают вопросы о «сходности воображения». Вдохновляясь классикой, авторы, как представляется, должны предлагать ее оригинальное творческое видение. Иначе, несмотря на то что отсутствие оригинальности само по себе не говорит о плагиате, копирование творческих элементов из произведений других авторов вызывает множество вопросов.

С.А.: Как Вы считаете, популярность онлайн-платформ и стриминговых сервисов театрального контента негативным образом сказывается на авторах и делают ли их более уязвимыми в части защиты авторских и смежных прав?

М.С.: Глобально, все, что попадает в Интернет, делается уязвимым. Если вы разместили что-то в Интернете, будьте готовы отстаивать свои права.

С.А.: Какие проблемы возникают при международном показе онлайн-спектаклей?

М.С.: В спектакле очень часто есть так называемая сопровождающая музыка. Например, когда речь идет о драматическом спектакле, режиссер-постановщик может включить в постановку «живое исполнение» каких-то обнародованных музыкальных композиций либо их фонограмму.

Особенность российского законодательства заключается в том, что если это сборная музыка, то право на использование музыкальных произведений предоставляет РАО в рамках государственной аккредитации (расширенное коллективное представительство), а вознаграждение за использование фонограмм собирает ВОИС.

Проблема заключается в том, что полномочия по государственной аккредитации РАО ограничены территорией Российской Федерации и определенными способами использования. Если мы включаем трансляцию спектакля, и она доступна, например, на территории Соединенных Штатов Америки, любая продюсерская компания, которая увидит свою музыкальную композицию, может возмутиться такому использованию.

Еще одна большая проблема – запись спектакля, размещение этой записи в Интернете и трансграничное использование записей.

РАО может, если это прямая трансляция, в силу своих полномочий собирать вознаграждение за подобное использование. В свое время разрабатывали соответствующие ставки для РАО для сбора вознаграждений за прямые трансляции.

Но если мы говорим о записи спектакля и последующем размещении этой записи в Интернете, лицензирование и сбор вознаграждения за подобные виды использования не входят в государственную аккредитацию, и мы опять сталкиваемся с тем, что права на запись спектакля, который содержит сопровождающую музыку, могут быть очищены с обязательным получением согласия правообладателей на воспроизведение такой музыки и доведение ее до всеобщего сведения. Не получение такого согласия –

риски театра, вне зависимости от того, что ранее он получил лицензию от РАО на публичное исполнение сборной музыки.

С.А.: По Вашему мнению, что должен знать каждый актер о договоре с театром при записи или онлайн-показе спектакля?

М.С.: Точно стоит порекомендовать внимательно читать договор. Договоры вообще творческие люди читают крайне редко. Чтобы не быть обманутым – читайте, что подписываете.

С.А.: Насколько вероятно появление цифровых актеров или постановок, созданных искусственным интеллектом?

М.С.: Известны попытки, когда анонсировалось, что музыкальное оформление спектакля создано с помощью искусственного интеллекта. Давайте порассуждаем. Искусственный интеллект создает оптимальную, по его мнению, генерацию из того, что у него есть в базе данных. В этом смысле можно долго спорить над тем, как композитор создает музыку. Но пока мы не изучили человеческий мозг до конца, говорить и сравнивать эти процессы, как мне кажется, неверно. Если говорить об этой проблеме в срезе правоприменительной практики, то предположим, создается театральная постановка. На экране умерший актер, исполняющий определенную роль. Какие тут могут возникнуть проблемы?

Замечательный пример – судебный спор, когда наследники Брюса Ли отстаивали свое право на запрет использования созданного актером на экране образа. В фильме «Остров дракона», если я не ошибаюсь. Есть известный стоп-кадр, где он в желтом спортивном костюме стоит. Давайте поразмышляем, кем создан этот легендарный образ? Актером, художником, сценаристом, режиссером? Ведь актер лишь воплощает идею в жизнь. Перед использованием статического или динамического отображения актера в этом образе нужно ответить на обозначенные вопросы. Логика мне подсказывает, что нужно обращаться за разрешением не только к наследникам актера.

По второму аспекту. Что касается, например, сценографии. Кстати, если Вы зайдете на сайт Российской Академии Художеств, на нем можно найти определение сценографии.

Если простыми словами, сценография – это пространство, созданное художником, в котором происходит некое действие, существуют и взаимодействуют герои. Надеюсь, читатели видели «вживую» или по телевидению спектакль «Юнона и Авось» и помнят декорации театра Ленком, созданные художником-постановщиком Олегом Шейнцисем.

Зритель смотрит спектакль и оказывается то на корабле, который в открытом море, а зритель – участник экспедиции. Затем все оказываются на балу. Все эти декорации создают невероятную атмосферу. Сможет ли подобное создать искусственный интеллект?

На сегодняшней стадии развития искусственного интеллекта технология сможет предложить какое-то оптимальное решение для того, чтобы как-то показать ответ на запрос «морское путешествие». Искусственный интеллект может создать картинку, но создать пространство – сомневаюсь. Для этого все равно понадобится человек с его воображением, творческим видением.

С.А.: Как Вы видите идеальную систему правового регулирования театральной индустрии через 10 лет?

М.С.: Первое. Надеюсь, что через десять лет мы наконец-то определимся с правовым статусом результатов, созданных с помощью технологий искусственного интеллекта.

Второе. Что касается театральной сферы, необходимо детальней проработать правовое регулирование прав на спектакль как сложный объект. Если на спектакль существуют какие-то права, то надо определить, что это за права, природу их возникновения, и из этого сделать вывод о способе оборота этих прав в коммерческой деятельности.

На мой взгляд, индустрия в этом очень нуждается. Частные антрепренеры, да и государственные театры пытаются покупать и продавать, получать и предоставлять исключительное право на спектакль. А юридически это сделать не очень получается, поскольку названное в судебной практике право на спектакль основано на праве использования различных произведений, вытекающем из разных сделок, заключенных с разными правообладателями и на разных условиях. Одни права, на сценографию, например, принадлежат антрепренеру, и он ими может распоряжаться, а другие, например, на пьесу, получены антрепренером на основании простой (неисключительной) лицензии, с ограничением по сроку и территории, да еще и без права выдавать sublicензии. И как в такой ситуации передать права на весь спектакль? Мне представляется это большой проблемой. Необходимо договориться о том, есть ли оно – единое право на спектакль – и какое оно, или такого права нет, а есть право пользования отдельными произведениями и специальный режим их совместного использования при публичном исполнении постановки спектакля.

С.А.: Как Вы считаете, нужно ли законодательно определить, что такое творчество?

М.С.: Нормотворчество – штука крайне сложная. Мне кажется, для формулирования определения «творчество» в законе нужно будет сначала понять и договориться о том, как человеческий мозг создает творческие результаты. Изначально результат творческого труда – это объект идеальный. Он возникает в воображении творца. И только когда автор отображает этот идеальный объект в материальном виде, произведение становится охраноспособным.

Считаю, что для того, чтобы сформулировать определение творчества, нужно словами описать механизм работы человеческого воображения. Насколько это возможно? Об этом можно писать диссертации, рассуждать, теоретизировать. Но сформулировать на бумаге так, чтобы учесть все нюансы, крайне сложно.

С.А.: Михаил Сергеевич, спасибо Вам большое за такую содержательную беседу!

М.С.: Спасибо Вам большое за проявленный интерес к моей скромной персоне!

EXPERT COMMENTS

САРАПШЫЛАРДЫҢ ПІКІРЛЕРІ

КОММЕНТАРИИ ЭКСПЕРТОВ

EXPERT COMMENTARY FROM MR. KOICHI MAKIGAMI VICE-CHAIRMAN, INTERNATIONAL COMMITTEE OF THE CENTER FOR PERFORMERS' RIGHTS ADMINISTRATION (CPRA, TOKYO, JAPAN)

Center for Performers' Rights Administration (CPRA) Initiatives for Integrating Digital Innovation into Collective Management of Copyright and Related Rights

K.M.: We are modernizing our operations by digitalizing royalty data and introducing online application systems for analytical tasks. We also carry out public awareness programs to highlight performers' contributions in the digital era.

Our work is guided by two overarching principles – innovation combined with fairness and transparency. Transparency is crucial. Our Center is continuously improving transparency procedures. Right holders must clearly understand where their remuneration comes from and in what amounts.

Distinctive Features of the Japanese Collective Management System Compared with European and U.S. Models

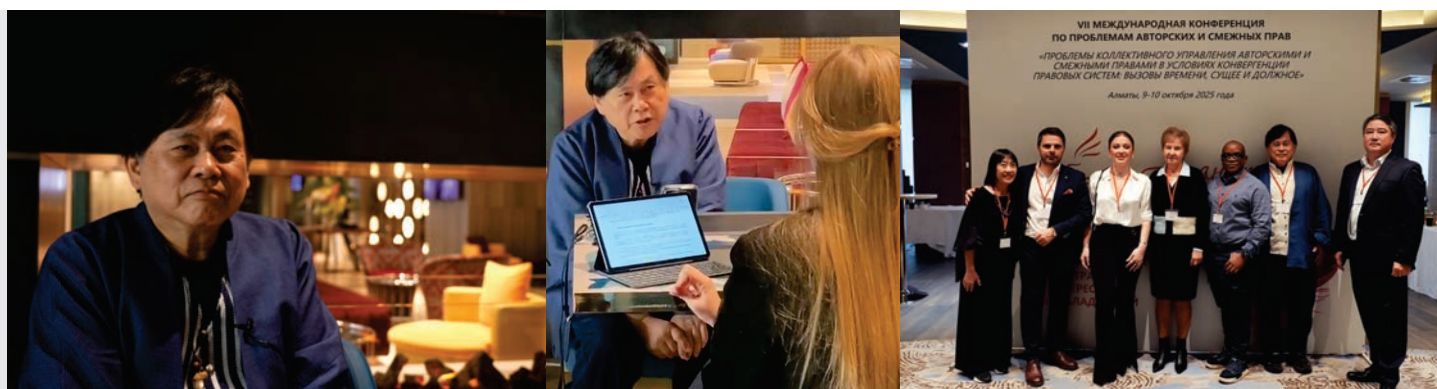
K.M.: Japan's collective management system is unique. It reflects a deeply integrated cultural policy that combines legal regulation with ethical values. Whereas the U.S. emphasizes individual contractual arrangements and the EU relies heavily on directives, Japan unites legal authority and cultural ethics.

For example, the concept of "Wa no Chiteki Zaisan" – Harmony of Intellectual Property – embodies the idea that protecting rights is inseparable from Japan's traditional notions of social duty (giri) and human compassion (ninjo).

Background information:

The Japanese collective management model is based on governmental accreditation. The principal organizations – JASRAC, NexTone, RIAJ and CPRA – operate under licenses granted by Japan Copyright Office (JCO) of Agency for Cultural Affairs, ensuring a high level of state supervision and public trust.

Unlike in the U.S. and Europe, where organizations such as ASCAP and SESAC operate under private licenses

without governmental oversight, Japanese societies are required to report annually to JCO and to publish detailed accounts of their distributions.

Risks of Cross-Border Use of Japanese Performers' Works on the Internet

K.M.: Cross-border use of Japanese performances remains a challenge. Copyright and related-rights protection differs from country to country, and the same performance may not enjoy equal protection abroad. Digital copies can circulate globally without the performer's knowledge or consent.

To address this, we need to strengthen international treaties, harmonize recognition systems, promote data-sharing frameworks, and expand cooperation with partner societies worldwide. Only through collaboration can performers' rights truly be safeguarded globally.

Background information:

The problem lies in the uneven protection of Japanese performers overseas, because the Japanese government maintains its reservation on Article 15 of the WIPO Performances and Phonograms Treaty (WPPT) and performers cannot enjoy the right of public performance.

However, on the other hand, CPRA has established a network of reciprocal agreements with 56 CMOs in 44 countries. These partnerships enable the exchange of performance and remuneration data using standardized identifiers operated by SCAPR, such as the IPN (International Performer Number) and VRDB2 ID (Virtual Recordings Database 2 ID).

Shaping a New "Digital Ethics" in the sphere of Using of Performers' Creative Works

K.M.: Law alone cannot anticipate every situation. Ethical standards are essential. Using AI or deep-fake technologies without consent violates not only legal rights but also personal respect for artists. We must move toward a global Digital Ethics Charter that complements legal protection with shared moral principles.

Background information:

Supported by the government, Japan is developing the concept of Digital Ethics for Creative AI. In the creative sector, the key principles are respect for authorship, algorithmic transparency, and the inadmissibility of deep-fake manipulation.

ОРЫНДАУШЫЛАРДЫҢ ҚҰҚЫҚТАРЫН БАСҚАРУ ОРТАЛЫҒЫ (CPRA, ТОКИО, ЖАПОНИЯ) ХАЛЫҚАРАЛЫҚ КОМИТЕТІНІҢ ТӨРАҒА ОРЫНБАСАРЫ КОИЧИ МАКИГАМИ (KOICHI MAKIGAMI) МЫРЗАНЫҢ САРАПТАМАЛЫҚ ПІКІРІ.

Орындаушылардың құқықтарын басқару орталығының (CPRA) авторлық және сабақтас құқықтарды ұжымдық басқаруға цифрлық инновацияларды енгізу жөніндегі бастамалары.

K.M.: Біз өз қызметімізді жаңғырту аясында авторлық және сабақтас құқықтарға қатысты сыйақылар туралы ақпаратты цифрлық форматқа көшіруді жүзеге асырып, сонымен қатар аналитикалық есептерді жүргізуге мүмкіндік беретін онлайн өтініштер мен сервистік жүйелерді енгізудеміз. Сонымен қатар, біз

цифрлық дәуірде орындаушылардың үлесі мәселесіне қоғамның назарын аудару мақсатында қоғамдық хабардарлықты арттыру бағдарламаларын жүзеге асырудамыз.

Өз қызметімізде біз екі негізгі қағидаға сүйенеміз – инновацияларды әділдік және ашықтықпен үйлестіру. Ашықтық шешуші маңызға ие. Біздің Орталық ашықтықты қамтамасыз етуге бағытталған рәсімдерді үздіксіз жетілдіріп отырады. Құқық иелері өз сыйақыларының қайдан және қандай көлемде алынатынын нақты білуі тиіс.

Еуропалық және америкалық үлгілермен салыстырғанда Жапонияның ұжымдық басқару жүйесінің ерекшеліктері.

К.М.: Жапондық ұжымдық басқару жүйесі бірегей болып табылады. Ол құқықтық реттеуді этикалық құндылықтармен үйлестіретін терең біріктірілген мәдени саясатты көрсетеді. АҚШ-та басымдық жеке келісімшарттық қатынастарға беріледі, ал ЕО негізінен директиваларға сүйенсе, Жапонияда құқықтық өкілеттіліктер мен мәдени этиканы үйлестіру қағидаты басым болып табылады.

Мысалы, «Wa no Chiteki Zaisan» – интеллектуалдық меншік құқығының үйлесімділігі концепциясы құқықтарды қорғау дәстүрлі жапондық әлеуметтік борыш (гири) және адамгершілік мейірімділік (ниндзё) қағидаларынан бөлінбейтінін көрсетеді.

Анықтамалық мәлімет:

Жапондық ұжымдық басқару моделі мемлекеттік аккредитацияға негізделген. Негізгі ұйымдар – Жапондық авторлар, композиторлар және баспагерлер құқықтарын қорғау қоғамы (JASRAC), NexTone Inc. холдингтік компаниясы, Жапондық дыбыс жазу компаниялары қауымдастығы (RIAJ) және CPRA – Жапония Мәдениет агенттігіне қарасты Жапония авторлық құқық бюросы (JCO) берген лицензиялар негізінде жұмыс істейді, бұл мемлекеттік қадағалаудың және қоғамдық сенімнің жоғары деңгейін қамтамасыз етеді.

АҚШ пен Еуропадан айырмашылығы, мұнда Американдық композиторлар авторлық құқықтарын қорғау қоғамы (ASCAP) және Еуропалық әншілер, актерлер және композиторлар қоғамы (SESAC) сияқты ұйымдар жеке лицензиялар негізінде, мемлекеттік қадағалаусыз қызмет етсе, жапондық қоғамдар жыл сайын JCO алдында есеп беруге міндетті болып, өздерінен бөлінетін төлемдер туралы толық есептерді жариялауы қажет.

Жапондық орындаушылардың шығармаларын интернет-ресурстарда трансшекаралық пайдалану қаупі.

К.М.: Жапондық орындаушылардың шығармаларын трансшекаралық пайдалану әлі де күрделі мәселе болып отыр. Әр елде авторлық және сабақтас құқықтарды қорғау механизмдері мен рәсімдері әртүрлі болып табылады, сондықтан бір шығарманың шетелде бірдей деңгейде қорғалуы қамтамасыз етілмеуі мүмкін. Шығарманың цифрлық көшірмелері орындаушының келісімінсіз немесе рұқсатынсыз бүкіл әлемге таралуы мүмкін.

Осы мәселені шешу мақсатында халықаралық келісімшарттық қатынастарды нығайту, мойындау жүйелерін біріздендіру, деректер алмасу механизмдерін дамыту және әлемдік серіктес қоғамдармен ынтымақтастықты кеңейту бағытында шаралар қабылдау қажет. Орындаушылардың құқықтарын әлемдік деңгейде толыққанды қорғау тек серіктестік және бірлескен іс-қимыл арқылы қамтамасыз

етілуі мүмкін.

Анықтамалық мәлімет:

Мәселе жапондық орындаушылардың шетелде тең дәрежеде қорғалмауында көрініс табады, себебі Жапония үкіметі Орындаулар мен фонограммаларға қатысты Дүниежүзілік зияткерлік меншік ұйымының келісімінің (WPPT) 15-бабын басшылыққа алады, бұл орындаушыларға қоғамдық орындау құқығын жүзеге асыру мүмкіндігін шектейді.

Алайда, екінші жағынан, CPRA 44 мемлекеттегі 56 ұжымдық басқару ұйымымен (авторлық және сабақтас құқықтар) өзара тиімділік қағидатына негізделген келісімдер желісін құру арқылы ынтымақтастықты қамтамасыз етті. Осы келісімдер негізінде құрылған серіктестіктер орындаулар мен сыйақыларға қатысты ақпаратты стандартталған идентификаторлар арқылы алмасуды қамтамасыз етеді. Аталған идентификаторларды орындаушылардың құқықтарын басқару қоғамдарының кеңесі (SCAPR) басқарады, соның ішінде IPN (International Performer Number – халықаралық орындаушы нөмірі) және VRDB2 ID (Virtual Recordings Database 2 ID – Виртуалды жазбалар дерекқоры 2 идентификаторы) бар.

Орындаушылардың шығармаларын пайдалану саласында жаңа «цифрлық этика» қалыптастыру.

К.М.: Барлық ықтимал жағдайды тек бір ғана заңнама арқылы реттеу мүмкін емес. Осыған байланысты белгілі бір этикалық нормаларды белгілеу қажеттілігі туындайды. Авторлардың келісімінсіз ЖИ немесе дипфейк технологияларын қолдану заңды құқықтарды бұзумен қатар, орындаушылардың тұлғалық қадір-қасиетіне деген құрметтің болмауын білдіреді. Осыған байланысты құқықтық қорғау шараларын жалпы моральдық қағидалармен толықтыратын жаһандық Цифрлық этика хартиясын қалыптастыруға бағытталған әрекеттерді жүзеге асыру қажеттілігі туындайды.

Анықтамалық мәлімет:

Жапония үкіметінің қолдауымен шығармашылық салаларда ЖИ қолдануға арналған цифрлық этика тұжырымдамасы әзірленіп жатыр. Шығармашылық секторда негізгі қағидаттар ретінде авторлық құқыққа құрмет көрсету, алгоритмдердің ашықтығын қамтамасыз ету және дипфейк технологиялары арқылы манипуляцияға жол бермеу белгіленген.

КОММЕНТАРИЙ ЭКСПЕРТА Г-НА КОИТИ МАКИГАМИ (КОИЧИ МАКИГАМИ), ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА ЦЕНТРА ПО УПРАВЛЕНИЮ ПРАВАМИ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ (CPRA, Г. ТОКИО, ЯПОНИЯ)

Инициативы, реализуемые Центром по управлению правами исполнителей для интеграции цифровых инноваций в процесс коллективного управления авторскими и смежными правами

К.М.: Мы модернизируем нашу деятельность, оцифровывая данные об авторских вознаграждениях и внедряя систему онлайн-приложений для выполнения аналитических задач. Проводим программы

повышения правовой осведомленности, чтобы привлечь внимание общественности к важности роли исполнителей в цифровую эпоху.

В своей работе мы руководствуемся двумя основными принципами – инновации в сочетании со справедливостью и прозрачностью. Прозрачность имеет решающее значение. Наш Центр постоянно совершенствует процедуры по обеспечению прозрачности. Правообладатели должны четко понимать, откуда и в каком размере поступает их вознаграждение.

Отличительные черты японской системы коллективного управления в сравнении с европейской и американской моделями

К.М.: Японская система коллективного управления уникальна. Она отражает глубоко интегрированную культурную политику, сочетающую правовое регулирование с этическими ценностями. В то время как в США упор делается на индивидуальные договорные отношения, а ЕС в значительной степени полагается на директивы, Япония объединяет юридические полномочия и культурную этику.

Например, концепция «Wa no Chiteki Zaisan» – гармония интеллектуальной собственности, воплощающая идею о том, что защита прав неотделима от традиционных японских представлений о социальной обязанности / долге (гири) и человеческом сострадании (ниндзё).

Справочная информация:

Японская модель коллективного управления основана на государственной аккредитации. Основные организации – Японское общество по защите прав авторов, композиторов и издателей (JASRAC), холдинговая компания NexTone Inc., Японская ассоциация звукозаписывающих компаний (RIAJ) и CPRA – действуют на основании лицензий, выданных японским Бюро по охране авторских прав (JCO) при Агентстве по делам культуры, что обеспечивает высокий уровень государственного надзора и общественного доверия.

В отличие от США и Европы, где такие организации, как Американское общество по охране авторских прав композиторов (ASCAP) и Европейское общество авторов песен, актеров и композиторов (SESAC), действуют на основании частных лицензий без государственного надзора, японские общества обязаны ежегодно отчитываться перед японским Бюро по охране авторских прав (JCO) и публиковать подробные отчеты о распределяемых выплатах.

Риски трансграничного использования произведений японских исполнителей в сети Интернет

К.М.: Трансграничное использование произведений японских исполнителей остается сложной задачей. Механизмы и процедуры защиты авторских и смежных прав различаются в разных странах, и одно и то же произведение может не иметь равноценной защиты за рубежом. Цифровые копии произведения могут распространяться по всему миру без ведома или согласия исполнителя.

Чтобы решить эту проблему, необходимо укреплять международные договоры, гармонизировать системы признания прав, развивать механизмы обмена данными и расширять сотрудничество с партнёрскими обществами (ОКУПами) по всему миру. Только путем укрепления международного сотрудничества можно обеспечить эффективную защиту права исполнителей по всему миру.

Справочная информация:

Проблема заключается в неравной защите японских исполнителей за рубежом, поскольку японское Правительство придерживается оговорки к статье 15 Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам (ДИФ), и исполнители не могут пользоваться правом на публичное исполнение.

Однако, с другой стороны, CPRA создал сеть соглашений на основе взаимности с 56 организациями по коллективному управлению авторскими и смежными правами (ОКУПами) в 44 странах. Созданные на основании этих соглашений партнерства обеспечивают обмен данными об исполнениях и вознаграждениях с помощью стандартизированных идентификаторов, управляемых Советом обществ по коллективному управлению правами исполнителей (SCAPR), таких как IPN (International Performer Number – международный номер исполнителя) и VRDB2 ID (Virtual Recordings Database 2 ID – идентификатор Второй версии Виртуальной базы данных записей).

Формирование новой «цифровой этики» в сфере использования творческих результатов

К.М.: Одного закона недостаточно, сложно предвидеть все возможные ситуации. Этические стандарты имеют не меньшее значение. Использование ИИ или технологий дипфейков без согласия нарушает не только правовые нормы, но и личное достоинство артиста. Мы должны двигаться к созданию глобальной Хартии цифровой этики, которая дополнила бы правовую защиту общими моральными принципами.

Справочная информация:

При поддержке Правительства в Японии разрабатывается Концепция цифровой этики для ИИ, применяемого в творческих профессиях. В творческом секторе ключевыми принципами являются уважение к авторству, прозрачность алгоритмов и недопустимость дипфейк-манипуляций.

UPDATES

ЗАҢНАМАЛЫҚ ЖАҢАЛЫҚТАР

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

REVIEW OF AMENDMENTS TO THE INTELLECTUAL PROPERTY LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

ҚАЗАҚСТАНДА ЗИЯТКЕРЛІК МЕНШІК ТУРАЛЫ ЗАҢНАМАҒА ӨЗГЕРІСТЕР ЕНГІЗІЛДІ

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: В КАЗАХСТАНЕ ВНЕСЕНЫ ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТОО «Болотов и Партнеры»

Глава государства подписал Закон от 24 ноября 2025 года № 233- VIII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам интеллектуальной собственности», в частности были внесены изменения в Закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 года «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров».

Далее представляем вашему вниманию основные процессуальные и процедурные изменения:

1. Изменение сроков проведения экспертиз при ускоренном порядке. Предварительная экспертиза проводится в ускоренном порядке по ходатайству заявителя в течение 10 рабочих дней, срок рассмотрения в обычном порядке составляет 1 месяц. Полная экспертиза проводится в ускоренном порядке по ходатайству заявителя в течение 3 месяцев с даты подачи заявки, ранее срок составлял 4 месяца.

2. Срок подачи возражений. Увеличен срок подачи возражения против регистрации обозначения в качестве товарного знака, в данный момент срок для подачи возражений составляет 1 месяц с даты публикации заявки, после внесения изменений в закон срок увеличится до 2 месяцев.

3. Возможность приостановления делопроизводства по заявке при подаче в суд. Ранее закон предусматривал подачу ходатайства о приостановлении делопроизводства по заявке в связи с подачей возражения в апелляционный совет, теперь делопроизводство может быть приостановлено и в связи с подачей иска в суд.

4. Возможность отложения рассмотрения возражения в апелляционном совете при ходатайстве любой из сторон. Ранее закон предусматривал возможность отложения рассмотрения возражения по ходатайству исключительно от заявителя, то есть от того, кто подавал возражение. После внесения изменений ходатайствовать об отложении могут стороны, участвующие в деле.

Изменения в закон вступают в силу с 25 января 2026 г.

LEADING CASES
ҚҰҚЫҚ ҚОЛДАНУ ТАЛДАУЫ
АНАЛИТИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

CONFLICT OF LEGAL REGIMES BETWEEN DESIGN WORK AND INDUSTRIAL DESIGN: THE EXPERIENCE OF THE UNITED STATES, FRANCE, THE UNITED KINGDOM, AUSTRALIA, AND JAPAN

СЕРГИЕНКО С.А. ЖОБАЛАУ ЖӘНЕ ӨНЕРКӘСІПТІК ҮЛГІДЕГІ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕЖИМДЕРДІҢ ҚАЙШЫЛЫҚТАРЫ: АҚШ, АВСТРАЛИЯ, ҰЛЫБРИТАНИЯ, ФРАНЦИЯ ЖӘНЕ ЖАПОНИЯ ТӘЖІРИБЕСІ

КОЛЛИЗИЯ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДИЗАЙНА И ПРОМЫШЛЕННОГО ОБРАЗЦА: ОПЫТ США, ФРАНЦИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ, АВСТРАЛИИ И ЯПОНИИ

Sergienko

Sofia Andreevna

Correspondent for the Eurasian Journal of Intellectual Property Law, graduate student at the Federal State Budgetary Scientific Institution «The Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alekseev»;

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the overlap between the legal regimes of design works and industrial designs in the legal systems of the United States, France, the United Kingdom, Australia, and Japan. It examines the theoretical and practical aspects of copyright and patent protection, as well as approaches to the legal protection of design solutions. Based on the identified approaches, the analyzed legal systems are classified as cumulative, demarcative, and mixed.

Keywords: legal protection of design; design work; industrial design; the intersection of intellectual rights regimes.

Design solutions are becoming an integral part of industrial production. With economic and technical development, design has become crucial in market competition, combining functionality and aesthetics. Design is an important tool for shaping the uniqueness of companies and media personalities.

The comprehensive nature of design leads to conflicts in the intellectual property protection of design solutions. To make in-depth studies into the issue and to solve theoretical and practical problems, it is necessary to explore the mechanism of interaction and delineation of rights in several legal systems. This article provides a comparative legal analysis of the conflicts between the legal regimes for works of design and industrial designs in the USA, France, the UK, Australia, and Japan.

Depending on the specifics of the legal system and the essential characteristics of a particular object, in addition to patent law norms, copyright protection may be applied to an industrial design (cumulative approach). In other jurisdictions, the doctrine of mutual exclusion of legal regimes is applied: the choice of one of them excludes the provision of protection in another way (demarcation approach) (1). Researchers identify a third approach,

which involves the simultaneous application or, conversely, the prohibition of the simultaneous application of copyright and patent law norms upon meeting certain conditions (2).

The issue of delineating copyright and patent law is not a manifestation of modern trends. Debates on this issue were conducted by pre-revolutionary legal scholars. Ya.A. Kantorovich considered the use of a work of art in industry as a special way of reproducing a copyrighted item (3, 213–214). The master argued that the method of reproducing the same object only determines its functional purpose, and therefore cumulative protection applies to the same result of creative activity (3, 216).

The relevance of the issue of legal conflicts in design protection is due not only to the historical context but also to the specifics of modern regulatory frameworks in individual jurisdictions. The legal system of the United States of America (hereinafter — the USA) deserves special attention, characterized by a pragmatic approach to the protection of intellectual property assets.

According to Section 101 of Title 17 of the United States Code, the copyright protection does not extend to any utilitarian or functional aspects; the extension of the legal protection for works of industrial design is permitted if their form is separable from the product (4).

Judicial practice, in accordance with the above, allows for copyright protection of an element of an industrial design if it is independent (5). As noted by experts, handling a design independently of the object in which it is expressed is permissible if the object itself is a work of art but has a utilitarian purpose (6).

The US experience is distinguished by a transition from a demarcation system to a cumulative one. Before the landmark case of *Kohler Co. v. Moen Inc.*, the approach of complete separation of copyright and patent law prevailed for a long time (7).

The courts adhered to the so-called doctrine of election. A similar view was expressed in the case of *De Jonge Co. v. Breuker Kessler Co.* concerning the infringement of rights to a watercolor drawing of sprigs of holly, mistletoe, and spruce arranged in the form of an open cluster having substantially the outline of a square (8). The drawing was used as wallpaper, which did not satisfy the author. The Supreme Court of the United States concluded that simultaneous legal protection under both copyright and patent law was inadmissible. The author must independently determine the applicable legal regime. Since the drawing was registered as a pictorial work, the plaintiff cannot request the application of patent law protection measures.

The cumulative approach was introduced by the aforementioned landmark court decision in the case of *Kohler Co. v. Moen Inc.* The legal dispute between two competing faucet manufacturing companies involved one competitor preventing the other from registering a recognizable faucet as a trademark. The United States Court of Appeals for the Seventh Circuit stated: "In sum, courts have consistently held that a product's different qualities can be protected simultaneously, or successively, by more than one of the statutory means for protection of intellectual property".

As a general rule, patent law norms on industrial designs are applied to design solutions due to the utilitarian nature of the protected objects. However, the extension of copyright norms is also possible, but subject to the conditions of the doctrine of conceptual separability (9, 997).

Thus, the US legal system allows for the simultaneous application of copyright and patent law norms, but with strict conditions that significantly narrow the number of possible conflict situations.

The question of how to characterize the US approach remains controversial. It is noteworthy that in the summary of replies to the questionnaires on industrial design protection, prepared by the Standing Committee on the Law of Trademarks, Industrial Designs and Geographical Indications of the World Intellectual Property Organization, the US responses are missing (10). It seems that the established US approach should be classified as a partially cumulative system (a type of mixed system) due to the doctrine of conceptual separability.

The European approach to solving this issue is distinguished by its diversity.

In accordance with the provisions of Directive 98/71/EC of the European Parliament and of the Council on the legal protection of designs and Council Regulation (EC) No 6/2002 on Community designs, adopted to harmonize legal regulation in the European Union, Member States of the European Union are not entitled to provide for other approaches, namely to exclude the provision of copyright protection to a design solution that has legal protection as an industrial design and simultaneously meets the criteria for protectability of copyright items (11). At the same time, unlike the unified regulation in the field of industrial designs, the specifics of applying copyright norms are determined by the national legislation of each of the Union's member states (Article 17 of Directive 98/71/EC, Article 96(2) of Regulation No 6/2002).

The legal system of France is distinguished by the "unity of art" principle, which reflects the country's cultural code. In the early 20th century, one of the main principles of French copyright law was formed – the unity of art – according to which different legal regulation of works of art and technology is not allowed (12). R. Dumas writes: "The law primarily regulates the use of the work. Consequently, regardless of whether it is a work of fine or applied art with a purely aesthetic or utilitarian purpose, it is equally protected by the law of March 11, 1957." (13, 31). The 'unity of art' principle implies the impossibility of transferring one exclusive right without the other, meaning that the rights to the work and the industrial design are always consolidated in the same hands (14, 117, 122–123).

Despite the conceptual differences in the approaches of the USA and France, due to the additional conditions for the simultaneous application of copyright and patent law norms to design solutions, the approaches of these legal systems are partially cumulative.

It is worth considering the demarcation approaches of the UK and Australia.

The UK adheres to an exhaustive list of works, which makes the very possibility of applying copyright norms to design difficult. The House of Lords, in the case of *Hensher v Restawile* [1976] AC 64, concluded that the prototype of a unique suite of furniture is not a work of artistic craftsmanship. Later, the rendered decision became precedent creating. Thus, a child's cape was not recognized as a work due to the lack of intention to create an artistic work, and a patchwork quilt – due to the insufficient creativity of its "eye-pleasing" patterns (15).

In the case of *Lucasfilm v Ainsworth* (2011) UKSC 39, the Supreme Court found no grounds to recognize the stormtrooper helmet from the Star Wars films as a work of art due to its functionality. According to the court's conclusions, the functional application of a work of art is possible, but the primary purpose of its creation is to make a visual impression. At the same time, the method of production and the applied craftsmanship of wood carving, for example, do not indicate that the created functional object is a work of art (16).

In accordance with Section 236 of the UK Copyright, Designs and Patents Act, it is impossible to infringe both copyright and patent rights in a design simultaneously. It is not an infringement of any copyright in a design document or model recording or embodying a design for anything other than an artistic work or a typeface to make

an article to the design or to copy an article made to the design (Section 51(1) of the UK Copyright, Designs and Patents Act) (17).

Similar provisions are contained in the Australian Copyright Act 1968 (18). Thus, a clear distinction is made between the copyright and industrial design regimes. The use of a design solution in an industrial design does not constitute an infringement of the exclusive right to an artistic work (Section 75, Section 77(2) of the Australian Copyright Act). It should be noted that this Act, as in the UK, contains an exhaustive list of works.

In the legal system of Japan, a predominantly demarcation regime is established. Thus, copyright norms do not apply to industrial designs. The issue of qualifying an object as a work, as in the previously discussed legal systems, is decided quite strictly. Judicial practice requires a high level of creativity for objects of applied art (19).

It is worth noting that in some cases, design solutions are recognized as works. Thus, in Case No. 2014 (Ne) 10063, heard by the Intellectual Property High Court on 04/14/2015, a child seat was qualified as a copyright item. In that case, the court interpreted Article 2(i)1 of the Copyright Act of Japan, namely, it stated that the requirement of creativity is not strict and should be understood as a manifestation of the author's uniqueness (20).

Nevertheless, experts note that the cited practice of recognizing design solutions as works is not generally accepted, but rather represents exceptions to the established uniform judicial practice (21).

Thus, exceptions are allowed under Japan's demarcation approach.

The result of the comparative analysis of the legal systems of the USA, the UK, Australia, France, and Japan allows us to note a significant difference in approaches to resolving conflicts between the legal regimes of works of design and industrial designs. The US system is oriented towards a more flexible combination of copyright and patent law norms, in contrast to the demarcation approaches of the UK and Australia. The legal systems of France and Japan are examples of how, in the search for a balance of interests, approaches are formed that combine cumulative and demarcation features.

Despite the adopted course of unifying intellectual property legislation, the intersection of legal regimes for works of design and industrial designs requires more thorough harmonization of legal regulation in this area.

References:

1. World Intellectual Property Organization. What is an Industrial Design? [Electronic source]. Geneva: WIPO, 2002. Available at: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/designs/450/wipo_pub_I450id.pdf (accessed: 11/15/2025).

2. See, for example: Vorozhevich A.S. Convergence of Rights to Trademarks, Works, and Industrial Designs // Journal of the Intellectual Property Court. 2017. No. 18. pp. 45-57; Koroleva A.G. Legal Protection of Design: Experience of Foreign Countries // Perm Legal Almanac, 2021. pp. 280-289; A.I. Minakova Issues of Intersection of Legal Regimes for a Work of Design and an Industrial Design // Journal of the Intellectual Property Court. September 2023. 3rd issue (41). pp. 25-38.

3. Kantorovich Ya.A. Copyright in Literary, Musical, Artistic, and Photographic Works: A Systematic Commentary to the Law of March 20, 1911. 2nd ed., cons. augm. Pg., 1916. P. 791.

4. United States Code, Title 17 - Copyrights 1947 [Electronic source]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22356> (accessed: October 31, 2025).

5. Star Athletica, LLC v. Varsity Brands, Inc., 580 U.S. 405 (2017), available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/580/15-866/> (accessed: 11/15/2025).

6. World Intellectual Property Organization. Industrial Designs and Their Relation with Works of Applied Art and Three-Dimensional Marks [Electronic source]. Geneva: WIPO, 2006. Available at: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/sct/en/sct_9/sct_9_6.pdf (accessed: 11/15/2025).

7. Kohler Co. v. Moen Inc., 12 F.3d 632 (7th Cir. 1993) [Electronic source]. URL: <https://casetext.com/case/kohler-co-v-moen-inc> (accessed: October 31, 2025).

8. De Jonge & Co. v. Breuker & Kessler Co., 235 U.S. 33 (1914) [Electronic source]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/235/33/> (accessed: October 31, 2025).

9. The Devil Wears Trademark: How The Fashion Industry Has Expanded Trademark Doctrine To Its Detriment // Harvard Law Review. 2014. Vol. 127. No. 3. P. 995-1016.

10. World Intellectual Property Organization. Summary of Replies to the Questionnaires (Parts I and II) on Industrial Design Law and Practice (SCT/18/7 and SCT/18/8 Rev.) [Electronic source]. Geneva: WIPO, 2009. Available at: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/sct/en/sct_19/wipo_strad_inf_2_rev_2.pdf (accessed: 11/15/2025).

11. Flos SpA v Semeraro Casa e Famiglia SpA., CJEU, Case No. C-168/09 (27 January 2011) [Electronic source]. URL: <https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/ALL/?uri=CELEX%3A62009CJ0168> (accessed: October 31, 2025).

12. Thiollière M. Projet de loi relatif au droit d'auteur et aux droits voisins dans la société de l'information; Ch.1 // <http://www.senat.fr/rap/I05-308/I05-3084.html#toc22> (accessed: 11/15/2025).

13. Dumas R. Literary and Artistic Property. Copyright Law of France. 2nd ed.: Trans. from Fr. M.: International Relations, 1993. p. 380.

14. Derclaye E., Leistner M. Intellectual Property Overlaps: A European Perspective // Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2011. p. 406

15. Silverman Iona. Copyright and Fashion: A UK Perspective [Electronic source]. Available at: <https://www.wipo.int/en/web/wipo-magazine/articles/copyright-and-fashion-a-uk-perspective-38881> (accessed: 11/15/2025).

16. Intellectual Property Digest / Federal Institute of Industrial Property (FIPS). March, 2017. 2nd issue. URL: https://new.fips.ru/about/vptb-otdelenie-vserossiyskaya-patentno-tehnicheskaya-biblioteka/digest_mart2017.pdf?ysclid=mi0ihc93rm880872149 (accessed: 11/15/2025).

17. Copyright, Designs and Patents Act 1988 [Electronic source] URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/23246> (accessed: October 31, 2025).

18. Copyright Act 1968 [Electronic source]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21915> (accessed: October 31, 2025)

19. Case № 2016 (Ne) 10059, Intellectual Property High Court of Japan, October 13, 2016 URL: https://www.ip.courts.go.jp/app/search_en/list?keyword=%E2%84%96+2016+%28Ne%29+10059&search=

20. Copyright Act of Japan [Electronic source] // WIPO Lex. Available at: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22612> (accessed: 11/15/2025).

21. See, e.g.: Hasbro Bradley INC v. Sparkle Toys INC., 780 F.2d 189 (2nd Cir. 1985) [Electronic source] URL: http://www.law.cornell.edu/copyright/cases/780_F2d_189.htm/

Сергиенко

Софья Андреевна

Корреспондент Eurasian Journal of Intellectual Property Law, магистрант Уральского филиала «Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации»

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу пересечения правовых режимов произведения дизайнера и промышленных образцов в правовых порядках США, Франции, Великобритании, Австралии и Японии. Рассматриваются теоретические и практические аспекты авторско- и патентно-правовой охраны, а также подходы к правовой охране дизайнерских решений. На основе выявленных подходов анализируемые правовые порядки классифицируются на кумулятивные, демаркационные и смешанные.

Ключевые слова: правовая охрана дизайнера; произведение дизайнера; промышленный образец; пересечение режимов интеллектуальных прав.

Дизайнерские решения становятся неотъемлемой частью промышленного производства. С экономическим и техническим развитием дизайн приобрел ключевое значение в условиях рыночной конкуренции, объединив функциональность и эстетику. Дизайн является важным инструментом формирования уникальности компаний и медийных лиц.

Всеобъемлющий характер дизайна обуславливает возникновение коллизий при интеллектуально-правовой охране дизайнерских решений. Для глубокого изучения проблематики и решения теоретических и практических проблем необходимо изучить механизм взаимодействия и разграничения прав в нескольких правовых режимах. Данная статья посвящена сравнительно-правовому анализу коллизий правовых режимов произведения дизайна и промышленного образца в США, Франции, Великобритании, Австралии и Японии.

В зависимости от особенностей правового порядка и сущностных характеристик конкретного объекта к промышленному образцу, помимо норм патентного права, может применяться авторско-правовая охрана (кумулятивный подход). В иных юрисдикциях применяется принцип взаимного исключения правовых режимов: выбор одного из них исключает предоставление охраны в ином порядке (демаркационный подход) (1). Исследователями выделяется третий подход, представляющий собой одновременное применение или, наоборот, запрет применения норм авторского и патентного права одновременно при достижении определенных условий (2).

Вопрос разграничения авторского и патентного права не является проявлением современных тенденций. Дискуссии по обозначенному вопросу велись дореволюционными правоведами. Я.А. Канторович считал использование произведения искусства в промышленности особым способом воспроизведения объекта авторских прав (3, 213-214). Правовед утверждал, что способ воспроизведения одного и того же объекта определяет лишь его функциональное назначение, в связи с чем действует кумулятивная охрана одного и того же результата творческой деятельности (3, 216).

Актуальность проблемы правовых коллизий при охране дизайна обусловлена не только историческим контекстом, но и спецификой современного нормативного регулирования в отдельных юрисдикциях. Особого внимания заслуживает правовой порядок Соединённых Штатов Америки (далее – США), характеризующийся прагматичным подходом к охране результатов интеллектуальной деятельности.

В соответствии с параграфом 101 раздела 17 Свода законов США авторско-правовой режим не распространяется на утилитарные или функциональные изделия, распространение правового режима произведений на промышленные образцы допускается в случае, если их форма отделима от продукта (4).

Судебная практика в соответствии с указанным допускает авторско-правовую охрану элемента промышленного образца в случае его самостоятельности (5). Как отмечается специалистами, рассмотрение дизайна независимо от объекта, в котором он выражен, допускается, если сам объект является произведением искусства, но имеет утилитарное назначение (6).

Опыт США отличается переходом от демаркационной системы к кумулятивной. До прецедентного дела *Kohler Co. v. Moen Inc.* продолжительное время главенствовал подход полного разграничения авторского и патентного права (7).

Суды придерживались так называемой доктрины выбора. Подобная позиция была выражена в деле

De Jonge Co. v. Breuker Kessler Co. о нарушении прав на акварельный рисунок открытой грозди ветви паду-ба, омелы и ели, сложенных в квадратной форме (8). Рисунок был использован в качестве обоев, что не устроило автора. Верховный суд США пришел к выводу о недопустимости правовой охраны по авторскому и по патентному праву одновременно. Автор должен самостоятельно определить применимый правовой режим. Поскольку рисунок был зарегистрирован в качестве изобразительного произведения, постольку истец не может испрашивать применение патентно-правовых мер защиты.

Кумулятивный подход был введен ранее упомянутым прецедентным судебным решением по делу Kohler Co. v. Moen Inc. Судебный спор между двумя конкурирующими компаниями по производству смесителей заключался в воспрепятствовании одним конкурентом другому зарегистрировать узнаваемый смеситель в качестве товарного знака. Апелляционный суд седьмого округа США указал: «In sum, courts have consistently held that a product's different qualities can be protected simultaneously, or successively, by more than one of the statutory means for protection of intellectual property» (перевод С.А. – различные характеристики продукта могут быть защищены одновременно или последовательно несколькими предусмотренными законом способами защиты интеллектуальной собственности).

К дизайнерским решениям, по общему правилу, применяются патентно-правовые нормы о промышленном образце ввиду утилитарности охраняемых объектов. Однако распространение норм авторского права также возможно, но при соблюдении условий доктрины концептуальной отделимости (9,997).

Таким образом, правопорядок США допускает одновременное применение норм авторского и патентного права, однако с соблюдением строгих условий, значительно сужающих число возможных коллизионных ситуаций.

Вопрос о характеристике подхода США остается спорным. Примечательно, что в сборнике кратких ответов на вопросы об охране промышленных образцов, подготовленном комитетом по законодательству о товарных знаках, промышленных образцах и географических указаниях Всемирной организации интеллектуальной собственности, ответы США отсутствуют (10). Думается, сложившийся подход США стоит относить к частично-кумулятивной системе (разновидности смешанной системы) ввиду действия доктрины концептуальной отделимости.

Европейский подход к решению поставленного вопроса отличается своим разнообразием.

В соответствии с положениями Директивы № 98/71/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О правовой охране промышленных образцов» и Регламента № 6/2002 Совета Европейского Союза «О промышленных образцах Европейского сообщества», принятыми в целях гармонизации правового регулирования в Европейском Союзе, государства-члены Европейского Союза не вправе предусматривать иные подходы, а именно исключать предоставление авторско-правовой охраны дизайнерскому решению, имеющему правовую охрану в качестве промышленного образца, одновременно отвечающему критериям охраноспособности объектов авторского права (11). В то же время, в отличие от унифицированного регулирования в сфере промышленных образцов, особенности применения норм авторского права определяются национальным законодательством каждой из стран-членов Союза (статья 17 Директивы 98/71/ЕС, пункт 2 статьи 96 Регламента № 6/2002).

Правопорядок Франции отличается наличием принципа «единства искусства», отражающего куль-

турный код страны. В начале XX века был сформирован один из основных принципов авторского права Франции – единства искусства – согласно которому не допускается различное юридическое регулирование произведений искусства и техники (12). Р. Дюма пишет: «Закон регламентирует прежде всего использование произведения. Следовательно, независимо от того, идет речь непосредственно о произведении изобразительного либо прикладного искусства, имеющем чисто эстетическое или утилитарное назначение, оно равным образом охраняется законом от 11 марта 1957 г.» (13, 31). Принцип единства искусства предполагает невозможность передачи одного исключительного права без другого, то есть права на произведение и промышленный образец всегда консолидируются в одних руках (14, 117, 122–123).

Несмотря на концептуальные отличия подходов США и Франции, ввиду дополнительных условий применения одновременно норм авторского и патентного права к дизайнерским решениям подходы указанных правовых порядков являются частично-кумулятивными.

Стоит рассмотреть демаркационные подходы Великобритании и Австралии.

Великобритания придерживается закрытого перечня произведений, в связи с чем сама возможность применения норм авторского права к дизайну затруднена. Палата лордов, рассматривая дело *Hensher v Restawile* [1976] AC 64, пришла к выводу о том, что прототип уникального мебельного комплекта не является художественным объектом. Позднее вынесенное решение приобрело практикообразующий характер. Так, детская накидка не была признана произведением ввиду отсутствия намерений создать именно художественное произведение, а лоскутное покрывало – ввиду недостаточной креативности «радующих глаз» узоров (15).

В деле *Lucasfilm против Ainsworth* (2011) UKSC 39 Верховный суд не нашел оснований признать шлем штурмовика из серии фильмов «Звездные войны» произведением ввиду его функциональности. В соответствии с выводами суда функциональное применение произведения возможно, однако первичная цель его создания заключается в оказании визуального впечатления. При этом способ производства и примененное мастерство резьбы по дереву, например, не свидетельствуют о том, что созданный функциональный объект является произведением (16).

В соответствии со статьей 236 Закона об авторском праве, промышленных образцах и патентах Великобритании невозможно нарушение одновременно авторских и патентных прав на дизайн. Нарушением исключительного права на произведение признается лишь воспроизведение промышленного образца в другом произведении изобразительного искусства или в шрифте (пункт 1 статьи 51 Закона Великобритании об авторском праве, промышленных образцах и патентах) (17).

Аналогичные положения содержатся в Законе об авторском праве Австралии 1968 г. (18). Так, предусматривается четкое разграничение режимов авторского права и промышленного образца. Использование дизайнерского решения в промышленном образце не образует нарушение исключительного права на художественное произведение (статья 75, пункт 2 статьи 77 Закона об авторском праве Австралии). Стоит отметить, что упомянутый закон, как и в Великобритании, содержит закрытый перечень видов произведений.

В правовом порядке Японии установлен преимущественно демаркационный режим. Так, к промышлен-

ным образцам не применяются нормы авторского права. Вопрос квалификации объекта в качестве произведения, как и в ранее рассмотренных правопорядках, решается достаточно строго. Судебная практика требует высокого уровня творчества для объектов прикладного искусства (19).

Стоит отметить, что в некоторых случаях дизайнерские решения признаются произведениями. Так, в деле Case № 2014 (Ne) 10063, рассмотренном Высшим судом по интеллектуальной собственности 14.04.2015, детское кресло было квалифицировано в качестве объекта авторского права. В указанном деле суд изложил толкование подпункта 1 пункта i статьи 2 Закона об авторском праве Японии, а именно указал, что требование наличия творческого начала не является строгим и должно пониматься как проявление уникальности автора (20).

Тем не менее специалистами отмечается, что приведенная практика по признанию дизайнерских решений произведениями не является общепринятой, а наоборот, представляет собой исключения из сложившейся единообразной судебной практики (21).

Таким образом, в условиях демаркационного подхода Японии допускаются исключения.

Результат сравнительного анализа правопорядков США, Великобритании, Австралии, Франции и Японии позволяет отметить значительное отличие подходов к решению правовых коллизий режимов произведений дизайна и промышленных образцов. Система США ориентирована на более гибкое сочетание авторско- и патентно-правовых норм в отличие от демаркационных подходов Великобритании и Австралии. Правопорядки Франции и Японии являются примерами того, как в поиске баланса интересов формируются подходы, сочетающие в себе кумулятивные и демаркационные признаки.

Несмотря на принятый курс унификации законодательства об интеллектуальной собственности, пересечение правовых режимов произведения дизайна и промышленного образца требует более тщательной гармонизации правового регулирования в этой сфере.

Список использованных источников:

1. Всемирная организация интеллектуальной собственности. Что такое промышленный образец? [Электронный ресурс]. Женева: ВОИС, 2002. Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/designs/450/wipo_pub_1450id.pdf (дата обращения: 15.11.2025).
2. См. например: Ворожевич А.С. Пересечение прав на товарные знаки, произведения и промышленные образцы // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 18. С. 45-57; Королева А.Г. Правовая охрана дизайна: опыт зарубежных стран // Пермский юридический альманах, 2021. С. 280-289; Минакова А.И. Вопросы пересечения правовых режимов произведения дизайна и промышленного образца // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 25-38.
3. Канторович Я. А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения: систематический комментарий к закону 20-го марта 1911 г. 2-е изд., значит. доп. Пг., 1916. С. 791.
4. United States Code, Title 17 - Copyrights 1947 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22356> (дата обращения: 31 октября 2025 г.).
5. Star Athletica, LLC v. Varsity Brands, Inc., 580 U.S. 405 (2017), доступно на: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/580/15-866/> (дата обращения: 15.11.2025).

6. Всемирная организация интеллектуальной собственности. Industrial Designs and Their Relation with Works of Applied Art and Three-Dimensional Marks [Электронный ресурс]. Женева: ВОИС, 2006. Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/sct/en/sct_9/sct_9_6.pdf (дата обращения: 15.11.2025).
7. Kohler Co. v. Moen Inc., 12 F.3d 632 (7th Cir. 1993) [Электронный ресурс]. URL: <https://casetext.com/case/kohler-co-v-moen-inc> (дата обращения: 31 октября 2025 г.).
8. De Jonge & Co. v. Breuker & Kessler Co., 235 U.S. 33 (1914) [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/235/33/> (дата обращения: 31 октября 2025 г.).
9. The Devil Wears Trademark: How The Fashion Industry Has Expanded Trademark Doctrine To Its Detriment // Harvard Law Review. 2014. Vol. 127. № 3. P.995-1016.
10. Всемирная организация интеллектуальной собственности. Summary of Replies to the Questionnaires (Parts I and II) on Industrial Design Law and Practice (SCT/18/7 and SCT/18/8 Rev.) [Электронный ресурс]. Женева: ВОИС, 2009. Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/sct/en/sct_19/wipo_strad_inf_2_rev_2.pdf (дата обращения: 15.11.2025).
11. Flos SpA v. Semeraro Casa e Famiglia SpA., CJEU, Case № C-168/09 (27 January 2011) [Электронный ресурс]. URL: <https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/ALL/?uri=CELEX%3A62009CJ0168> (дата обращения: 31 октября 2025 г.).
12. Thiollière M. Projet de loi relatif au droit d'auteur et aux droits voisins dans la société de l'information; гл.1 // <http://www.senat.fr/rap/I05-308/I05-3084.html#toc22> (дата обращения: 15.11.2025).
13. Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции. 2-е изд.: Пер. с фр. М.: Междунар. отношения, 1993. С. 380.
14. Derclaye E., Leistner M. Intellectual Property Overlaps: A European Perspective // Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2011. 406 p.
15. Silverman Iona. Copyright and Fashion: A UK Perspective [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wipo.int/en/web/wipo-magazine/articles/copyright-and-fashion-a-uk-perspective-38881> (дата обращения: 15.11.2025).
16. Дайджест по интеллектуальной собственности / Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС). Март, 2017. Вып. 2. URL: https://new.fips.ru/about/vptb-otdelenie-vserossiyskaya-patentno-tekhnicheskaya-biblioteka/digest_mart2017.pdf?ysclid=mi0ihc93rm880872149 (дата обращения: 15.11.2025).
17. Copyright, Designs and Patents Act 1988 [Электронный ресурс] URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/23246> (дата обращения: 31 октября 2025 г.).
18. Copyright Act 1968 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21915> (дата обращения: 31 октября 2025 г.).
19. Case № 2016 (Ne) 10059, Intellectual Property High Court of Japan, October 13, 2016 URL: https://www.ip.courts.go.jp/app/search_en/list?keyword=%E2%84%96+2016+%28Ne%29+10059&search=
20. Закон Японии об авторском праве [Электронный ресурс] // WIPO Lex. Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22612> (дата обращения: 15.11.2025).
21. См. напр.: Hasbro Bradley INC v. Sparkle Toys INC., 780 F.2d 189 (2nd Cir. 1985) [Электронный ресурс] URL: http://www.law.cornell.edu/copyright/cases/780_F2d_189.htm/

REVIEWS AND ESSAYS ON BOOKS, SCIENTIFIC ARTICLES
AND MONOGRAPHS

КІТАПТАРҒА, ҒЫЛЫМИ МАҚАЛАЛАРҒА ЖӘНЕ МОНОГРАФИЯЛАРҒА
ШОЛУЛАР МЕН ЭССЕЛЕР

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ НА КНИГИ, НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И МОНОГРАФИИ

SCIENTIFIC ESSAYS ON THE WORKS OF PROFESSOR B.M. GONGALO

ПРОФЕССОР Б.М. ГОНГАЛОНЫҢ ЕҢБЕКТЕРІ БОЙЫНША ҒЫЛЫМИ ЭССЕЛЕР

НАУЧНЫЕ ЭССЕ НА ТРУДЫ ПРОФЕССОРА Б.М. ГОНГАЛО

Информационная справка:

Имя профессора Бронислава Мичиславовича Гонгало стало знаковым для профессионального юридического сообщества всего ЕврАзЭС. Ученник выдающихся представителей уральской школы гражданского права (О.А. Красавчикова, С.С. Алексеева, В.Ф. Яковлева, В.А. Плетнева), автор сотни фундаментальных трудов, Учитель, воспитавший целое поколение исследователей. Бронислав Мичиславович соединяет в себе редкое сочетание научной глубины, системного мышления и подлинной духовности.

Публикация эссе приурочена к 70-летию юбилею профессора Б.М. Гонгало. Редакция журнала искреннее и с огромным уважением поздравляет уважаемого Бронислава Мичиславовича и желает крепкого здоровья, благодарных учеников и долгих лет жизни!

Редакция Евразийского журнала права интеллектуальной собственности с радостью публикует эссе на работы профессора Бронислава Мичиславовича Гонгало, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директора Уральского филиала Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, члена Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации, Заслуженного юриста Российской Федерации.

Сагдиев

Артур Ришатович,

Студент 3 курса Института прокуратуры
Уральского государственного
юридического университета имени
В.Ф. Яковлева

ОБЗОР НА СТАТЬЮ Б. М. ГОНГАЛО «ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ»

(Будущее авторского права и смежных прав: Казахстан и мир. Сб. материалов VI Междун. науч.-практич. конф. по авторскому праву и смежным правам (Алматы, 3–4 октября 2024 г.). Алматы: Аманат, 2025. С. 35–55)

Статья доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой гражданского права УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева и директора Уральского филиала Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации Бронислава Мичиславовича Гонгало «Об исключительных правах» – это яркое, эмоционально окрашенное размышление о современном состоянии института исключительных прав в российском гражданском праве, его эволюции и тех перегибах, которые порой превращают правовую охрану творчества в инструмент экономического давления.

Бронислав Мичиславович выступает в статье не просто как правовед, а прежде всего как человек, глубоко переживающий за торжество справедливости, за главенство начал разумности и добросовестности. В праве и в жизни...

Автор начинает изложение материала с признания своего критического отношения к исключительным правам в их нынешней форме: «Я не являюсь поклонником исключительных прав в той их юридической форме, в какой они существуют сегодня. Полагаю и даже уверен, в Российской Федерации мы перегибаем палку». По мнению автора, подобные перегибы – мировая тенденция. Исключительные права «давно превратились в некую экономическую самооценку, поменявшую, точнее сказать, исказившую, извратившую искреннее, чистое отношение к высокому искусству и творчеству в целом».

В работе приводятся конкретные примеры из практики, иллюстрирующие абсурдность ситуации: когда кассир напевает мелодию на рабочем месте, а правообладатель предъявляет иск к собственнику магазина; когда детям запрещают петь песни у костра; когда регистрируются упреждающие патенты в надежде на будущий иск (случай из американской практики, описанные в работе Даррена Тодда); случай мальчика из Венесуэлы, смастерившего картонную версию игры и получившего иск на 200 миллионов. Автор заключает: «Все это ненормально... это дико». В российской практике подобные действия должны квалифицироваться как злоупотребление правом (статья 10 ГК РФ), на что, по словам Бронислава Мичиславовича, «хочется надеяться».

Нить суждений плавно переходит к проблемам охраноспособности. Методично анализируется вопрос об охраноспособности фотографий и музейных предметов.

Бронислав Мичиславович отмечает, что раньше сложно было настаивать на охраноспособности фотографии, воспроизводящей картину классика, перешедшую в общественное достояние: «О каком исключительном праве мы говорим?»

Правовед критически оценивает стремление музеев монополизировать «право первой публикации музейных предметов» по архаичной статье 36 Федерального закона от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О

Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», которая, как мне представляется, вообще противоречит конституционному праву на доступ к культурным ценностям.

Бронислав Мичиславович ссылается на Определение Конституционного Суда Российской Федерации, подчёркивающее общественно полезную цель свободного использования произведений для развития культуры.

Значительное место в статье отведено изменению подхода к творческому характеру интеллектуальной деятельности. Бронислав Мичиславович обращается к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10: «При этом надлежит иметь в виду, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом». Теперь бремя доказывания отсутствия оригинальности в спорном произведении лежит на ответчике. При том, что действующее с 1 января 2008 г. правовое регулирование авторских отношений в своей концептуальной основе не изменилось.

По мнению Бронислава Мичиславовича, произведение как объект авторских прав должно быть оригинальным, неповторимым. Его регистрация, в отличие от объектов патентного права, средств индивидуализации, селекционных достижений, не просто необязательна, но в ряде случаев лишена смысла: «Ну невозможно дважды написать одну и ту же “Войну и мир”». Исключение – компьютерные программы и базы данных. Потенциально повторимые объекты рискуют остаться без защиты.

Автор считает интересными, но объяснимыми примеры параллельного творчества, например, такие, как во многом совпадающие литературные шедевры Конан Дойла и Ги де Мопассана (рассказ «Гостиница»), вспоминает строчки «Посещения Музы, или Песенки плагиатора» В.С. Высоцкого.

Бронислав Мичиславович с юмором отмечает искусственность проблемы исключительных прав на фотографии, говоря о том, что эта проблема специально обсуждалась на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам: «На мой взгляд, проблема во многом надумана, продиктована непомерными экономическими амбициями отдельных правообладателей. К сожалению, судебная практика реагирует на подобные завышенные ожидания не всегда так, как хотелось бы. (Если бы все происходило исключительно так, как хотелось!..)». В качестве наглядного эпизода правовед приводит одно из определений Верховного Суда Российской Федерации, направившего на повторное рассмотрение дело о нарушении личных неимущественных прав на фотографии квартиры, сделанные ее продавцом и направленные риелтору для размещения на сайте последнего. При публикации фотографий на сайте риелтор не указал имя автора фотографий (собственника квартиры). Все нижестоящие суды отказали в иске автора к риелтору-ответчику о компенсации морального вреда, причиненного нарушением права авторства, но Верховный Суд вернул дело на повторное рассмотрение. Бронислав Мичиславович снова ссылается на злоупотребление правом автора (статья 10 ГК РФ).

Особым образом – обстоятельно, детально – в статье комментируется многолетний спор об авторских правах на памятник основателям города Екатеринбурга – В.Н. Татищеву и В.И. де Геннину. Бронислав Мичиславович отмечает, что попытки правообладателей запрещать свободное фотографирование монумента, установленного в открытом месте, противоречат статье 1276 ГК РФ о свободном использовании произведений, постоянно находящихся в местах, открытых для свободного посещения. Поддерживает постановление Конституционного Суда Российской Федерации, который в итоге признал воз-

возможность свободно использовать подобные фотографии памятников.

Бронислав Мичиславович делится опытом разработки и дальнейшей реформы гражданского законодательства в России, вспоминая проделанную работу по принятию Гражданского кодекса, «разрезанного» на четыре части по причине постоянных споров: «Такие курьезы возникали. Знаете ли...».

Автор акцентирует внимание на истории принятия четвёртой части, посвящённой интеллектуальным правам, вспоминает о противодействии с американскими (!) сенаторами.

Отмечается опыт Концепции совершенствования гражданского законодательства Российской Федерации 2009 г. Законопроект был внесен в Государственную Думу, принят в первом чтении, но поделён в итоге на девять частей из-за сопротивления заинтересованных лиц, включая интересы нефтяных компаний и, иронично подчеркнутое автором, «нашествие нотариусов».

Представляется, красной строкой через текст статьи проходит мысль о классификации интеллектуальных прав, упоминается дискуссия о природе договора управления исключительными (и некоторыми так называемыми иными!) правами на коллективной основе.

Статья завершается очень лаконичной цитатой Гегеля: «Никогда не будет совершенного закона, пригодного для всех времен и народов и для всех стран». Бронислав Мичиславович подчеркивает острую необходимость баланса: нельзя быть хорошим практиком, не зная теории.

Статья «Об исключительных правах» – актуальное размышление, опирающееся на многолетний опыт. Она может восприниматься как призыв к возвращению интеллектуальным правам их подлинного достоинства. Научный стиль Бронислава Мичиславовича всегда ярок, узнаваем и самобытен. Статья рекомендуется для вдумчивого прочтения всем, кто связал свою судьбу с гражданским правом.

Шавалеев Даниэль

Студент 2 курса Института права и предпринимательства Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, студент 3 курса Факультета вокально-хорового искусства, музыковедения, композиции и музыкальной звукорежиссуры Уральской государственной консерватории имени М.П. Мусоргского

ЭССЕ ПО СТАТЬЕ Б.М. ГОНГАЛО «МЫСЛИ И РЕЧИ О НАУКЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА»

(Гражданско-правовые записки: Межвуз. сб. науч. тр. / Каф. гражд. права УрГЮА; Уральск. отд. РШЧП. Вып. 2. М.: Статут; Екатеринбург: Ин-т частного права, 2003. С. 3–16)

Монографическая статья Бронислава Мичиславовича Гонгало «Мысли и речи о науке гражданского права» – всегда актуальное, жизненное размышление о состоянии современной цивилистики, ее классическом фундаменте (цитируются труды К.П. Победоносцева, Д.И. Мейера, Г.Ф. Шершеневича, И.А. Покровского), трансформации в советский период, нынешних особенностях и общих, если не сказать

«всеобщих», закономерностях развития.

Перед нами не просто научная работа, а своего рода духовный манифест ученого, для которого Право гражданское – не отвлеченный набор конструкций, а повседневная жизнь во всех ее проявлениях, одна из форм бытия.

Прежде всего – Право гражданское: «Случайно ли общая теория права в значительной своей части воспроизводит цивилистические конструкции... Случайно ли наиболее известные специалисты по общей теории права – представители гражданско-правовой науки... Случайно ли многие отрасли советского права создавались по образу и подобию права гражданского...».

Бронислав Мичиславович начинает повествование с изложения критических взглядов классиков цивилистики на значение и роль гражданского права в социально-экономических условиях того (досоветского) исторического периода: «Немногие счастливы тем, что успели пройти ровную и строго последовательную школу юридических знаний и опыта...» (К.П. Победоносцев), «Больно чувствовать, насколько мы, юристы-цивилисты... при решении наших крупнейших вопросов... идем беспринципно и наугад...» (И.А. Покровский) и т.д.

Правовед дает вполне прагматичное объяснение процитированным критическим оценкам: «Повидимому, ученые, творившие до 1917 г., отдавали себе отчет в том, что, успокоившись и «почивая на лаврах», наука гражданского права не сможет решить задач, перед ней стоящих». Значит, в оценках классиков – подлинная жизнь и ясный вектор; понимание того, что признание проблемы – путь к развитию! «Вполне естественное чувство неудовлетворенности» (Б.М. Гонгало) – стимул к движению в поисках смысла, приближению к истине. Бронислав Мичиславович, таким образом, делает акцент на важности научного познания действительности, необходимости применения этого знания в реальной жизни.

К классическому фундаменту современная доктрина и правоприменительная практика обращаются по сей день.

Представляется, Б.М. Гонгало видит в Праве гражданском живой организм, не терпящий догматизма, с одной стороны, и отторгающий всякую суетливость, с другой.

Нить суждений правоведа плавно переходит к обобщенной характеристике советского гражданского права. Думается, здесь основная мысль автора – нельзя забывать или принижать достижения советских цивилистов: «современная доктрина гражданского права опирается на достижения советской цивилистики; является её органическим продолжением». При этом «так называемая советская цивилистика, что бы кто ни говорил, есть продолжение русской цивилистической традиции».

Рассуждения о высоком уровне современного российского гражданского права Б.М. Гонгало предваряет яркой, афористической формулировкой (их в статье очень много, об этом – далее): недостатки есть продолжение достоинств, «как это нередко случается».

Бронислав Мичиславович пишет о несомненных достижениях российских цивилистов. В этой связи подчеркивает, например, уникальность Гражданского кодекса Российской Федерации. Далее, отмечает необходимость трепетного (!) отношения к юридической терминологии и, в целом, обращает внимание на важность эффективного применения юридических конструкций – применения с учетом накопленного в отечественной цивилистике опыта, сложившегося менталитета, местных традиций, правопримени-

тельной практики, а не в угоду сиюминутным настроениям.

У Бронислава Мичиславовича научный стиль – это не «украшение», а выражение внутреннего порядка мысли. Знаменитая дисциплина мышления в действии! Без нее нет подлинного цивилиста! Язык цивилиста должен быть чистым, точным, логичным, в нём отражается культура научного мышления.

Значительное место в статье отведено идее соблюдения методики и методологии цивилистических исследований. Автор как всегда последователен. «Уместно обратиться к началу», – пишет Бронислав Мичиславович и предлагает для примера приемы, применяемые в научном творчестве основоположниками российской цивилистики.

Бронислав Мичиславович призывает соблюдать не только методологические каноны, юридико-технические приемы, аспекты содержания (следования центральной теме, недопущения произвольных отступлений), но, что особенно ценно, нормы этики в научном творчестве.

Красной строкой через текст статьи проходит следующая мысль: подлинный юрист должен видеть за нормативным текстом человека, его чаяния и потребности; за нормой – логику права; за правовой конструкцией – весь механизм правового регулирования...

Опираясь конкретными примерами и обобщая накопленный опыт, Бронислав Мичиславович анализирует как тенденции, так и кризисные моменты в развитии современной цивилистики. Статья, таким образом, может восприниматься как своеобразный призыв к возвращению гражданскому праву его подлинного достоинства, «восстановить уважение к правовой мысли», вернуть утраченный интеллектуальный и духовный масштаб.

С отмеченной выше идеей, думается, связан один из центральных мотивов статьи – представление о гражданском праве в значении культурного феномена, в котором концентрированно (средствами философии права, догматики, юридической техники и т.д.) выражается понимание добра, справедливости, свободы, ответственности...

Бронислав Мичиславович – проповедник классических ценностей цивилистической доктрины, сторонник высоких традиций русской правовой мысли.

«Мысли и речи о науке гражданского права» – это и определенный свод принципов и приемов научного творчества.

Пожалуй, можно уловить один из проблемных контекстов: наука гражданского права переживает кризис методологической и нравственной идентичности. Механическое заимствование западных моделей, увлечение рейтингами, количественными показателями, потеря философской глубины – всё это подтачивает фундамент отечественной цивилистики.

Следующая фундаментальная идея статьи: научное исследование в области права требует не только эрудиции, но и внутренней культуры. Важно уметь сомневаться, чувствовать меру, уважать традицию и при этом быть открытым к новому. Ни одна наука не может обойтись без использования такого инструмента, как критика, – отмечает Бронислав Мичиславович.

Бронислав Мичиславович противопоставляет подлинную науку «производству текстов», отмечая, что количество публикаций не равнозначно качеству правового знания. Одно идейное глубокое исследование важнее сотни поверхностных комментариев. В этом постулате раскрывается гуманитарная

позиция автора: юриспруденция – часть духовной жизни, а не статистики научных рейтингов.

Тезис о кумулятивном характере развития науки и рассуждения о том, что «даже сверхновые идеи появляются не на пустом месте. Они вызревают в сущем» – квинтэссенция статьи.

Статья «Мысли и речи о науке гражданского права» написана более двух десятков лет назад, но, следует повторить, по-прежнему является актуальной. Бронислав Мичиславович напоминает, что наука гражданского права не может существовать без уважения к слову, к человеку, к наследию учителей. Одна из высоких задач цивилистики: возвращать не только юристов, но и граждан, для которых право – неотъемлемый элемент свободы. Научный стиль Бронислава Мичиславовича всегда узнаваем и, безусловно, самобытен. Работа читается, как говорится, на одном дыхании. Рекомендуются в качестве обязательного источника всем, кто своим призванием выбрал Право гражданское и занимается научными исследованиями.

И ещё один примечательный момент. «Мысли и речи о науке гражданского права» насыщены афоризмами. Некоторые из тех, что процитированы выше, дублируются здесь, так сказать, для полноты картины:

- «Вполне естественное чувство неудовлетворенности, побуждающее двигаться вперёд и вглубь».
- «Вместе с тем надо видеть и серьезные недостатки. Причем, как это нередко случается, они есть продолжение достоинств».
- «Уместно обратиться к началу».
- «Давно известно, что форма тоже существенна».
- «Думается, что отношение к терминологии должно быть трепетным».
- «Даже сверхновые идеи появляются не на пустом месте. Они вызревают в сущем» и т. д.

COLUMN OF THE PRIVATE INSTITUTION «NON-PROFIT ORGANIZATION FOR THE PROTECTION OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS «AMANAT»

«АМАНАТ» АВТОРЛЫҚ ЖӘНЕ САБАҚТАС ҚҰҚЫҚТАРДЫ ҚОРҒАУ ЖӨНІНДЕГІ КОММЕРЦИЯЛЫҚ ЕМЕС ҰЙЫМ» ЖЕКЕ МЕКЕМЕСІНІҢ БАҒАНАСЫ

КОЛОНКА ЧАСТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПО ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ «АМАНАТ»

This section features profiles of rightsholders whose exclusive rights are administered by the Private Institution «Non-Profit Organization for the Protection of Copyright and Related Rights «Amanat»

Осы бағанда біз «Аманат» Авторлық және сабақтас құқықтарды қорғау бойынша Құқықтық емес ұйым» ЖШС-нің басқаруындағы ерекше құқықтарға ие құқық иелері туралы баяндаймыз

В этой рубрике мы рассказываем о правообладателях, исключительными правами которых управляет ЧУ «Некоммерческая организация по защите авторских и смежных прав «Аманат»

THE CREATIVE PATH OF YERLAN KOKEYEV

Musician, composer, actor, poet, writer, lecturer at the Zhurgenov Academy of Arts and the National State Conservatory, and Honored Artist of Kazakhstan.

Yerlan Kokeyev was born on May 21, 1971, in Karaganda. From an early age, he demonstrated a deep and passionate interest in music, the stage, and the written word—the art forms that would ultimately define his life's work. After graduating from the Kurmangazy Almaty State Conservatory, he successfully blended rigorous academic knowledge with the vibrant energy of the popular stage, forging his own unique and recognizable creative style.

His career was launched with the legendary band Dos-Mukasan (1990–1993), where he performed as a lead singer, gaining experience from the masters of the Kazakh scene. By 1993, Yerlan was already a laureate of the 1st National Zhas Kanat Competition, and a year later, a medalist at the international Asia Dauysy Festival, securing his path to nationwide recognition.

In the mid-90s, he distinguished himself as a talented arranger for the Auen studio and later as the lead singer for the popular band ABK, which became an icon of Kazakh pop culture in the late decade. In 1998, his contribution to the development of youth art was recognized with the State Prize of the Youth Union of Kazakhstan.

In the 2000s, Yerlan Kokeyev continued to experiment with various artistic forms and genres. He led the band K-7, organized concert tours, and spearheaded numerous social and charitable initiatives – from the 'A Healthy Planet for the Young Generation' campaign to founding the Botakanym children's fund.

He directed and staged the rock play 'Angels of Passion', held concerts supporting veterans and Afghan War soldiers, and performed at international events, including the Bob Marley tribute festival in Moscow.

Beyond the stage, Yerlan Kokeyev established a successful film career, playing leading roles in the movies 'Little Angel' and 'Once Upon a Time in a Trunk'.

In 2007, he was awarded the honorary title 'Cultural Figure of the Republic of Kazakhstan'.

His talent gained international acclaim in 2011 when the song 'Sen', featuring his lyrics and performed by Dinara Sultan, won the Grand Prix at the International Slavianski Bazaar Festival in Vitebsk. Just two years later, Yerlan joined the jury of this prestigious competition, representing Kazakhstan on the global stage.

He remains actively engaged in developing the country's music industry, balancing his creative pursuits with production and educational activities. By teaching Art Management at the Zhurgenov Academy of Arts and the National State Conservatory, he is actively shaping the next generation of artists, managers, and producers. He is also the author of a textbook on Art Management.

Yerlan Kokeyev is an accomplished organizer and producer: he opened the Retro Shlyager disco clubs in Almaty and Astana, and later his own Kokeyev Resto-Bar-Karaoke, all of which became vibrant hubs for live music and community interaction.

In 2018, he won the EMA-2018 Award for the Best Live Band of the Year and once again joined the jury of the Slavianski Bazaar contest.

In 2019, he became the producer of the Anshi Balapan international children's competition, dedicated to supporting young national talents.

Today, Yerlan Kokeyev continues to inspire and surprise audiences. His newest original project, focused on the transformation of consciousness through music and psychology, seamlessly integrates art, philosophy, and personal inner development.

He is married to Anara Kokeyeva, and together they are raising five children—three daughters and two sons.

His journey is more than just an artist's biography. It is the story of a man whose music, words, and energy help others find and listen to their authentic selves.

ЕРЛАН КӨКЕЕВТІҢ ШЫҒАРМАШЫЛЫҚ ЖОЛЫ

Музыкант, композитор, актер, ақын, жазушы, Жүргенов атындағы Өнер академиясының және Ұлттық мемлекеттік консерваторияның оқытушысы, Қазақстанның еңбек сіңірген әртісі.

Ерлан Көкеев 1971 жылы 21 мамырда Қарағанды қаласында дүниеге келген. Ерте жасынан музыкаға, сахнаға және сөзге – кейін оның бүкіл өмірінің мәніне айналған өнер түрлеріне деген терең қызығушылық танытып келген. Құрманғазы атындағы Алматы мемлекеттік консерваториясын бітірген ол академиялық білімді эстраданың тірі энергиясымен біріктіріп, өзіндік қайталанбас шығармашылық стилін қалыптастырды.

Оның мансабы аты аңызға айналған «Дос-Мұқасан» тобында (1990–1993) басталды, онда ол солист ретінде өнер көрсетіп, қазақстандық сахна шеберлерінің тәжірибесін алды. 1993 жылы Ерлан І-ші Республикалық «Жас Қанат» конкурсының лауреаты, ал бір жылдан кейін халықаралық «Азия Дауысы» фестивалінің дипломанты атанды, бұл оған бүкілхалықтық танымалдыққа жол ашты.

90-жылдардың ортасында «Әуен» студиясының талантты аранжирлеушісі ретінде, кейін онжылдықтың соңында қазақстандық поп-мәдениетінің символына айналған танымал «АБК» тобының солисті ретінде көрінді. 1998 жылы оның жастар өнерін дамытуға қосқан үлесі Қазақстан Жастар одағының Мемлекеттік сыйлығымен атап өтілді.

2000 жылдары Ерлан Көкеев формалармен және жанрлармен тәжірибе жасауды жалғастырды. Ол «К-7» тобын басқарды, гастрольдік турлардың ұйымдастырушысы және «Жас ұрпаққа – сау планета» акциясынан бастап «Ботақаным» балалар қорының негізін қалауға дейінгі көптеген әлеуметтік және қайырымдылық бастамалардың авторы болды.

Ол «Құмарлық періштелері» рок-спектаклінің режиссері және қоюшысы болды, ардагерлер мен ауған жауынгерлерін қолдау концерттерін өткізді, сонымен қатар Мәскеудегі Боб Марлиді еске алу фестивалін қоса алғанда, халықаралық фестивальдарда өнер көрсетті.

Сахнадан басқа, Ерлан Көкеев «Періште» және «Бірде бағажда» фильмдерінде басты рөлдерді орындап, кинода да табысты өзін көрсетті.

2007 жылы оған «ҚР Мәдениет қайраткері» — «Қазақстан Республикасының мәдениет қайраткері» құрметті атағы берілді.

2011 жылы Динара Сұлтан орындаған, оның сөзіне жазылған «Сен» әні Витебскідегі халықаралық «Славян базары» фестивалінің Гран-приін жеңіп алды, ал екі жылдан кейін Ерлан осы беделді конкурстың қазылар алқасының құрамына кіріп, Қазақстанды әлемдік сахнада танытты.

Ол шығармашылықты продюсерлік және педагогикалық қызметпен ұштастыра отырып, елдің музыкалық индустриясын белсенді дамытуда. Жүргенов атындағы Өнер академиясында және Ұлттық мемлекеттік консерваторияда «Арт-менеджмент» пәнінен сабақ бере отырып, ол жас әртістердің, менеджерлердің және продюсерлердің жаңа буынын дайындауда. Арт-менеджмент бойынша оқу құралының авторы.

Ерлан Көкеев – сонымен қатар табысты ұйымдастырушы және продюсер: ол Алматы мен Астанада «Ретро Шлягер» диско-клубтарын, ал кейінірек Көкеевтің ресто-бар-караокесін ашты, олар тірі дыбыс

пен музыкалық қарым-қатынас алаңдарына айналды.

2018 жылы ол ЕМА-2018 марапатын «Жылдың үздік Live-Band» номинациясы бойынша алды және қайтадан «Славянский базар» конкурсының қазылар алқасының құрамына енді.

2019 жылы елдің жас таланттарын қолдап, халықаралық «Әнші Балапан» балалар конкурсының продюсері атанды.

Бүгін Ерлан Көкеев жұртшылықты таң қалдыруды және шабыттандыруды жалғастыруда. Оның музыка мен психология арқылы сананы өзгертуге бағытталған жаңа авторлық жобасы өнерді, философияны және тұлғаның ішкі дамуын біріктіреді.

Анара Көкеевамен отбасы құрған, бес баласы – үш қызы және екі ұлы бар.

Оның жолы – бұл тек әртістің тарихы емес. Бұл өзінің музыкасымен, сөзімен және энергиясымен басқаларға өзін тыңдауға көмектесетін адамның тарихы.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ЕРЛАНА КОКЕЕВА

Музыкант, композитор, актёр, поэт, писатель, преподаватель Академии искусств имени Жургенева и Национальной Государственной консерватории, Заслуженный артист Казахстана.

Кокеев Ерлан Амантайұлы родился 21 мая 1971 года в городе Караганда. С ранних лет он проявил глубокий интерес к музыке, сцене и слову – тем видам искусства, которые впоследствии стали смыслом всей его жизни. Окончив Алматинскую государственную консерваторию имени Курмангазы, он соединил академические знания с живой энергией эстрады, создав свой неповторимый творческий стиль.

Его карьера началась в легендарной группе «Дос-Мукасан» (1990–1993), где он выступал солистом, перенимая опыт мастеров казахстанской сцены. Уже в 1993 году Ерлан стал лауреатом I Республиканского конкурса «Жас Қанат», а год спустя – дипломантом международного фестиваля «Азия Дауысы», что открыло ему дорогу к всенародному признанию.

В середине 90-х он проявил себя как талантливый аранжировщик студии «Әуен», а затем – как солист популярной группы «АБК», ставшей символом казахстанской поп-культуры конца десятилетия. В 1998 году его вклад в развитие молодежного искусства был отмечен Государственной премией Союза молодежи Казахстана.

В 2000-х Ерлан Кокеев продолжил экспериментировать с формами и жанрами. Он возглавил группу «К-7», стал организатором гастрольных туров и автором многочисленных социальных и благотворительных инициатив: от акции «Молодому поколению – здоровую планету» до основания детского фонда «Ботаканым».

Он был режиссёром и постановщиком рок-спектакля «Ангелы страсти», проводил концерты в поддержку ветеранов и воинов-афганцев, выступал на международных фестивалях, включая фестиваль памяти Боба Марли в Москве.

Помимо сцены, Ерлан Кокеев успешно проявил себя в кино, исполнив главные роли в фильмах «Ангелочек» и «Однажды в багажнике».

В 2007 году ему было присвоено почётное звание «ҚР Мәдениет қайраткері» – «Деятель культуры Республики Казахстан».

В 2011 году песня «Сен» на его слова, исполненная Динарой Султан, завоевала Гран-при Международного фестиваля «Славянский базар» в Витебске, а уже через два года Ерлан вошёл в состав жюри этого престижного конкурса, представляя Казахстан на мировой сцене.

Он активно развивает музыкальную индустрию страны, сочетая творчество с продюсерской и педагогической деятельностью. Преподавая в Академии искусств имени Жургенева и Национальной Государственной консерватории дисциплину «Арт-менеджмент», он готовит поколение молодых артистов, менеджеров и продюсеров. Автор учебного пособия по Арт-менеджменту.

Ерлан Кокеев – также успешный организатор и продюсер. Им были открыты диско-клубы «Ретро Шлягер» в Алматы и Астане, а позже – ресто-бар-караоке Кокеева, ставшие площадками живого звука и музыкального общения.

В 2018 году он получил премию ЕМА-2018 в номинации «Лучший Live-Band года» и вновь вошёл в состав жюри конкурса «Славянский базар».

В 2019 году стал продюсером международного детского конкурса «Энші Балапан», поддерживая молодых талантов страны.

Сегодня Ерлан Кокеев продолжает удивлять и вдохновлять публику. Его новый авторский проект, направленный на трансформацию сознания через музыку и психологию, объединяет искусство, философию и внутреннее развитие личности.

Женат на Анаре Кокеевой, воспитывает пятерых детей: трёх дочерей и двух сыновей.

Его путь – это не просто история артиста. Это история человека, который своей музыкой, словом и энергией помогает другим услышать самого себя.

CONFERENCE REVIEWS. REPORTS ON SCIENTIFIC EVENTS AND
ACTIVITIES OF ORGANIZATIONS

КОНФЕРЕНЦИЯ ШОЛУЛАРЫ. ФЫЛЫМИ ІС-ШАРАЛАР МЕН
ҰЙЫМДАСТЫРУ ШАРАЛАРЫ ТУРАЛЫ ЕСЕПТЕР

ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ. ОТЧЕТЫ О НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ И
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ

REVIEW OF THE VII INTERNATIONAL CONFERENCE ON COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS "PROBLEMS OF COLLECTIVE MANAGEMENT OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS IN THE CONTEXT OF LEGAL SYSTEMS CONVERGENCE: CHALLENGES OF TIME, THE REAL AND THE IDEAL"

On October 9–10, the city of Almaty hosted the annual VII International Conference on Copyright and Related Rights "Problems of Collective Management of Copyright and Related Rights in the Context of Legal Systems Convergence: Challenges of Time, the Real and the Ideal". The conference is organized by Non-Profit Organization for Copyright and Related Rights Protection "Amanat", with invaluable assistance and support provided by professionals from the International Commercial Arbitration Court for Intellectual Property, the online school of intellectual property law, and representatives of Student Research Society "Thoughts and Speeches" of the Civil Law Department of V.F. Yakovlev Ural State Law University.

The Conference became a hub for interaction among intellectual property law specialists from Europe, Asia, and Africa. The participants' dialogue covered a wide range of issues related to the collective management of copyright and related rights, the specifics of protecting and exercising rights to accounts, NFTs, and works used in theatrical productions.

Mr. Murat Yildiz (Secretary General of MUYORBIR) and Mrs. Mariana Nozadze (Head of the International Relations Department of MUYORBIR) shared their experience in the collective management of performers' rights in Türkiye. MUYORBIR is one of the largest organizations for collective related rights management, uniting thousands of famous artists. The secret to its success and, at the same time, the organization's strategic goal is active international cooperation. MUYORBIR representatives establish strong ties with foreign collective management organizations, which allows rights holders to receive royalties not only from Turkish but also from foreign users. It is worth noting that following the Conference, Mr. Murat Yildiz and Ms. Lyubov Balmagambetova signed a mutual representation agreement between MUYORBIR and Amanat.

The practice of managing performers' rights in Japan was shared by Mr. Koichi Makigami (Vice-Chairman of the CPRA International Committee) and Mr. Yohsuke Utsumi, Ms. Kyoko Kojima (Tokyo, Japan). Ms. Kyoko Kojima, using Beyonce as an example, explained the method for calculating the amount of remuneration. Artists are divided into "foreground," i.e., Beyonce herself, and "background," which includes the accompanying dance ensemble. The royalty amount depends on the artist's ranking: "foreground" individuals receive 70% of the distributed sum, while "background" individuals receive 30%.

The audience reacted strongly not only to the company's successful financial performance but also to its system for tracking the use of musical compositions. A unique feature of Japan is the citizens' attachment to compact discs. For this reason, major music streaming companies only became available to users a few years ago and are not particularly popular. To establish the fact and quantity of a musical composition's use, CPRA uses special programs to read information from compact discs. According to official data, as of 2020, CPRA received remuneration from approximately 1,600 compact disc rental points.

CPRA, like its peers from Türkiye, is actively developing international cooperation. As of 2025, CPRA has concluded agreements with 55 organizations for collective management of related rights in 43 countries. A remuneration agreement is also in effect between CPRA and Amanat.

A report on the management of copyright and related rights in South Africa was presented by Pfanani Lishivha, CEO of the South African Music Performance Rights Association (SAMPRA) (South Africa, Johannesburg), and Board Member of SCAPR (Belgium, Brussels). In his speech, the speaker paid special attention to a major contemporary challenge – artificial intelligence technologies. Pfanani Lishivha emphasized the importance of international dialogue and the accumulation of intellectual resources to develop an optimal approach to the legal regulation of issues related to the outputs of artificial intelligence.

Representatives of the young scientific community of the Eurasian space presented reports on the specifics of exercising and inheriting rights to social media accounts and NFTs, and also examined the theoretical question of the nature of the right of authorship through the prism of the current phenomenon of "ghostwriting." The informational content of the presentations and visual materials by the young scientists sparked genuine interest among the foreign specialists.

It is worth noting that the language barrier was not an obstacle to the exchange of experience. The Conference participants were united by a profound dedication to intellectual property law, thanks to which dialogues on pressing challenges of managing copyright and related rights continued even after the conclusion of the Conference's working sessions.

The VII International Conference on Copyright and Related Rights demonstrated a shift in the practice of collective management of copyright and related rights towards digitalization, international dialogue, and comparative legal analysis. Following the Conference, it became clear: for a stable future of collective management within a single country, international cooperation, technological development, consolidation of experience, and updating legal approaches to regulating personal non-property and property rights in the digital space are necessary.

ОБЗОР VII МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ И СМЕЖНЫМ ПРАВАМ «ПРОБЛЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ АВТОРСКИМИ И СМЕЖНЫМИ ПРАВАМИ В УСЛОВИЯХ КОНВЕРГЕНЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ, СУЩЕЕ И ДОЛЖНОЕ»

9-10 октября 2025 года в городе Алматы состоялась ежегодная VII Международная конференция по авторскому праву и смежным правам на тему «Проблемы коллективного управления авторскими и смежными правами в условиях конвергенции правовых систем: вызовы времени, сущее и должное». Организатором конференций является «Некоммерческая организация по защите авторских и смежных прав «Аманат», а неоценимую помощь и содействие оказывают специалисты Международного коммерческого арбитражного суда по интеллектуальной собственности, онлайн-школы права интеллектуальной собственности и представители Научного студенческого сообщества «Мысли и речи» Кафедры гражданского права УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева.

Конференция стала центром взаимодействия специалистов в сфере права интеллектуальной собственности из стран Европы, Азии и Африки. Диалог участников охватил широкий спектр вопросов, посвященных коллективному управлению авторскими и смежными правами, особенностям охраны и реализации прав на аккаунты, NFT и произведения, используемые в театральных постановках.

Mr. Murat Yildiz (Генеральный секретарь MUYORBIR) и Mrs. Mariana Nozadze (Руководитель отдела международных связей MUYORBIR) поделились опытом коллективного управления правами исполнителей в Турции. MUYORBIR является одной из крупнейших организаций по коллективному управлению смежными правами, объединяющей тысячи известных артистов. Секретом успеха и одновременно стратегической целью организации является активное международное сотрудничество. Представители MUYORBIR устанавливают прочные связи с иностранными организациями по коллективному управлению, что позволяет правообладателям получать роялти не только от турецких, но и от зарубежных пользователей. Стоит отметить, что по итогам Конференции Mr. Murat Yildiz и Любовь Юрьевна Балмагамбетова подписали соглашение о взаимном представительстве MUYORBIR и «Аманат».

Практикой управления правами исполнителей в Японии поделились Mr. Koichi Makigami (заместитель председателя Международного комитета CPRA) и Mr. Yohsuke Utsumi, Ms. Kyoko Kojima (Япония, Токио). Ms. Kyoko Kojima на примере Веуонсе раскрыла способ исчисления размера вознаграждений. Артистов разделяют на «первый план», т.е. непосредственно Веуонсе, и «второй план», к которым относится танцевальный ансамбль сопровождения. От ранжирования артиста зависит размер роялти: лица «первого плана» получают 70% от распределяемой суммы, а лица «второго плана» – 30%.

Бурную реакцию слушателей вызвали не только успешные финансовые показатели компании, но и система учета использования музыкальных композиций. Особенностью Японии является приверженность граждан к компакт-дискам. По этой причине крупнейшие стриминговые компании, позволяющие прослушивать музыку, стали доступны пользователям всего пару лет назад и не обладают особой популярностью. Для установления факта и количества использования музыкальной композиции в CPRA используются специальные программы для чтения информации с компакт-диска. По официальным дан-

ным по состоянию на 2020 год CPRA получали вознаграждения от около 1600 пунктов проката компакт-дисков.

CPRA, как и коллеги из Турции, активно развивает международное сотрудничество. По состоянию в 2025 году CPRA заключены соглашения с 55 организациями по коллективному управлению смежными правами в 43 странах. Между CPRA и «Аманатом» в том числе действует соглашение о вознаграждениях.

С докладом об управлении авторскими и смежными правами в Южной Африке выступил Pfanani Lishivha, CEO Южно-Африканской Ассоциации по правам исполнителей (South African Music Performance Rights Association, SAMPRO) (ЮАР, Йоханнесбург), Член правления SCAPR (Бельгия, Брюссель). В своем выступлении спикер обратил особое внимание на масштабный вызов современности – технологии искусственного интеллекта. Pfanani Lishivha подчеркнул важность международного диалога и аккумуляции интеллектуальных ресурсов для разработки оптимального подхода к правовому регулированию вопросов, связанных с результатами функционирования искусственного интеллекта.

Представители молодого научного общества евразийского пространства выступили с докладами об особенностях осуществления и наследования прав на аккаунты в социальных сетях и NFT, а также рассмотрели теоретический вопрос о природе права авторства через призму актуального явления «гос-трайтинга». Информационная содержательность выступлений и визуальных материалов юных ученых вызвала у иностранных специалистов неподдельный интерес.

Стоит отметить, что языковой барьер не стал преградой к обмену опытом. Участников Конференции объединила трепетная преданность праву интеллектуальной собственности, благодаря чему диалоги об актуальных проблемах управления авторскими и смежными правами не прекращались и после завершения рабочих сессий Конференции.

VII Международная конференция по авторскому праву и смежным правам продемонстрировала смещение курса практики коллективного управления авторскими и смежными правами в сторону цифровизации, межнационального диалога и сравнительно-правового анализа. По итогам Конференции стало очевидно: для стабильного будущего коллективного управления в рамках одной страны необходимо международное сотрудничество, технологическое развитие, консолидация опыта и обновление правовых подходов к регулированию личных неимущественных и имущественных прав в цифровом пространстве.

ANNOUNCEMENT FOR AUTHORS

Dear Colleagues,

You are welcome to join the community of our Popular Science Journal.

We are now in the process of collecting material for our next issue, which marks the beginning of a major initiative aimed at integrating research and practical approaches to the study of intellectual property rights in an international format.

The submission deadline for materials for the third issue is February 15, 2026.

We would be pleased to receive your research articles in English at: ejofipl@gmail.com

Not only original research articles but also materials for op-ed page will be welcome:

1. Law Enforcement Insights.
2. Rising Scholars Forum.
3. International Law and Comparative Studies.
4. Reviews of Intellectual Property Law Related Books and Monographs.
5. Debates on Theoretical and Applied Issues.
6. Legislative Gaps.

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES

Articles shall be written in academic English.

The length of the paper should be between 3,000 and 8,000 words.

The originality must be no less than 95%.

Submit your paper to the editorial office in .doc or .docx format.

Text editor parameters:

- margins – 2 cm;
- font – Times New Roman;
- font size – 12;
- line spacing – 1;
- justified alignment;
- paragraph indent – 1 cm;
- page orientation – portrait.

Bold-faced type should be used for titles and subheadings.

Visual objects (if any) should be provided in jpeg or png format. You must provide a figure number and caption (e.g., Figure 1. "... [CAPTION]). All figures must be clear, and the legends clearly visible.

Tables (if any) should be placed within the paper itself. Provide a table number and caption. Any table shall have a description in the text of the paper.

Formatting of the paper metadata (English):

1. Full title of the article.
2. Running title.
3. By-line: First Name, Patronymic, Last Name (full) of the article's author(s).
4. Academic rank, academic degree, position.
5. Place of employment: department, faculty, higher educational establishment.
6. City, country.
7. Work address with postal code, work phone number.
8. E-mail.

For multiple authors of the article, the above details shall be given separately for each author.

The article shall have the following sections (headings shall be labeled):

1. Abstract	7. Discussion
2. Keywords	8. Conclusions
3. Introduction	9. Acknowledgements (if any)
4. Literature Review	10. References
5. Materials and methods	
6. Results	

More details on the content and formatting of the article sections:

1. **Abstract.** The optimal length of the abstract is from 150 to 250 words in English. The publisher reserves the right to partially change, shorten, or lengthen the abstract if it does not meet the requirements.

The abstract should include the thematic justification and rationale of the research issue; the key findings of the research; and the practical and theoretical relevance of the findings.

2. **Keywords.** The optimal number is 4–6 words relevant to the substance of the article. Keywords shall be listed in order of importance, separated by a semicolon.

3. **Introduction.** The introduction formulates the subject, goals, and objectives of the research, and justifies its relevance and implications. The text of this section should be structured from general to specific.

4. **Literature Review.** The section should contain an analysis of literature references of the research that confirms the absence of solutions to the stated problems in literary sources and identifies the predecessors whose studies underly the research paper.

The literature review must cite only recognizable (verifiable) sources.

Foreign-language articles should be cited with a DOI number, while books and other materials should be cited with a link to the access mode.

The Literature Review section must not: 1) create a list of sources that were not studied or used in the preparation of the paper, if you have neither studied nor used the specified sources, and 2) quote authors without citing them.

5. **Materials and methods.** The section should include the designation of the experimental base and research sample; a substantive and concise description of each method and technique individually; a brief description of the research design.

6. **Results.** The section is recommended to be presented primarily in the form of tables, graphs, and other illustrations. When used, all figures and tables should be accompanied by explanations. This section is part of the main body of the research and must include an analysis of the findings, their interpretation, and a comparison with the findings of other authors (references to the papers of other authors are mandatory).

7. **Discussion.** This section is part of the main body of the research and should contain a brief overview of the research, a summary of the most significant findings of the previous section, a comparison with other studies on a similar topic, and identification of areas of concern.

8. **Conclusion.** The section includes a brief presentation of the research findings, and a summary of the conclusions. The conclusions should logically correspond to the objectives stated at the head of the article.

9. **Acknowledgements.** This section may contain information about grants, funding, subsidies as well as acknowledgements (if any). If there is no need to provide such information, the section can be omitted.

10. **References.** References should be provided in alphabetical order with continuous numbering. In-text citations to the corresponding source from the reference list should be formatted in parentheses. For example: (1, p. 56). No automatic page links are allowed. References should contain at least 35 sources issued during the last 3 years, of which at least 15 sources should be foreign. It is a must to use articles published in **Scopus and Web of Science** databases within the last 3–5 years. Self-citation by the article's authors is allowed, but no more than 1–2 reference(s) to the papers of each author.

It is necessary to include a reference to the UDC – <https://teacode.com/online/udc/> (according to the topic of the article).

It is a must to submit a separate file describing **the scientific novelty of the article for an international audience**, the contribution your article makes to the development of international academic knowledge, the increment of academic knowledge, etc. – maximum 200 words.

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ХАБАРЛАНДЫРУ

Құрметті әріптестер!

Сізді ғылыми-көпшілік журналымыздың қауымдастығына қосылуға шақырамыз.

Біз халықаралық форматтағы интеллектуалдық құқықтарды зерделеуге қатысты зерттеу және практикалық тәсілдерді біріктіруге бағытталған маңызды бастаманың алғашқы қадамын білдіретін кезекті нөмірді дайындап жатырмыз.

Үшінші нөмірге материалдарды ұсыну мерзімі – 2026 жылғы 15 ақпан.

Ғылыми мақалаларыңызды ағылшын тілінде мына мекенжайға жіберсеңіз, біз қуана қарсы аламыз: ejofipl@gmail.com

Біз тек түпнұсқа ғылыми-зерттеу мақалаларын ғана емес, сонымен қатар келесідей авторлық бағаналардағы материалдарды да қабылдауға дайынбыз:

1. Құқық қолдану аналитикасы.
2. Жас ғалымдар мінбері.
3. Халықаралық құқық және салыстырмалы зерттеулер.
4. Интеллектуалдық меншік құқығы бойынша кітаптар мен монографияларға рецензиялар.
5. Теориялық және қолданбалы мәселелер бойынша пікірталас.
6. Заңнамадағы олқылықтар.

МАҚАЛАЛАРДЫ РӘСІМДЕУГЕ ҚОЙЫЛАТЫН ТАЛАПТАР

Мақалалар академиялық ағылшын тілінде қабылданады.

Мақала көлемі: 3000 сөзден 8000 сөзге дейін.

Мәтіннің бірегейлігі: кемінде 95%.

Мақала мәтіндері редакцияға .doc, .docx форматында ұсынылады.

Мәтіндік редактор параметрлері:

- жиектері – 2 см;
- қаріп – Times New Roman;
- кегль – 12;
- жоларалық интервал – 1;
- ені бойынша туралау;
- абзацтық шегініс – 1 см;
- парақ бағыты – кітаптық.

Атаулар мен кіші тақырыптар үшін қою қара түсті қаріп қолданылады.

Көрнекі нысандар (бар болса) jpeg немесе png форматында ұсынылуы тиіс. Сурет нөмірі мен атауын көрсету қажет (мысалы, 1-сурет. «...» (атауын көрсету)). Барлық сурет анық, жазулар айқын көрінуі керек.

Кестелер (бар болса) мақаланың өзінде орналастырылады. Кесте нөмірі мен оның атауын көрсету қажет. Кесте мақала мәтнінде сипатталуы тиіс.

Мақала метадеректерін рәсімдеу (ағылшын тілінен Ағылшын тіліне аудармасымен):

1. Мақаланың толық атауы.
2. Мақала атауының қысқартылған нұсқасы (Running

title).

3. Мақала авторының/авторларының аты, әкесінің аты, тегі (толық).

4. Ғылыми атағы, ғылыми дәрежесі, лауазымы.

5. Жұмыс орны: кафедра, факультет, жоғары оқу орнының атауы.

6. Қала, ел.

7. Пошта индексі бар жұмыс мекенжайы, жұмыс телефоны.

8. E-mail.

Егер мақала авторлары бірнешеу болса, онда ақпарат әр автор үшін қайталанады.

Мақала құрылымы келесі бөлімдерді қамтуы тиіс (тақырыпшалар көрсетілуі керек):

1. Аннотация / Abstract

2. Түйінді сөздер / Keywords

3. Кіріспе / Introduction

4. Әдеби шолу / Literature Review

5. Материалдар мен әдістер / Materials and methods

6. Нәтижелер / Results

7. Талқылау / Discussion

8. Қорытынды / Conclusions

9. Алғыс білдіру (бар болса) / Acknowledgements

10. Әдебиеттер тізімі / References

Мақала бөлімдерінің мазмұны мен рәсімделуі туралы толығырақ:

1. **Аннотация.** Аннотацияның оңтайлы көлемі ағылшын тілдерінде 150 сөзден 250 сөзге дейін. Баспа талаптарға сәйкес келмеген жағдайда аннотация көлемін ішінара өзгертуге, қысқартуға немесе ұлғайтуға құқылы.

Аннотация зерттеу мәселесінің өзектілігі мен мақсаттылығын, зерттеудің негізгі нәтижелерін, алынған нәтижелердің практикалық және теориялық маңыздылығын қамтуы тиіс.

2. **Түйінді сөздер.** Оңтайлы көлемі – мақаланың мәні бойынша 4–6 сөз. Түйінді сөздер маңыздылығына қарай ретпен беріледі, олар бір–бірінен нүктелі үтірмен бөлінеді.

3. **Кіріспе.** Кіріспеде зерттеудің пәні, мақсаттары мен міндеттері тұжырымдалады, зерттеудің өзектілігі мен маңыздылығы негізделеді. Бұл бөлімнің мәтіні жалпыдан жекеге қарай тұжырымдалуы тиіс.

4. **Әдеби шолу.** Бұл бөлімде қойылған міндеттерді шешудің әдеби деректерде жоқ екенін растайтын және жұмыс негізделген зерттеулердің бастаушыларын көрсететін зерттеудің дереккөздер базасына талдау жасалуы тиіс.

Әдеби шолуда тек танымал (тексерілетін) дереккөздерге сілтеме жасау қажет.

Шетелдік мақалалар DOI нөмірімен, ал кітаптар және басқа да материалдар қолжетімділік режиміне сілтемен көрсетіледі.

«Әдеби шолу» бөлімінде мыналарға тыйым салынады: 1) егер сіз көрсетілген дереккөздерді зерттемеген және пайдаланбаған болсаңыз, мақаланы дайындау кезінде зерттелмеген немесе пайдаланылмаған дереккөздер тізімін жасауға және 2) авторларға сілтеме жасамай, олардан үзінді келтіруге.

5. **Материалдар мен әдістер.** Бөлім зерттеудің эксперименттік базасы мен іріктеуін белгіледі, әрбір әдіс пен әдістемені жеке-жеке мазмұнды және сыйымды сипаттауды, зерттеу схемасының қысқаша сипаттамасын қамтуы тиіс.

6. **Нәтижелер.** Бұл бөлімді негізінен кестелер, графиктер және басқа да иллюстрациялар түрінде ұсыну ұсынылады. Пайдаланылған кезде барлық сурет пен кесте түсініктемелермен берілуі тиіс. Бұл бөлім зерттеудің негізгі бөлігіне жатады және міндетті түрде алынған нәтижелерді талдауды, оларды түсіндіруді, басқа авторлардың нәтижелерімен салыстыруды (басқа авторлардың жұмыстарына сілтемелер міндетті түрде көрсетіледі) қамтиды.

7. **Талқылау.** Бұл бөлім зерттеудің негізгі бөлігіне жатады және зерттеуге қысқаша шолуды, алдыңғы бөлімде анықталған ең маңызды нәтижелердің қысқаша сипаттамасын, оларды ұқсас тақырыптағы басқа зерттеулермен салыстыруды, проблемалық аймақтарды бөліп көрсетуді қамтуы тиіс.

8. **Қорытынды.** Бұл бөлім зерттеу нәтижелерін қысқаша ұсынуды, қорытындыларды жинақтауды қамтиды. Қорытындылар мақаланың басында қойылған міндеттерге логикалық тұрғыдан сәйкес болуы тиіс.

9. **Алғыс білдіру.** Бұл бөлімде грант, қаржыландыру, субсидия туралы ақпарат, сондай-ақ алғыс білдіру (бар болса) орналастырылуы мүмкін. Мұндай ақпаратты көрсету қажет болмаған жағдайда, бөлімді өткізіп жіберуге болады.

10. **Әдебиеттер тізімі.** Әдебиеттер тізімі алфавиттік тәртіппен, тұтас нөмірлену арқылы беріледі. Мәтіндегі әдебиеттер тізіміндегі тиісті дереккөзге сілтемелер дөңгелек жақшаның ішінде рәсімделеді. Мысалы: (1, 56–6.). Автоматты беттік сілтемелерді пайдалануға рұқсат етілмейді. Әдебиеттер тізімі соңғы 3 жылдағы кемінде 35 дереккөзді қамтуы тиіс, оның ішінде шетелдік дереккөздер кемінде 15 болуы керек. Соңғы 3–5 жыл ішінде **Scopus және Web of Science** базаларында жарияланған мақалаларды пайдалану міндетті. Мақала авторларының өзін-өзі дәйексөз етуіне рұқсат етіледі, бірақ мақаланың әр авторының жұмысына 1–2 сілтемеден аспауы керек.

ӘОЖ – <https://teacode.com/online/udc/> сілтемесін қосу қажет (мақала тақырыбына сәйкес).

Мақаланың халықаралық аудиторияға арналған ғылыми жаңалығының сипаттамасын, мақаланың халықаралық ғылыми білімді дамытуға қосқан үлесін, ғылыми білімнің өсуін және т.б. сипаттайтын бөлек файлды ұсыну міндетті – 200 сөзден аспауы керек.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас присоединиться к сообществу нашего научно-практического журнала.

Мы готовим очередной номер, который знаменует собой начало важной инициативы, направленной на объединение исследовательских и практических подходов к изучению интеллектуальных прав в международном формате.

Сроки предоставления материалов в третий номер – 10 февраля 2026 года.

Будем рады, если Вы пришлете нам свои научные статьи на английском языке на адрес: ejofipl@gmail.com

Мы готовы принять не только оригинальные научно-исследовательские статьи, но и материалы в авторские колонки:

1. Аналитика правоприменения.
2. Трибуна молодых ученых.
3. Международное право и сравнительные исследования.
4. Рецензии на книги и монографии по праву интеллектуальной собственности.
5. Полемика по теоретическим и прикладным вопросам.
6. Пробелы законодательства.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на академическом английском языке.

Объем статьи от 3000 до 8000 слов.

Оригинальность текста статьи не менее 95%.

Тексты статей предоставляются в редакцию в формате .doc, .docx.

Параметры текстового редактора:

- поля – 2 см.;
- шрифт – Times New Roman;
- кегль – 12;
- межстрочный интервал – 1;
- выравнивание по ширине;
- абзацный отступ – 1 см.;
- ориентация листа – книжная.

Для названий и подзаголовков используется полужирное начертание текста.

Визуальные объекты (при наличии) должны быть предоставлены в формате jpeg или png. Необходимо дать номер рисунка и название (например, Рисунок 1. «...» (указать название). Все рисунки должны быть четкими, надписи хорошо видны.

Таблицы (при наличии) размещаются в самой статье. Необходимо дать номер таблицы и ее название. Таблица должна иметь описание в тексте статьи.

Оформление метаданных статьи (анг. с пер. на русский или казахский яз.):

1. Полное название статьи.
2. Укороченный вариант названия статьи (Running title).
3. Имя, Отчество, Фамилия (полностью) автора/-ов статьи.
4. Ученое звание, ученая степень, должность.
5. Место работы: кафедра, факультет, название вуза.
6. Город, страна.
7. Рабочий адрес с почтовым индексом, рабочий телефон.
8. E-mail.

Если авторов статьи несколько, то информация повторяется для каждого автора.

Необходимо включить указание на УДК – <https://teacode.com/online/udc/> (согласно тематике статьи).

Структура статьи должна содержать следующие разделы (заголовки должны быть подписаны):

1. Аннотация / Abstract

2. Ключевые слова / Keywords

3. Введение / Introduction

4. Литературный обзор / Literature Review

5. Материалы и методы / Materials and methods

6. Результаты / Results

7. Обсуждение / Discussion

8. Заключение / Conclusions

9. Благодарности (при наличии) / Acknowledgements

10. Список литературы / References

Подробнее о содержании и оформлении разделов статьи:

1. **Аннотация (Abstract)**. Оптимальный объем аннотации от 150 до 250 слов на русском и английском языках. Издательство оставляет за собой право частично изменить, сократить или увеличить объем аннотации в случае несоответствия требованиям.

Аннотация должна включать в себя актуальность и целесообразность исследования проблемы; основные результаты исследования; практическую и теоретическую значимость полученных результатов.

2. **Ключевые слова (Keywords)**. Оптимальный объем – 4–6 слов по сути статьи. Ключевые слова приводятся в порядке значимости, отделяются друг от друга точкой с запятой.

3. **Введение (Introduction)**. Во введении формулируется предмет, цели и задачи исследования, обосновывается актуальность и значимость исследования. Текст данного раздела должен быть сформулирован от общего к частному.

4. **Литературный обзор (Literature Review)**. Раздел должен содержать анализ источниковой базы исследования, подтверждающий отсутствие в литературных источниках решений поставленных задач и указывающий предшественников, на исследованиях которых базируется работа.

В обзоре литературы необходимо ссылаться только на узнаваемые (проверяемые) источники.

Иностранные статьи указываются с номером DOI, книги и прочее – со ссылкой на режим доступа.

В разделе «Литературный обзор» запрещается: 1) формировать список из источников, которые не были изучены или использованы при подготовке статьи, если вы не изучали и не использовали указанные источники и 2) цитировать авторов, не ссылаясь на них.

5. **Материалы и методы (Materials and methods)**. Раздел должен включать в себя обозначение экспериментальной базы и выборки исследования; содержательное и емкое описание каждого метода и методики в отдельности; краткое описание схемы исследования.

6. **Результаты (Results)**. Раздел относится к основной части исследования и обязательно включает анализ полученных результатов, их интерпретацию, сравнение с результатами других авторов (обязательно указываются ссылки на работы других авторов).

7. **Обсуждение (Discussion)**. Раздел относится к основной части исследования и должен содержать краткий обзор исследования, краткое описание наиболее значимых выявленных в предшествующем разделе результатов, их сравнение с другими исследованиями по аналогичной тематике, выделение проблемных областей.

8. **Заключение (Conclusion)**. Раздел включает краткое представление результатов исследования, обобщение выводов. Выводы должны логически соответствовать поставленным в начале статьи задачам.

9. **Благодарности / Acknowledgements**. В разделе может быть размещена информация о гранте, финансировании, субсидии, а также благодарностей (при наличии). В случае отсутствия необходимости указания такой информации раздел может быть пропущен.

10. **Список литературы (References)**. Список литературы приводится в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Ссылки в тексте на соответствующий источник из списка литературы оформляются в круглых скобках. Например: (1, с. 56). Использование автоматических постраничных ссылок не допускается. Список литературы должен содержать не менее 35 источников за последние 3 года, из которых иностранных источников – не менее

15. Обязательно использование статей, опубликованных в базах **Scopus и Web of Science**, за последние 3 – 5 лет. Самоцитирование авторов статьи допускается, но не более 1–2 ссылки на работы каждого автора статьи.

Обязательным является **представление описания научной новизны** (Statement of Scientific Novelty and International Contribution) статьи для международной аудитории, вклада статьи в развитие международного научного знания, приращение научного знания и т.п. – не более 200 слов (на английском языке).

Частное Учреждение
«Некоммерческая организация по защите
авторских и смежных прав «Аманат»

Аманат

15 лет

**НА СТРАЖЕ ИНТЕРЕСОВ
ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ**

050022, г. Алматы

пр. Сейфуллина, д. 597а, офис 404

тел.: +7 (727) 313 17 02

333 17 16, 333 17 19

e-mail: info@kazamanat.kz

www.kazamanat.kz

Еуразиялық журнал
Зияткерлік меншік құқығы

EURASIAN JOURNAL OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW / ЕУАЗИЯЛЫҚ ЖУРНАЛ
ЗИЯТКЕРЛІК МЕНШІК ҚҰҚЫҒЫ, № 2, декабрь, 2025

EDITORIAL OFFICE
РЕДАКЦИЯ

Kaudyrov T.E.

Editor-in-Chief

Balmagambetova L.Yu.

Creative Director

Bratus D.V.

Managing Editor

Bazarbayeva A.N.

Design and Layout

Belotserkovets S.P., Sergiyenko S.A.

Correspondents

Каудилов Т.Е.

Бас редактор

Балмагамбетова Л.Ю.

Креативтік директор

Братусь Д.В.

Шеф-редактор (жетекші редактор)

Базарабаева А.Н.

Дизайн және беттеу

Белоцерковец С.П., Сергиенко С.А.

Тілші редакторлар

Каудилов Т.Е.

Главный редактор

Балмагамбетова Л.Ю.

Креативный директор

Братусь Д.В.

Шеф-редактор (ведущий редактор)

Базарабаева А.Н.

Дизайн и верстка

Белоцерковец С.П., Сергиенко С.А.

Корреспонденты

Cover Feature: Mr. Pfanani Lishivha

The views expressed by the authors do not necessarily reflect the opinions of the editorial board. The editorial board assumes no responsibility for the content of advertisements. All articles are peer-reviewed. Based on a negative review from an editorial board member, the editorial board reserves the right to reject a submission for publication. Our peer-review process adheres to the standards required for journals indexed in Scopus. The journal is published in three languages (English, Kazakh, and Russian). Metadata languages: English, Kazakh, Russian.

© Amanat Non-Profit Organization for the Protection of Copyright and Related Rights, 2025. Reproduction of any material from this issue is prohibited by the exclusive right holders and the authors.

Мұқабда: Mr. Pfanani Lishivha

Авторлардың пікірлері әрқашан редакцияның көзқарасымен сәйкес келе бермейді. Жарнамалық материалдардың мазмұны үшін редакция жауап бермейді. Барлық мақалалар рецензиядан өтеді. Редакция редакциялық алқа мүшесінің теріс пікірі негізінде авторға жариялаудан бас тартуға құқылы. Рецензиялау процесі Scopus-та индекстелетін журналдарға қойылатын талаптарға сәйкес жүргізіледі. Журнал үш тілде жарық көреді (ағылшын, қазақ және орыс).
Метадеректер тілі: ағылшын, қазақ, орыс.

© «Аманат» авторлық және сабақтас құқықтарды қорғау жөніндегі коммерциялық емес ұйымы, 2025 ж. Материалдарды көшіруге тыйым салынады. Барлық авторлық құқықтар авторларда сақталады.

На обложке: Mr. Pfanani Lishivha

Мнение авторов не всегда отражает точку зрения редакции. За содержание рекламных объявлений редакция ответственности не несет. Все статьи проходят рецензирование. Редакция на основании отрицательной рецензии члена редакционной коллегии имеет право отказать автору в публикации. Процесс рецензирования происходит согласно требованиям к журналам, индексируемым в Scopus. Журнал издается на трех языках (английском, казахском и русском). Язык метаданных: английский, казахский, русский.

© Некоммерческая организация по защите авторских и смежных прав «Аманат», 2025 г. Перепечатка материалов номера запрещена обладателем исключительных прав и авторами.

EURASIAN JOURNAL OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW / ЕУАЗИЯЛЫҚ ЖУРНАЛ
ЗИЯТКЕРЛІК МЕНШІК ҚҰҚЫҒЫ, NO. 2, DECEMBER, 2025

Publisher: Amanat Non-Profit Organization for the Protection of Copyright and Related Rights, Private Institution

Certificate No. KZ79VPY00134116, issued on 14.11.2025, for the registration of a periodical print publication, information agency, and online media (Astana, Kazakhstan)

Format: Print and Electronic

EURASIAN JOURNAL OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW / ЕУАЗИЯЛЫҚ ЖУРНАЛ
ЗИЯТКЕРЛІК МЕНШІК ҚҰҚЫҒЫ, №2, ЖЕЛТОҚСАН, 2025

Құрылтайшысы: «Авторлық және сабақтас құқықтарды қорғау жөніндегі «Аманат» коммерциялық емес ұйымы» жеке мекемесі.

Свидетельство № KZ79VPY00134116 14.11.2025 ж. берілген (Қазақстан, Астана) – мерзімді баспа басылымын, ақпараттық агенттік тіркелу туралы.

Шығару форматы: баспа және электрондық.

EURASIAN JOURNAL OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW / ЕУАЗИЯЛЫҚ ЖУРНАЛ
ЗИЯТКЕРЛІК МЕНШІК ҚҰҚЫҒЫ, № 2, декабрь, 2025

Учредитель: Частное учреждение «Некоммерческая организация по защите авторских и смежных прав «Аманат»

Свидетельство № KZ79VPY00134116 от 14.11.2025 г. о постановке на учет периодического печатного издания, информационного агентства и сетевого издания СМИ (Казахстан, Астана)

Форма выпуска: печатная и электронная

